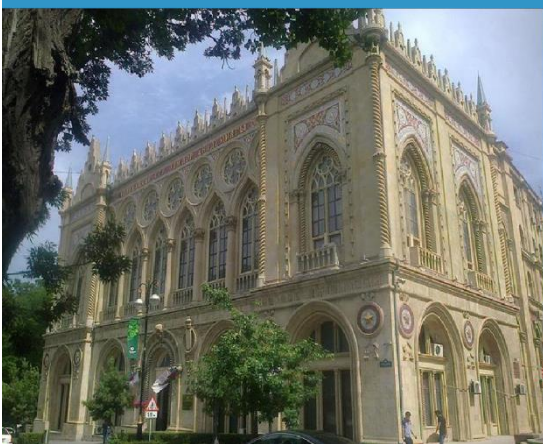

MULTICULTURAL RESEARCH МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 跨文化研究

Scientific Journal / Научный журнал / 学术期刊

中国 湖州

2024 № 3 (20)

主办单位：
湖州师范学院

地址：
湖州师范学院跨文化
研究中心（浙江省湖州
市二环东路 759 号）

邮箱：
02546@zjhu.edu.cn

电话：
0572-2321033

邮政编码：
313000

主编:

李姬花
教育学博士，副教授

湖州师范学院
(中国)

副主编:

彼洛仁科·莉迪娅
教育学博士，教授

湖州师范学院
(中国)

执行秘书(负责期刊发布):

沙利娅科娃-巴赞卡·伊丽娜
语言学博士，副教授

湖州师范学院
(中国)

国际编委会成员

阿布拉扎德·古尔纳兹
哲学博士，教授

巴库音乐学院
(阿塞拜疆)

阿列克谢耶夫·阿普拉辛·阿纳托利
文化学、教授

圣彼得堡国立大学
(俄罗斯)

扎哈林娜·尤利娅
艺术学博士，教授

白俄罗斯国立师范大学
(白俄罗斯)

拉普提诺克·亚历山大
哲学博士，教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

马蒂修克·帕维尔
文化学、哲学博士，教授

白俄罗斯国立文化艺术大学
(白俄罗斯)

梅格雷利什维利·塔蒂亚娜
语言学博士，教授

格鲁吉亚技术大学
(格鲁吉亚)

梅尔尼科娃·安吉拉
语言学博士，教授

白俄罗斯戈梅利国立大学
(白俄罗斯)

米赛克·依丽娜
哲学博士，教授

南乌克兰国立教育学院
(乌克兰)

纳吉耶娃·弗洛拉·苏丹·吉兹
语言学博士、教授

巴库斯拉夫大学
(阿塞拜疆)

巴利齐科·根纳迪
教育学博士，教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

鲁塞茨基·瓦西里
教育学博士，教授

教育学院
(白俄罗斯)

斯内普科夫斯卡娅·斯维特兰娜
教育学博士、历史学博士，教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

宋珊珊
文化学博士

湖州师范学院
(中国)

陈陈林
语言学博士

湖州师范学院
(中国)

Editor-in-Chief:

Li Jihua,
PhD (Pedagogy),
Associate Professor
Huzhou University
(China)

Deputy Editor-in-Chief:

Pyrozhenko Lidiia,
Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor
Huzhou University
(China)

Executive Editor:

**Shauliakova-Barzenka
Iryna,**
PhD (Philology),
Associate Professor
Huzhou University
(China)

Главный редактор:

Ли Цзихуа,
кандидат педагогических
наук, доцент
Университет Хучжоу
(Китай)

**Заместитель главного
редактора:**

Пироженко Лидия,
доктор педагогических
наук, профессор
Университет Хучжоу
(Китай)

**Ответственный
секретарь
(выпускающий редактор):**

**Шевлякова-Борзенко
Ирина,** кандидат
филологических наук,
доцент
Университет Хучжоу
(Китай)

International Editorial Board

Abdullazade Gulnaz,
Doctor of Philosophy,
Professor
Baku Academy of Music
(Azerbaijan)

**Alekseev-Apraksin
Anatoly,**
Doctor of Cultural
Studies, Professor
St Petersburg University
(Russia)

Zakharina Yulia,
Doctor of Arts, Professor
Belarusian Pedagogical
State University named
after Maxim Tank
(Belarus)

Laptenok Alexander,
Doctor of Philosophy,
Professor
Belarusian State University
(Belarus)

Martysiuk Pavel,
Doctor of Cultural
Studies, Doctor of
Philosophy, Professor
Belarusian State University
of Culture and Arts
(Belarus)

Megrelishvili Tatiana,
Doctor of Philology,
Professor
Georgian Technical
University
(Georgia)

Melnikava Angela,
Doctor of Philology,
Professor
Francisk Skorina Gomel
State University
(Belarus)

Mysyk Irina,
Doctor of Philosophy,
Professor
South Ukrainian State
Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
(Ukraine)

Международный редакционный совет

Абуллазаде Гульназ,
доктор философских наук,
профессор
Бакинская музыкальная
академия имени
Узеира Гаджибекова
(Азербайджан)

**Алексеев-Апраксин
Анатолий,**
доктор культурологии,
профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет
(Россия)

Захарина Юлия,
доктор искусствоведения,
профессор
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
(Беларусь)

Лаптёнок Александр,
доктор философских наук,
профессор
Белорусский государственный
университет
(Беларусь)

Мартысюк Павел,
доктор культурологии,
доктор философских наук,
профессор
Белорусский государственный
университет культуры и
искусств
(Беларусь)

Мегрелишвили Татьяна,
доктор филологических
наук, профессор
Грузинский технический
университет
(Грузия)

Мельникова Анжела,
доктор филологических
наук, профессор
Гомельский государственный
университет имени
Франциска Скорины
(Беларусь)

Мысык Ирина,
доктор философских наук,
профессор
Южноукраинский
государственный
педагогический университет
имени К. Д. Ушинского
(Украина)

Najieva Flora Sultan gizi, Doctor of Philology, Professor	Baku Slavic University (Azerbaijan)	Наджиева Флора Султан гызы, доктор филологических наук, профессор	Бакинский славянский университет (Азербайджан)
Palchyk Henadzi, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)	Пальчик Геннадий, доктор педагогических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Rusetsky Vasily, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Academy of Education (Belarus)	Русецкий Василий, доктор педагогических наук, профессор	Академия образования (Беларусь)
Snapkovskaya Svetlana, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)	Снапковская Светлана, доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Song Shanshan, PhD (Cultural studies)	Huzhou University (China)	Сун Шаншан, кандидат культурологии	Университет Хучжоу (Китай)
Chen Chenlin, PhD (Philology)	Huzhou University (China)	Чень Ченлинь, кандидат филологических наук	Университет Хучжоу (Китай)

CONTENT

■ Cultural studies	
Xu Haiyan, Wu Jing	7
On cultural identity and cross-cultural communication: taking the phenomenon of Hanfu as an example	
Ma Chenglei	13
The symbolism of color in the scenography of Chinese musical theater	
■ Society	
Guzenkova Tamara	25
Civilizational and national models of happiness	
■ Pedagogical science and education	
Shahab Olga	44
Use of educational technologies in teaching Belarusian as a foreign language in China	
Shaulyakova-Barzenka Iryna	62
Educational environment-ecosystem as an object of study: promising areas of scientific research	
Gorbunova Maria	79
Formation of a system of independent assessment of the quality of education in the Republic of Belarus	
Zinovich Olga	89
The social danger of deviant educational behavior of students in the modern university environment	
■ Digitalization of education	
Lozitsky Vyacheslav	96
Implementation of mechanisms for ensuring continuity at the levels of general secondary and higher education in the context of digitalization	
Razhnova Anna	107
Formation of functional literacy in the field of working with information in the educational process of high school	
Aksenychuk Natallia	117
Development of the information-and-educational environment of the regional university model 3.0 in the conditions of digitalization	
■ Philology	
Yakovenko Natalya	125
National and cultural adaptation of a work of fiction in translation	
Yuan Hao, Shahab-Kastetskaya Cassandra	134
Taoist philosophy in Tolstoy's "Non-doing"	
Danilkovich Mikhail	146
Color and flower poetics in the lyrics of Arthur Rimbaud	
Sivakova Natallia	156
Spatial and temporal organization of Zakhar Prilepin's short story collection "Dogs and other people"	
Information about the authors	164
Information about the Multicultural Research Center of Huzhou University	172

СОДЕРЖАНИЕ

■ Исследования культуры	
Сюй Хайянь, У Цзин	7
О культурной идентичности и межкультурной коммуникации: на примере феномена ханьфу	
Ма Чэнлэй	13
Символика цвета в сценографии музыкального театра Китая	
■ Общество	
Гузенкова Тамара	25
Цивилизационные и национальные модели счастья	
■ Педагогическая наука и образование	
Шахаб Ольга	44
Использование образовательных технологий при обучении белорусскому языку как иностранному в Китае	
Шевлякова-Борзенко Ирина	62
Образовательная среда инновационного типа как объект исследований: перспективные направления научного поиска	
Горбунова Мария	79
Формирование системы независимой оценки качества образования в Республике Беларусь	
Зинович Ольга	89
Социальная опасность девиантного учебного поведения студентов в условиях информационно-образовательной среды современного университета	
■ Цифровизация образования	
Лозицкий Вячеслав	96
Реализация механизмов обеспечения преемственности на уровнях общего среднего и высшего образования в условиях цифровизации	
Ражнова Анна	107
Формирование функциональной грамотности в области работы с информацией в воспитательном процессе старшей школы	
Аксенчик Наталья	117
Развитие информационно-образовательной среды регионального университета модели 3.0 в условиях цифровизации	
■ Филология	
Яковенко Наталья	125
Национально-культурная адаптация художественного произведения при переводе	
Юань Хао, Шахаб-Костецкая Кассандра	134
Даосская философия в «Неделании» Льва Толстого	
Данилкович Михаил	146
Цветовая поэтика в лирике Артюра Рембо	
Сивакова Наталья	156
Пространственно-временная организация сборника рассказов Захара Прилепина «Собаки и другие люди»	
Информация об авторах	164
Информация о Мультикультурном исследовательском центре Университета Хучэжоу	172

CULTURAL STUDIES
ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

UDC 008; 391

Xu Haiyan,
*Doctor of Law,
Institute of Political Science,
Chinese Academy of Social Sciences
(China)*
zlcd001@163.com

Wu Jing,
*School of Government Management,
University of Chinese Academy of Social Sciences
(China)*
wujing260@126.com

**ON CULTURAL IDENTITY AND CROSS-CULTURAL
COMMUNICATION: TAKING THE PHENOMENON
OF HANFU AS AN EXAMPLE**

In the context of globalization, culture presents a trend of diversification. In recent years, Hanfu has rapidly spread among the younger generation in China, becoming an important way for them to express their cultural identity. This article takes Hanfu as an example to explore the cultural identity and cross-cultural communication issues behind it and reveals the risks and challenges that this cross-cultural communication phenomenon may face.

Keywords: traditional culture; Hanfu; cultural identity; identity recognition; cross-cultural communication.

With the deepening development of globalization and the increasing frequency of cross-cultural communication, cultural identity issues have become a common challenge faced by the younger generation worldwide. Clothing, as a cultural symbol, is one of the simplest and clearest carriers for reflecting, interpreting, and disseminating culture. The dissemination and exchange of clothing among different cultural regions can have mutual influence and change. Therefore, under the guidance of China's new concept of promoting a community with a shared future for mankind, Hanfu, as one of the cultural characteristics of China, will inevitably play a unique role in cross-cultural communication with the tide of globalization, emitting its irreplaceable value and role. Therefore, in China, the rise of Hanfu is not only a renewed focus on traditional clothing,

but also a platform for the younger generation to seek cultural roots, explore identity, and express themselves externally. This article will explore from the perspective of political and cultural practice how the revival of Hanfu became a medium for the younger generation to build and express cultural identity.

1. Two cultural perspectives

Defining culture is a very difficult task, and American anthropologist A. Lawrence Lowel (1856–1942) exclaimed, “There is nothing in this world that is more elusive than culture.” Therefore, what is culture? If there must be a definition in theory as needed for studying culture, culture is a manifestation of social consciousness, a product of human activities, and also shapes people. This is true in various fields, such as in the political field, where political culture is the psychological inclination of the political system, including attitudes, beliefs, values, ideologies, and other aspects [1]. Therefore, culture is a complex that includes a collection of human spiritual values and the lifestyle it guides. It has various forms of expression and is closely related to human activities. From the perspective of cultural carriers, culture has different types of carriers, which often run through daily production and life, such as people's clothing, food, housing, and transportation, reflecting their cultural aesthetics and preferences.

Culture has accumulation and inheritance, and social consciousness in history is passed down through generations of continuous learning and accumulation, through various methods such as hand-to-mouth transmission, physical inheritance, and written inheritance. Therefore, traditional culture has been passed down to today, and current culture is a product of history, a product that condenses the cultural information of generations in history, an ecological community containing spiritual values and lifestyles, and forms a collective personality through accumulation and guidance.

From a cultural perspective, there are currently two cultural perspectives in the world: one is the hegemonic culture based on Western centrism. This is the political domination or control of one country over another, but this domination or control relationship is not limited to direct political control but attempts to become a more universal domination, attempting to influence the perception of the world by people in other parts of the world, that is cultural domination. This perspective is imbued with the view of civilization hierarchy, which continued to develop with the global expansion of the United States after World War II [2]. Its distinctive feature is to emphasize the superiority and hierarchy of culture, pursuing the dominance of one culture over another, with obvious inequality. Under this framework, cultures of various ethnic groups cannot exchange and integrate on an equal footing and are permeated with strong jungle rules and a nonbenign relationship of the fittest, which is incompatible with the ultimate concept of the human pursuit of common prosperity. At present, with the development of information technology and changes in communication media, the speed of

communication is accelerating and the frequency of communication is increasing. The old cultural perspective can no longer accommodate the current development of global cross-cultural communication.

The second is the harmonious culture pursued by peace-loving countries and ethnic groups represented by our country. The harmonious culture emphasizes the harmonious coexistence of all things, peaceful coexistence, and reciprocity, and opposes the use of force over weakness, zero-sum, and games. For example, in March 2013, Chairman Xi Jinping first elaborated on the concept of a community with a shared future for mankind in a speech at the Moscow Institute of International Relations in Russia. This is the ideal pursuit of inheriting the Chinese traditional culture of “universal harmony,” continuing the brilliance of the Marxist ideology of “the union of free men,” comprehensively surpassing the Western traditional theory of international relations, becoming the latest theoretical achievement of Marxism’s sinicization and modernization, and making significant contributions to creating a new form of human civilization.

2. Analysis of the phenomenon of Hanfu dissemination

Culture requires communication and civilization requires mutual learning, which is an eternal law of human development. Hanfu, as an important carrier of cross-cultural communication and exchange, embodies traditional Chinese aesthetics and values and serves as a window for interpreting Chinese culture. From the current practice, it can be seen that in recent years, while Hanfu has emerged in China, it has significantly gone abroad and been welcomed by different groups outside the country.

The collision of Chinese and foreign cultures in the field of clothing can be traced back to the starting point of modern Chinese history. Since modern times, with the global colonization wave initiated by Western countries through the use of ships and artillery, customs and carriers of Western clothing, Western cuisine, and other cultures have been introduced to China in the footsteps of military conquest. It has had a profound impact on the existing production and lifestyle in our country, and cultural exchange products have emerged locally, such as qipao, which is a fusion of Chinese and Western clothing. But modern China has gone through three stages: learning advanced Western military technology, Western political system, and Western culture. In this transformation, some people have lost their confidence in traditional culture and indiscriminately denied it. This mentality is not conducive to the inheritance of Chinese culture and the rejuvenation of the Chinese nation.

However, at present, with the great achievements since the reform and opening, the Chinese people's confidence in the local culture has been growing, and their recognition of the excellent traditional Chinese culture has been manifested through different cultural carriers, such as the popularity of intangible cultural heritage, museum craze, and the prevalence of China-Chic. As an important carrier of traditional culture in the

field of clothing, Hanfu plays a unique role in showcasing the charm of traditional culture. Based on the restoration of traditional clothing, Hanfu has been brought back to the contemporary era, enhancing young people's sense of belonging and identification with traditional culture. While rooted in traditional restoration, Hanfu manufacturers are also actively absorbing current cultural needs and achievements from other cultures, improving Hanfu as a new choice for daily commuting, and producing cross-cultural style Hanfu products, which enhances the depth and breadth of Hanfu dissemination.

Among traditional Chinese cultural elements, Hanfu has a strong cross-cultural dissemination power. On *TikTok*, the number of videos related to Hanfu has exceeded 1 billion views. Wearing Hanfu to go abroad for check-in has become a new trend for young people in China to travel. Under the empowerment of modern craftsmanship, Hanfu, which is vibrant, colorful, luxurious, richly decorated, loose, and comfortable, is an important product for effective cultural exchange. For example, on the occasion of the tenth anniversary of the “Belt and Road” initiative, Zi De Guqin Studio was invited by the China Central Radio and Television Corporation's Mandarin Global Radio to invite students from ten countries along the line to immerse themselves in the charm of China's excellent traditional culture. The most impressive props are undoubtedly the Hanfu worn by participants, which shows the great role of Hanfu in cultural exchanges.

The revival and exchange of traditional culture such as Hanfu are also strongly supported and promoted at the national level. Since 2018, the Central Committee of the Communist Youth League has held the Chinese National Costume Day, Hanfu has become a frequent guest of CGTN Super Night, and Chinese embassies in the United States and other countries have chosen Hanfu activities for cultural exchange. These important activities showcase the charm of Hanfu and demonstrate its important role as a medium for the dissemination of Chinese culture.

3. Problems in cross-cultural communication

Although Chinese traditional cultural symbols such as Hanfu are currently going abroad, they also face some new risks and challenges in cross-cultural communication.

There is a certain degree of uncertainty in the inheritance and development of traditional culture itself. At present, cross-cultural communication has reached an unprecedented frequency and has had a profound impact. Under this historical condition, the “transformation” or “variation” of culture is not just a spontaneous choice of cultural subjects but is greatly influenced by cross-cultural communication [3]. Under the dual influence of cross-cultural communication, new problems inevitably arise regarding the influence of foreign cultures on cultural subject cognition. For example, it has become a common understanding among the Chinese people that suits are the current formal attire rather than traditional clothing such as Hanfu. This has a great impact on the development and inheritance of traditional culture. If the Chinese people, as the main

body of Chinese culture, have undergone a comprehensive change in their understanding of traditional culture, it will inevitably affect the future direction of traditional culture.

There are phenomena of exclusion and alienation in cross-cultural communication. Traditional culture is inevitably subject to exclusion and alienation from foreign cultures in cross-cultural communication, and this process is full of risks and challenges. Firstly, it is related to the characteristics of foreign cultures. In regions with strong local cultural identity, it is difficult for people to accept and identify with foreign cultures, and they often reject foreign products; Secondly, there are difficulties in integrating traditional culture with local cultures outside the region. Thirdly, influenced by political factors, in the current situation where Western culture is the mainstream, cultural tolerance, and mutual learning have a long way to go. For example, on the international fashion stage, China's clothing culture is still presented within the framework of Orientalism from a Western perspective.

4. Further enhancing cultural confidence and promoting path thinking for cross-cultural communication

Through comprehensive analysis and research, it is not difficult to see that the rise of traditional culture is an inevitable manifestation of China's overall national strength improvement. This article proposes three feasible paths on how to enhance cultural confidence and strengthen cultural exchange:

We should adhere to our excellent traditional culture, inherit its essence, cultivate the public's recognition and preference for excellent traditional culture, and enhance the recognition of Chinese culture, which is the source of the current living water to strengthen cultural self-confidence. Taking Hanfu as an example, if we do not understand the rich connotations and historical values of Hanfu culture, especially the historical and cultural information contained in Hanfu, we may not like Hanfu and are unwilling to accept it. In this way, we will lose the motivation to inherit Hanfu and promote its cross-cultural communication. Therefore, for traditional culture, education that solidifies the foundation and cultivates the essence is an urgent task.

We must adhere to the unwavering development and promotion of traditional culture, promote cross-cultural exchange of traditional culture, learn from each other, complement each other's strengths and weaknesses, further enhance the global influence and recognition of our traditional culture, help the younger generation find identity in the context of globalization and cultural diversity, enhance cultural belonging, enhance their admiration and preference for our traditional culture, and ultimately achieve the inheritance and innovation of traditional culture.

We must adhere to the equality and diversity of civilization. While maintaining the continuous development of our own traditional culture, we should not use our interests or positions as a standard to suppress, exclude, or even destroy other civilizations,

respect other civilizations, maintain harmonious coexistence with them, and reflect the goodwill and rationality of traditional Chinese civilization itself. Only in this way can we create a favorable cultural exchange environment and maintain the diversity of world civilizations.

References ¹

1. Almond: Comparative Politics: Systems, Processes, and Policies, Shanghai Translation Publishing House, 1987, p. 16.
2. Zhao Yuezhi. The meaning of “cross-cultural” in cross-cultural communication political and economic research, Global Media Journal, Issue 1, 2019, pp. 115-134.
3. Shi Anbin, Sheng Yang. From “Crossing” to “Transformation”: Theoretical Reconstruction and Path Reconstruction of Communication Research in the New Globalization Era. Contemporary Communication, Vol. 1, 2020, pp. 18-24.

¹ References are published in the author's edition. / Списки использованных источников публикуются в авторской редакции. – *Ed. / Ped.*

UDC 7.011.2

Ma Chenglei,
*Belarusian State University of
Culture and Arts
(Belarus)*
826387873@qq.com

THE SYMBOLISM OF COLOR IN THE SCENOGRAPHY OF CHINESE MUSICAL THEATER

The set design of a musical performance is one of the most interesting and little-explored topics in modern art criticism. The article traces the historical patterns of the development of color symbolism in China, examines the meaning of each of the colors of the traditional Wu-xing system, and identifies the features of the color symbolism of musical performances both from the standpoint of traditional interpretation and in the context of modern trends. In the theatrical art of China in the 21st century color often plays the role of a semantic dominant in the decorative solution, allowing you to convey the director's concept of the vision of the play and emphasizing the national flavor. The color determines the symbolic content of the work, which is strikingly different in Western European and Eastern theater. The identification of the unique semantic code of the color score of a musical performance in China determines the relevance of this study.

Keywords: symbolism of color; Chinese theater; musical theater; scenography; color; color scheme; decorative design.

Ма Чэнлэй,
*Белорусский государственный университет
культуры и искусств
(Беларусь)*
826387873@qq.com

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В СЦЕНОГРАФИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА КИТАЯ

Сценография музыкального спектакля является одной из интересных и малоисследованных тем в современном искусствоведении. В статье прослеживаются исторические закономерности развития символики цвета в Китае, рассматривается значение каждого из цветов традиционной системы «У-син», выявляются особенности цветовой символики музыкальных спектаклей как с позиций традиционной трактовки, так и в контексте современных тенденций. В театральном искусстве Китая XXI века цвет зачастую играет роль смысловой доминанты в декорационном решении, позволяя донести режиссерскую концепцию видения спектакля и подчеркивая национальный колорит. Цвет определяет символическое наполнение произведения, разительно отличающееся в западноевропейском и восточном

театре. Выявление уникального смыслового кода цветовой партитуры музыкального спектакля Китая определяет актуальность настоящего исследования.

Ключевые слова: символика цвета; театр Китая; музыкальный театр; сценография; колорит; цветовое решение; декорационное оформление.

На протяжении тысячелетий в традиционной китайской культуре на основе сложившихся философско-духовных традиций формировалось уникальное отношение к цветам, отражающее глубинные представления о мироздании. Цвет в Китае неразрывно связан с фундаментальными концепциями даосизма и конфуцианства. Каждый цвет наделялся глубоким сакральным значением, олицетворяя различные аспекты человеческого бытия: цветовая символика пронизывала не только искусство и культовую практику, но и повседневную жизнь, определяя выбор одежды, оформление жилищ и ритуалов.

По-особому тема цвета актуализируется в театральном искусстве Китая, в частности, в музыкальном театре, поскольку цветовое решение здесь выступает не только в качестве декоративного, но и символического элемента. Это накладывает отпечаток на восприятие зрителями сценических образов и цвета в целом, требуя от них особого культурного «ключа» для понимания специфики театрального языка и многообразия театральных интерпретаций. В этой связи важно обратить научное внимание на одну из малоисследованных тем в современном искусствоведении – символику цвета в сценографии музыкального театра Китая с целью выявления специфики данного феномена в исторической репрезентации.

Теоретико-методологической основой данного исследования послужили труды, посвященные различным аспектам развития изобразительного театрального искусства Китая и особенностям интерпретации символики цвета в различные исторические периоды (Жуан Юньчэнь [1], Ли Чжэн [2], С. А. Мозгот [3], Дин Даоси [4], Цяо Яньбин [5], У Цзин [7], Чжу Цзяцзюнь [8]).

Понятия «белый», «черный», «красный», «желтый» и «синий» появились в период династии Шан (1300–1046 гг. до н.э.). В период династии Восточная Хань (25–220) Сюй Шэнь в своей книге «Происхождение китайских иероглифов» представил подробный словарь наименований и значений цветов, включающий множество смыслообразующих нюансов для обозначения каждого цвета. Например, только для обозначения черного цвета использовалось 25 прилагательных: 小黑 «черноватый», 黑幽 «черный», 深黑 «иссиня-черный», 浅青黑 «черновато-синий», 青黑 «угольно-черный», 桑葚黑 «очень темный черно-пурпурный» и т.д.

Традиционная система пяти цветов «У-син» (кит. «пять элементов», «пять цветов», «пять состояний»), трактуемая значение цвета через призму устройства мироздания, была сформирована во времена династии Хань (202–220). Символика

цвета, согласно данной системе, включает такие элементы, как дерево, огонь, металл, воду и землю, каждый из которых являлся символом жизненных процессов, протекающих как в человеке, так и во Вселенной. Основными цветами данной системы являются красный, желтый, сине-зеленый, белый и черный, где красный символизирует огонь, жизненную силу, лето, юг; желтый – землю, межсезонье, центр земли, желтый является также основным цветом прародителя китайской нации «Желтого императора» и цветом колыбели всей китайской цивилизации – реки Хуанхэ; сине-зеленый – цвет весны и цветения, восток; белый – цвет увядания, осень, запад; черный – цвет зимы, олицетворяет холод, связан с севером.

Ярко выраженный символизм цвета грима, костюма и других элементов стал одной из характеристик первых театральных представлений, истоки которых прослеживаются с XII века до н.э. Значение цвета интерпретировалось согласно системе «У-син» и перемежалось с традициями каждого региона и эпохи. Особое значение в театральной культуре придавалось красному цвету. Немногочисленный реквизит, используемый в театральных представлениях, зачастую был окрашен в красный цвет для подчеркивания обособленности пространства сцены. Кроме того, красный как цвет огня, согласно системе «У-син», являлся цветом процветания и успеха, что стало причиной использования «красной сцены» на протяжении многих веков.

В отличие от красного, белый цвет в Китае имеет негативное значение и относительно табуирован. В системе «У-син» белый цвет трактуется как цвет увядания, неудачи и упадка. Например, когда одна из сторон проигрывает в войне, она поднимает белый флаг в знак капитуляции.

Черный цвет в театральном искусстве Китая – «невидимый работник за кулисами», не акцентный, но важный цвет. Например, при нанесении грима линии черного цвета подчеркивают выразительность лица и очерчивают контур [4, с. 14].

Особое значение в китайской культуре приобрел желтый цвет. В период династии Чжоу (1050–256 гг. до н.э.) желтый цвет считался цветом удачи, благоприятствования, а позже схожий с золотом цвет стал символом богатства. Начиная с династии Хань (206–220 гг. до н.э.) желтый цвет стал символом императорской власти. Первый император династии Сун (960–1279) – Сун Тай-цзу (Чжао Куаньинь) и его жена носили желтые и золотые одежды, декорированные изображениями дракона и феникса.

В традиционной символике цветов синий и зеленый (сине-зеленый) относится к Востоку и соответствует элементу дерева. Двойственность значения синего и зеленого объясняется тем, что с древних времен дерево считалось наименее ценной вещью и только люди с самым низким социальным статусом могли носить зеленую одежду, и в то же время синий и зеленый – цвета природы,

дающей жизнь. В период династий Тан и Сун зеленый цвет стал символом удачи и радости. Поэтому, выходя замуж, женщина надевала зеленое платье.

Укоренение символики цвета в театральном искусстве было связано со становлением национального театра *сицзюй* как общего наименования традиционного китайского театра и связанной с ним системы условности, предполагающей «додумывание» зрителем недостающих на сцене элементов. Особое значение имели при этом движения актеров, атрибуты и цветовая символика, являющаяся важным условием создания образов персонажей и передачи их характеристик. Постепенно на базе данной системы складывается понятие амплуа, при помощи множества характерных элементов внешнего облика определяющее характер героев, их настроение и социальный статус.

Со временем в Китае складывается множество разновидностей музыкальной драмы *сицзюй*, самыми известными из которых являются *цзинцзюй* (Пекинская опера), *пинцзюй* (на основе Хэбэйской оперы), *юэцзюй* (Шаосинская опера), *юйцзюй* (Хэнаньская опера), *юэцзюй* (Гуандунская (кантонская) опера), *хуанмэйси* (Хуанмэйская опера), *куньцзюй* (Куньшанская опера) и др. Зарождение известной на весь мир Пекинской оперы относится к периоду династий Мин и Цин (1368–1912) [2, с. 26].

Среди основных амплуа китайского традиционного можно выделить *шэн* – мужские роли, среди которых выделяют разновидности: *лао шэн* – старик; *сяо шэн* – юноша, *у шэн* – актер кунг-фу либо актер, исполняющий роли солдат. Амплуа *дань* – женские роли, их разновидности: *лао дань* – старая женщина; *хуа дань* – молодая женщина. Под амплуа *цзин* подразумеваются военные персонажи, а *чоу* – комические. Важнейшей характеристикой каждого амплуа является цвет грима, масок и костюмов [1, с. 7]. В контексте данной системы красный цвет символизировал честность, отвагу и преданность и был предназначен для ролей героев-победителей; черный цвет являлся символом честности, бескорыстия, самоотверженности; белый цвет символизировал коварство и хитрость и был присущ персонажам, воплощающим темные силы, либо иногда использовался для ролей пожилых людей; желтым цветом обозначали свирепый нрав персонажей-воинов; золотой цвет зачастую символизировал пророков, небожителей, чудотворцев, а также представителей высшего сословья; зеленый характеризовал персонажа со вспыльчивым нравом; синий цвет указывает на интриганов [3, с. 24].

Красный цвет стал отличительной характеристикой популярного персонажа Пекинской оперы Гуань Юй – храброго бойца и бесстрашного воина – и Чжао Куаньиня – великодушного и смелого правителя. Гуань Юньчан – персонаж спектакля «Ехать в одиночку тысячи миль», поставленного по мотивам классического произведения «Роман трех королевств» в Шеньянском театре

Пекинской оперы (2011 г., режиссер – Тан Юншэн), также отличается гримом красного цвета, что подчеркивает его стойкость, храбрость и честность [4, с. 10].

Негативная коннотация белого цвета ярко выражена в символике традиционного китайского театра. Например, в оперном спектакле «Ли Хуэйнян» (Китайская Пекинская опера, 1991 г., режиссер – Ширли Чан) главная героиня Ли Хуэйнян после смерти становится одиноким призраком, одетым в белую вуаль, что подчеркивает ее обиду на людей и печаль [9, с. 136]. События оперы относятся к эпохе последних лет правления династии Южная Сун (1127–1279). Кроме того, в традиции национального театра *сицзюй* белый интерпретируется как цвет коварства, хитрости и характеризует персонажа с плохой репутацией. Например, в спектакле «Несправедливость по отношению к Доу Э» (Дворец культуры трудящихся Тайюаня (театр Наньгун), 2017 г., режиссер – Су Чжоу) Доу Э одет во все белое, демонстрируя тем самым китайское «сыновнее почтение» с одной стороны, и обиды на родителей – с другой.

Существует и другая трактовка белого цвета. Под влиянием буддийской культуры времен династии Тан (618–907) белый цвет стал считался благородным, священным, мирным цветом. В Хэнаньской опере «Легенда о белом змее», создание которой относится к эпохе Южная Сун (1127–1279) героиня Бай Сучжэнь одета в белые одежды (Дворец изящных искусств Чжэнчжоу, 2020 г., режиссер – Бай Сюэфэн). Бай Сучжэнь обещает выйти замуж за Сюй Сяня и заботиться о нем и его семье, став чуткой женой и прекрасной матерью. Белый цвет олицетворяет в буддизме Бодхисаттву Гуанинь – богиню милосердия – также известную как «Бодхисаттва в белом». В буддизме белый цвет считается символом воды, поэтому те, кто практикует это учение, должны быть столь же терпимы и свободны от жадности, как и вода.

Черный цвет в контексте традиций национального театра *сицзюй* используется для трех категорий персонажей. Первая категория – персонажи с черными лицами, которые являются примером праведности: например, Ян Цинян, героиня оперы эпохи ранняя Северная Сун (960–1127) (спектакль «Военочальницы из дома Ян», Большой театр Мэй Ланфанг в Пекине, 2019 г., режиссер – Тянь Юнган), и герой Бао Гун в Хэнаньской опере эпохи Северная Сун (960–1127) (спектакль «Чжамэйян», Большой театр Мэй Ланфанг в Пекине, 2019 г., режиссер – Чжэн Цзяньсинь). Другая категория – чиновники, которые носят повседневную одежду черного цвета, такие как Фань Чжуньюй в Пекинской опере «Лесоруб в Доме Призрака» (Пекинский Большой театр Чанъань, 2015 г., режиссер – Ли Янь). Третий тип людей, носящих черную одежду, – так называемые «ночные люди» – персонажи, специализирующиеся на воровстве. Кроме того, черный цвет, согласно системе «У-син», характеризует стихию воды. Например, герой Циньцян Цинь Шихуан (Ин Чжэн) в Шэньсиской опере эпохи династии Цинь (221–207 гг.

до н. э.) «Один император сквозь века» (Народный театр Пекина, 1985 г., режиссер – Ли Дунцяо) одет в одежду черного цвета, поэтому победа императора Цинь над Чжоу трактуется как победа воды (Цинь) над огнем (Чжоу) [10, с. 2].

В контексте театрального произведения желтый цвет зачастую олицетворяет свирепый нрав персонажа. Например, Дянь Вэй в Пекинской опере эпохи Троецарствия (220–280) «Битва за Ваньчэн» (Большой театр Тяньцзиньского Китая, 1994 г., режиссер – Ли Хуэйлян, Чжан Шилинь) – смелый, но яростный и жестокий персонаж – носит одежду желтого цвета.

Особое значение для традиций театра *сицзюй* имеет сине-зеленый цвет, который используется для характеристики храбрых, безрассудных и вспыльчивых персонажей [4, с. 12]. Например, в опере «Чэн Яоцзинь ищет родственников», поставленной в 2019 г. в Театре Чанчжи Лючжоу (режиссер – Хуанфу Инцзе), события которой относятся к периоду эпохи Суй и Тан (613–628), храбрый и смелый персонаж Чэн Яоцзинь носит одежду, выполненную в синем и красном цветах.

Со второй половины XIX века художественные средства традиционного китайского театра начали пополняться заимствованными особенностями западноевропейского театра, такими как приемы оформления сцены, новые системы освещения, свободная трактовка цвета. В оформлении спектаклей начала XX века цветовая символика по-прежнему играет важную роль и может как рассматриваться в традиционном контексте, так и иметь современное значение, далекое от многовековых традиций китайской культуры.

Например, красный цвет в период Гражданской войны в Китае (1927–1950-е годы) стал приобретать значение революционных перемен, преодоление преград и символизировать кровь павших героев. В данном контексте красный цвет используется в опере «Беловолосая девушка», поставленной по пьесе, написанной коллективом авторов Академии имени Лу Синя Хэ Цзинчжи, Дин И, Чжан Лу, Цюй Вэй, Хуаньчжи, Сян Юй, Чэнь Цзы и Лю Чи, режиссером Чэнь Цзяньбинь. Премьера оперы состоялась в 1945 г. в актовом зале Яньаньской центральной партийной школы. В основу сюжета была положена переработанная на современный лад легенда о призраке беловолосой девушки, который обитал на руинах храма и наказывал своих обидчиков, приводя их к гибели. В современном прочтении сюжета измученную и совершенно седую Си-Эр находят солдаты [6]. Крайне важное значение в спектакле имеет красный цвет, коренным образом меняющий свое значение с праздничного цвета Нового года на цвет отчаяния измученной Си-Эр. В данном контексте красные костюмы персонажей в дни праздничного весеннего фестиваля, на фоне которого едва не погибла невинная девушка, образуют сильный иронический контраст с веселой новогодней атмосферой. Красный флаг, используемый при оформлении сцены,

символизирует кровь бесчисленных погибших героев, сражающихся под знаменем революции, а также олицетворяет Си-Эр и ее жажду мести.

Не менее важна в спектакле и символика белого цвета. Землевладельцы эпохи, показанной в спектакле, продолжали угнетать фермеров, и эти непростые отношения ассоциативно уподобляются ледяной глыбе, нависшей над селением. Таким образом, белый цвет в декорационном решении сценографии спектакля ассоциируется с ледяным холодом. Сценическое решение представляет собой гору, состоящую из бесчисленных скоплений льда, словно вдавленную вглубь сцены. Дом Си-Эр окружен заснеженной платформой и заснеженными деревьями. Эта гора из льда олицетворяет преследование простого народа классом землевладельцев, а деревья, соответственно, символизируют фермеров, таких как семья Си-Эр. По этой причине сцена победы трактуется как наступление весны, где тают ледяные горы и деревья наконец зеленеют. При помощи контраста теплого красного, белого и холодного белого передается трагизм встречи отца и дочери Ян Байлао и Си-Эр и раскрываются противоречия между различными классами общества.

Наравне с оперой «Седая девушка» одной из наиболее известных национальных китайских опер является «Сестра Цзян» (Пекинский детский театр, 1964 г., режиссер – Лю Ялоу), в которой широко используется музыка, приемы актерской игры и национальный колорит Сычуаньской оперы, оперы Ву, оперы Юэ, опер Хангтана, Янцзиня, Циньинь, Пекинской оперы. Пьеса рассказывает историю Цзян Сюэ Цинь (сестры Цзян) – члена подполья, которая выполняет задачу мобилизации партизан для ведения вооруженной борьбы в горах Хуайин, порученную партийным комитетом провинции Сычуань. В Чунцине сестра Цзян избавилась от преследования Шэнь Янчжая, главы секретной службы, но из-за предательства Фу Чжигао сестра Цзян была арестована и впоследствии погибла накануне освобождения Чунцина [8, с. 44].

Основой цветовой символики спектакля является сочетание черного и белого цветов. Черный в основном используется в качестве фона для сцен изображения страха и насилия. Например, в первом акте пьесы черный цвет как фон передает гнетущую атмосферу горного города Чунцин. Фигуры врагов мало освещены и кажутся «черными», в то время как силуэты положительных персонажей освещены более ярко и кажутся «белыми», что символизирует их чистоту, настойчивость и честность [8, с. 42]. Контраст черного и белого цветов в пьесе не только усиливает напряженность конфликта, но и выражает внутреннюю борьбу и противостояние персонажей. Такое использование цвета – это не только стремление к визуальной эстетике, но и глубокая интерпретация главных тем пьесы – борьбы добра со злом, самопожертвования и стремления к свободе.

В музыкальных спектаклях начала XXI века разнообразие художественных концепций и персонализация эстетических потребностей аудитории привели к тому, что использование цвета в спектакле стало более разнообразным. Применение новых технологий, таких как мультимедийная проекция, светодиодные экраны и т. д. не только предоставляет широкое пространство для воображения при оформлении сцены, но и делает цвет более ярким и позволяет визуально подчеркивать на изменения сюжета.

Ярким примером использования цвета для создания ассоциаций с эпохой является музыкальный спектакль «Влюбляясь в Терезу Тен» (Восточный театр, Пекин, 2014 г., режиссер – Джоуи Макнили, – произведение, посвященное знаменитой тайваньской певице Терезе Тэн. Спектакль отличается не только яркими сценическими эффектами. По количеству используемого реквизита, музыкального оборудования, проекционных экранов, декораций спектакль установил непревзойденный рекорд. Среди множества сменяющих друг друга сцен можно выделить сцены «рай волшебной музыки», «хижина северной пустоши», «лес из льда и снега», «платформа станции», «руины разрушенных зданий», «шум и суeta баров», «звуки собак и лошадей», «лодка исполнительских искусств» и т. д. Во всех сценах фигурировали определенные цветовые сочетания, переносящие зрителя в Китай второй половины XX века. Коричневый, бежевый и светло-желтый цвета в оформлении сцены и костюмов вызывают ностальгию и словно выстраивают мост в пространстве и времени, эмоционально сокращая дистанцию между зрителями и Терезой Тен, позволяя зрителям ощутить при помощи цвета музыкальное очарование эпохи [10, с. 8].

Подобная трактовка цвета представлена в спектакле «Ду Фу», посвященном легендарному поэту династии Тан. Спектакль был поставлен Чунцинским ансамблем песни и пляски (Южный театр Шигуан в Чунцине, 2023 г., режиссеры – Хань Чжэнь, Чжоу Лия). Для воссоздания на сцене атмосферы эпохи Тан и передачи нужного эмоционального настроения в оформлении используются различные оттенки коричневого и бежевого, напоминающие пожелтевшие страницы со строками, написанными чернилами. Красоту поэтического языка Ду Фу визуально воплощают плавные движения красавиц-танцовщиц, в своих выразительных и ярких нарядах напоминающих ожившие фрески. Платья танцовщиц выполнены из легкой прозрачной ткани, переливающейся перламутром как крыло цикады, что также призвано подчеркнуть классическую красоту поэзии Ду Фу. Использование выразительных звуков, таких, как скрип колеса, гул тяжелых шагов, шум толпы отражает беспокойство поэта о судьбах простых людей [5, с. 4]. Использование нейтральных бежевых, коричневых, охристых оттенков отражает историческое прошлое персонажей пьесы и создает

спокойную и сдержанную атмосферу, которая позволяет в полной мере ощутить гуманистический дух поэзии Ду Фу на театральной сцене.

В музыкальном спектакле «Долгий марш» (Национальный большой театр, Пекин, 2016 г., режиссеры – Тянь Циньсинь, Ян Сяоян) в реалистичной манере показана история процесса Долгого марша Китайской Красной армии, восхваляются высокие идеалы и убеждения китайских рабочих и крестьян. Опера не ограничивается традиционными цветовыми символами, а использует более современный и абстрактный цветовой язык. Красный по-прежнему является доминирующим цветом, символизируя огонь революции и веры, но в то же время для передачи сложных эмоций персонажей и исторического подтекста вводятся другие, менее привычные цвета. Например, использование серого и синего цветов не только показывает тяготы войны, но и выражает стремление к миру. Благодаря такому новшеству «Долгий марш» вызывает более глубокий эмоциональный отклик у зрителя.

Интересной трактовкой отличается сценография знаменитой национальной оперы «Лю Саныцзе» (Большой театр Гуйлиня, Гуанси, 2018 г., режиссер – Цай Вэйман), основанной на фольклорных песенных традициях провинции Гуанси. В произведении рассказывается история молодой, красивой девушки, которая любит петь и сочиняет песни. Используя народные мотивы, в своих песнях она отражает проблемы и жалобы на жизнь бедняков, что не нравится правителю Мо Хуайжэню, поэтому Лю Саныцзе и возлюбленный А Ниу спасаются бегством и уплывают на бамбуковом плоту. В основе сценического решения спектакля – декорации с изображением прекрасных пейзажей, которыми славится провинция Гуанси в Китае. В цветовой гамме превалирует зеленый цвет, который не несет привычной символики, а олицетворяет основной цвет зелени листвы и травы и подчеркивает жизнестойкость Лю Саныцзе, ее жизнерадостность и тесную связь с природой. Сцены сбора чая в полях, гуляний с песнями, диалогов на фоне природных красот оформлены в зеленоватой цветовой гамме, что придает им особый уют и создает ощущение полной гармонии.

Среди вариантов современной трактовки персонажей одним из ярких примеров является драма «Небесная династия 1900» режиссера Инь Ли (Национальный большой театр, Пекин, 2008 г.) – спектакль, сочетающий в себе оперу, боевые искусства, балет, цирковые, эстрадные номера. Грим и костюмы персонажей отличает современное неклассическое видение цвета и особая техника моделировки образов. Грим выглядит нарочито «готическим», подчеркнуто гротескным, графичным. Неординарность цветовых решений грима и лаконичность костюмов в сочетании с традиционным исполнительским искусством представляют собой законченную сценическую форму, позволяя зрителю ощутить на себе необычную атмосферу спектакля [7, с. 9].

Вместе с тем, в некоторых современных оперных спектаклях сохраняется традиционная символика цвета. Например, в спектакле «Прощай, моя наложница» (Китайский Шанхайский большой театр, Шанхай, 2020 г., режиссер – Чэнь Хуайкай) в гриме актеров прослеживаются традиции Пекинской оперы. Для грима персонажа Чэн Диэи используется розовый подтон, символизирующий его энтузиазм и молодость. В процессе внутренней трансформации героя и развития его личности розовый цвет сменяет белый тон с темными линиями вокруг глаз. Такое сочетание цветов создает образ персонажа, который разочарован, и его эмоции постепенно угасают [9, с. 136].

Таким образом, символика цвета на протяжении всей многовековой истории китайского музыкального театра имела огромное значение для передачи образа и характера персонажей. Тональность цвета, его оттенки и насыщенность выражают определенное эмоциональное состояние героев, нравственные качества, социальный статус; подчеркивают значимость культурных артефактов как характеристик отдельных исторических периодов.

Художники, выражая с помощью цвета свое представление о сюжетных линиях спектакля, закрепляют в восприятии зрителей художественные события, обогащая тем самым эстетическое воздействие на публику. Психологические механизмы переживаний, культурологические аспекты театрального действия, музыкальные традиции китайской культуры в контексте сформированного цветового сценического пространства помогают выстраивать целостный художественный образ. Подобный подход создает многоуровневую систему восприятия спектакля, превращая его в интегративный художественный объект.

Список использованных источников

1. Жуан, Юнчэнь. Пекинская опера как синтетическое действо: автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.01 / Юнчэнь Жуан ; Рос. ун-т. театр. иск-ва. – М., 2013. – 27 с.
2. Ли, Чжэн. Развитие сценического искусства традиционной китайской оперы / Ли Чжэн // Театральная школа. – 2018. – № 12. – С. 26–28.
3. Мозгот, С. А. Амплуа персонажей в Пекинской опере и формы их презентации / С. А. Мозгот, Ли Ян // Культурная жизнь Юга России. – № 1 (80). – 2021. – С. 21–27.
4. 丁道希. 戏曲舞台色彩观 / 丁道希 // 戏剧艺术. – 1982. – № 3. – 10–15 页. (Дин, Даоси. Цвет оперной сцены / Дин Даоси // Драматическое искусство. – 1982. – № 3. – С. 10–15.)
5. 乔燕冰. 舞剧《杜甫》：写意呈现“诗圣”笔下的唐朝 / 乔燕冰 // 中国艺术报. – 2018. – № 3. – 4–8 页. (Цяо Яньбин. Танцевальная драма «Ду Фу»:

презентация истории династии Тан, написанной «мудрецом поэзии» / Цяо Яньбин // Новости искусств Китая. – 2018. – № 3. – С. 4–8.)

6. 历史上的今天—中国第一部新歌剧《白毛女》上演. – [电子资源] –访问模式 : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764384866050409732&wfr=spider&for=pc/> 02.05.2023. (Сегодня впервые поставлена первая в Китае новая опера «Беловолосая девушка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764384866050409732&wfr=spider&for=pc/> 02.05.2023. – Дата доступа: 20.09.2023.)

7. 吴晶. 戏剧色彩在现代服装设计中的表现 / 吴晶 // 四川戏剧. – 2004. – № 3. – 2–9 页. (У, Цзин. Использование цвета в современном дизайне костюмов / У Цзин // Сычуаньская драма. – № 3. – 2004. – С. 2–9.)

8. 朱嘉君. 红色题材舞台美术设计中写意性的探索以中国歌剧《江姐》为例 / 朱嘉君 // 上海戏剧. – 2021. – 42–47 页. (Чжу Цзяцзюнь. Исследование особенностей красного цвета в сценическом оформлении оперы «Сестра Цзян» / Чжу Цзяцзюнь // Шанхайская драма. – № 2. – 2021. – С. 42–47.)

9. 李震俊. 谈戏剧舞台灯光色彩的运用 / 李震俊 // 文艺生活·文艺理论. – 2020. – № 6. – 136–145 页. (Ли, Чжэнцзюнь. Об использовании сценического освещения и цвета / Чжэнцзюнь Ли // Литературная жизнь и литературная теория. – № 6. – 2020. – С. 136–145.)

10. 王力蓼. 东北地方戏剧色彩元素探究 / 王力蓼 // 戏剧文学, 2010. – № 12. – 2–10 页. (Ван, Лицзюнь. Исследование цветовых элементов спектакля в Северо-Восточном Китае / Ван Лицзюнь // Драма и литература. – 2010. – № 12. – С. 2–10.)

References

1. Zhuan, Yunchen'. Pekinskaya opera kak sinteticheskoe deistvo: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya : 17.00.01 / Yunchen' Zhuan ; Ros. un-t.teatr. isk-va. – M., 2013. – 27 s.

2. Li, Chzhen. Razvitie stsenicheskogo iskusstva traditsionnoi kitaiskoi opery / Li Chzhen // Teatral'naya shkola. – 2018. – № 12. – S. 26–28.

3. Mozgot, S. A. Amplua personazhei v Pekinskoj opere i formy ikh prezentatsii / S. A. Mozgot, Li Yan // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – № 1 (80). – 2021. – S. 21–27.

4. 丁道希. 戏曲舞台色彩观 / 丁道希 // 戏剧艺术. – 1982. – № 3. – 10–15 页. (Din, Daosi. Tsvet opernoi stseny / Din Daosi // Dramaticheskoe iskusstvo. – 1982. – № 3. – S. 10–15.)

5. 乔燕冰. 舞剧《杜甫》: 写意呈现“诗圣”笔下的唐朝 / 乔燕冰 // 中国艺术报. – 2018. – № 3. – 4–8 页. (Tsyao Yan'bin. Tantseval'naya drama «Du Fu»:

prezentatsiya istorii dinastii Tan, napisannoi «mudretsom poezii» / Tsyao Yan'bin // Novosti iskusstv Kitaya. – 2018. – № 3. – S. 4–8.)

6. 历史上的今天—中国第一部新歌剧《白毛女》上演. – [电子资源] –访问模式 : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764384866050409732&wfr=spider&for=pc/> 02.05.2023. (Segodnya v pervye postavlena pervaya v Kitae novaya opera «Belovolosaya devushka» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764384866050409732&wfr=spider&for=pc/> 02.05.2023. – Data dostupa: 20.09.2023.)

7. 吴晶. 戏剧色彩在现代服装设计中的表现 / 吴晶 // 四川戏剧. – 2004. – № 3. – 2–9 页. (U, Tszin. Ispol'zovanie tsveta v sovremennom dizaine kostyumov / U Tszin // Sychuan'skaya drama. – № 3. – 2004. – S. 2–9.)

8. 朱嘉君. 红色题材舞台美术设计中写意性的探索以中国歌剧《江姐》为例 / 朱嘉君 // 上海戏剧. – 2021. – 42–47 页. (Chzhu Tszyatszyun'. Issledovanie osobennostei krasnogo tsveta v stsenicheskom oformlenii opery «Sestra Tszyan» / Chzhu Tszyatszyun' // Shankhaiskaya drama. – 2021. – № 2. – S. 42–47.)

9. 李震俊. 谈戏剧舞台灯光色彩的运用 / 李震俊 // 文艺生活·文艺理论. – 2020. – № 6. – 136–145 页. (Li, Chzhentsyun'. Ob ispol'zovanii stsenicheskogo osveshcheniya i tsveta / Chzhen'tszyun' Li // Literaturnaya zhizn' i literaturnaya teoriya. – № 6. – 2020. – S. 136–145.)

10. 王力蓼. 东北地方戏剧色彩元素探究 / 王力蓼 // 戏剧文学, 2010. – № 12. – 2–10 页. (Van, Litszyun'. Issledovanie tsvetovykh elementov spektaklya v Severo-Vostochnom Kitae / Van Litszyun' // Drama i literatura. – 2010. – № 12. – S. 2–10.)

SOCIETY ОБЩЕСТВО

UDC 316.6

Tamara Guzenkova,
Doctor of Sciences, Professor;
Russian State University for the Humanities
(Russia)
[*guztamara@yandex.ru*](mailto:guztamara@yandex.ru)

CIVILIZATIONAL AND NATIONAL MODELS OF HAPPINESS

The aim of the study is to identify indicative indicators of a “happy life” and global efforts to include happiness policy in the sustainable development agenda. The issues of promoting national models of a prosperous life based on traditional culture are considered in the context of an environmentalist approach and a course to change consumer behavior.

Keywords: happiness; sustainable development; happiness index; images of happiness; cultural traditions.

Тамара Гузенкова,
доктор исторических наук, профессор;
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия)
[*guztamara@yandex.ru*](mailto:guztamara@yandex.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СЧАСТЬЯ

В задачу исследования входит выявление индикативных показателей «счастливой жизни» и глобальных усилий по включению политики счастья в повестку устойчивого развития. Рассматриваются вопросы продвижения национальных образцов благополучной жизни, основанных на традиционной культуре, в контексте энвайроменталистского подхода и курса на изменение потребительской модели поведения.

Ключевые слова: счастье; устойчивое развитие; индекс счастья; образы счастья; культурные традиции.

В последние годы идея превратить счастье в элемент национальной политики захватила правительства и общественность многих стран. Первым в этом ряду считается Бутан, без упоминания которого, кажется, не обходится ни одна публикация по проблемам счастья. Еще в 1972 году король Бутана Джигме Сингье

Вангчук ввел в международный оборот понятие валового национального счастья, отражающее четыре главных, по бутанским меркам, показателя: экономическая самообеспеченность, первозданная окружающая среда, сохранение и пропаганда культуры Бутана и «правильное управление в форме демократии». Смысл «валового национального счастья» Бутана состоит в развитии такой экономики, которая соответствовала бы уникальной бутанской культуре, основанной на буддийских духовных ценностях. «Валовое национальное счастье» реализуется через пятилетнее планирование развития экономики, при котором прогресс осуществляется медленными шагами, а упор делается на сохранение традиционных ценностей: семьи, культуры, природы, буддийской религии. В стране большое внимание, по меркам местной экономики, уделяется экологии, образованию – лучшие ученики отправляются учиться в западные университеты, в городах и селениях поддерживается чистота, работает социальная программа по поддержке пожилых людей и во главе лежит религия буддизм.

При этом Бутан – закрытая страна. Попасть сюда можно только в качестве организованного туриста, которого будут сопровождать в ходе всего тура специально обученные гиды. Туры в Бутан стоят довольно дорого, количество виз ограничено, для въезда требуется приглашение королевской семьи. В стране только в 1999 году появилось телевидение (до этого было запрещено). Экономика Бутана – одна из наименее развитых в мире. Здесь нет своей промышленности, страна зажата среди гор, основу ее экономики составляют лесное и сельское хозяйство, туризм, продажа почтовых марок. Внедряя политику «валового национального счастья», правительство уделяет большое внимание вопросам семьи, культуры, природы и философии буддийской религии [1]. С 2008 года за правительством отдельной статьей в Конституции закреплена задача способствовать в достижении счастья каждому гражданину этой страны.

За подходы в решении экологических проблем Бутан даже удостоился похвалы со стороны экспертов Римского клуба. В докладе 2018 года страна была упомянута как «инициатор радикальной программы по охране окружающей среды, девизом которой является слоган “Счастье людей важнее, чем экономический оборот”» [2]. На деле высокую оценку правители Бутана получили за незначительный экологический след, оставляемый малой экономикой в силу своего доиндустриального уклада.

Еще совсем недавно эта страна была единственной в мире, где функционировало министерство счастья. Теперь структура с таким же названием появилась в штате Мадхья-Прадеш в Индии. Аналогичное ведомство основано также в ОАЭ. «Пример счастья заразителен, и мы хотим, чтобы как можно больше людей в мире почувствовали себя счастливыми и наслаждались благополучием, основываясь на сотрудничестве и поиске точек соприкосновения», – отметил

вице-президент, премьер-министра ОАЭ шейх Мухаммед. С этой целью в Дубае был также учрежден Всемирный совет счастья [3].

В свою очередь Николя Саркози, будучи президентом Франции, в 2008 году создал специальную международную комиссию по измерению экономических достижений и социального прогресса, которую возглавили нобелевские лауреаты Амартия Сен и Джозеф Стиглиц. По итогам работы комиссии было предложено для оценки развития страны вместо ВВП ввести новые параметры, фиксирующие качество жизни, куда включается счастье и доступность услуг здравоохранения [4].

По инициативе группы английских ученых, стоящих на платформе позитивной психологии, с 2010 года функционирует международное «Движение за счастье», в программных документах которого предусматривается кардинальное изменение стиля жизни современного общества. В начале апреля 2020 года это движение включало более 180 тыс. человек из 180 стран. С 2011 года правительство Великобритании приступило к измерению «индекса счастья» с помощью Управления национальной статистики, которое учитывает оценку жителями страны своего благополучия.

В маленькой Эстонии действует похожий социальный проект под названием «Банк счастья», участники которого оперируют не финансами, а добрыми делами. Интернет-сервис «Банк счастья» разработан по принципу социальной сети по инициативе эстонского предпринимателя и общественного деятеля Райнера Нылвака. Здесь люди предлагают свою посильную помощь всем желающим и ждут этого от других участников. Например, в мае 2008 года в Эстонии «Банк счастья» инициировал весеннюю уборку, когда 50 тыс. эстонцев (3% населения страны) вышли на «субботник» и за одни сутки очистили от мусора территорию страны [5].

В Дании существует Институт счастья – независимый аналитический центр, миссия которого состоит в том, чтобы «информировать лиц, принимающих решения, о причинах и последствиях человеческого счастья, сделать субъективное благополучие частью обсуждения государственной политики и улучшить общее качество жизни граждан во всем мире» [6].

В России реализуется проект «Счастье. РФ». Как говорится на соответствующем сайте, ресурс направлен на повышение качества жизни и счастья на основе междисциплинарного научного подхода для достижения постоянного динамичного развития личности и социума. Миссия проекта – помочь значительно повысить качество жизни 20% россиян. В последние годы творческой площадкой стал Инновационный центр «Сколково», где с 2018 года ежегодно проводится Международный день счастья в Сколково, на котором центральным событием является форум «Счастье как бизнес-модель». Здесь же в

2019 году в рамках III Форума социальных инноваций регионов была проведена открытая дискуссия «Счастье человека – новый приоритет деятельности всех систем управления?» [7]. Привлекает внимание общественности и ежегодный российский форум «Вовлекая в культуру счастья» [8]. Получают распространение в России и долгосрочные проекты. Так, проект «Культура счастья» поддерживает идею о том, что стремление к счастью является неотъемлемым желанием каждого человека на планете, цели проекта – создание среды, которая делает людей счастливыми, а также превращение счастья в ключевую измерительную величину [9].

Даже такая закрытая страна, как Туркменистан имеет формат ежегодной научной конференции «Наука, техника и инновационные технологии в эпоху могущества и счастья».

Не остался в стороне и Китай, где начали использовать свои «индексы счастья». Бывший глава Госсовета КНР Вэнь Цзябао в свое время заявлял, что эффективность работы чиновников следует определять не по количеству построенных небоскребов, а тем, счастливы ли люди под его управлением. Эксперимент на эту тему уже проводится в одном из провинциальных городов, хотя рассчитываемый там «индекс счастья» пока не учитывает субъективную удовлетворенность жизнью, а включает только объективные показатели — например, метраж жилой площади на душу населения и содержание углекислоты в атмосфере.

В настоящее время в распоряжении заинтересованной общественности имеется обширный арсенал методик и практик достижения счастья через индивидуальные и групповые медитативные и психологические занятия. Заметно усилился также интерес к национальным, культурологическим, религиозным и даже цивилизационным аспектам счастья. В книжных магазинах целые полки заняты литературой на эти темы. В широком доступе имеется литература о том, как понимается и, самое главное, достигается устойчивое состояние счастья в самых различных обществах, религиях и культурах.

Американская писательница британского происхождения Хелен Рассел, получившая известность благодаря книге «Хьюге, или уютное счастье по-датски», так вдохновилась поисками этого человеческого состояния, что собрала внушительный каталог традиционных способов обретения счастья и в 2018 году опубликовала новый бестселлер «Атлас счастья. Секреты со всего света, как быть счастливым» [10]. В этой книге автор собрала три десятка национальных концептов счастья, исходя из принципа культурно-географического разнообразия. Материал был сгруппирован так, чтобы представить живое наследие всех континентов (таблица 1).

Таблица 1 – Национальные концепты (по книге Х. Расселл [10])

Страна	Название концепта	Содержание концепта
Австралия	<i>Fair go</i> (равные возможности)	Вера в справедливость, спокойствие, дружелюбие, энтузиазм, взаимопомощь
Бутан	<i>Grossnationalhappiness</i> (валовое национальное счастье)	Гармония с природой, образ жизни в соответствии с буддийскими ценностями
Бразилия	<i>Saudade</i> (саудати)	Тоска по чему-то любимому, но безвозвратно потерянному, ностальгия, доставляющая удовольствие. Воспоминание о том, что делало счастливым. 30 января – официальный день <i>Saudade</i>
Канада	<i>Joie de vivre</i>	Наслаждение жизнью
Китай	<i>Xingfu</i> (синфу)	Ценить то, что имеешь, простой образ жизни. Быть щедрым, уметь сострадать, с пониманием относиться к окружающим
Коста-Рика	<i>Pura vida</i> (пура вида)	Оптимизм, невзирая на плохие обстоятельства, преданность, верность семье, активный отдых на природе
Дания	<i>Arbejdsglæde</i> (абайдсглю)	Счастье на работе, где отсутствует иерархия, все работают на общий результат. Ценится собранность и эффективность
Англия	<i>Jolly</i> (джолли)	Веселье, жизнерадостность, умение понимать юмор и прелесть мелочей
Финляндия	<i>Kalsarikännit</i> (калсарикияннит)	Выпивать дома в нижнем белье, не планируя никуда выходить, после работы чаще в одиночестве или в ближайшем окружении

Страна	Название концепта	Содержание концепта
Германия	<i>Gemütlichkeit</i> (гемютлихкайт)	Делать что-то приятное для души, веселиться после усердной работы. «Счастье – это перерыв»
Греция	<i>Meraki</i> (мераки)	Внимание, забота, вкладывание души в то, что делаешь, маленькая страсть
Гавайи	<i>Aloha</i> (алаха)	Любовь, сострадание, симпатия, доброта, уважение, прощение
Исландия	<i>Pettareddast</i> (тетареддаст)	«Всё наладится». Стойкость, готовность встретить испытания лицом к лицу. Внимание к внутреннему миру, воспитание силы духа
Индия	<i>Jugaad</i> (джугад)	Импровизация, находчивость, искусность в любом деле. Решать проблемы быстро и делать что угодно, лишь бы достичь желаемого
Ирландия	<i>Craic</i> (креик)	Разнообразное веселье, выпивка в компании, пение, рассказывание историй
Италия	<i>Dolcefar niente</i> (дольчефарниенте)	Сладкое безделье, наслаждение отсутствием дел
Япония	Ваби-саби Ханами Синрин-йоку	Умение радоваться несовершенству, любовь к патине времени. Любование цветами, созерцание живой природы, досуг вдали от цивилизации
Новая Зеландия	<i>Tūrangawaewae</i> (турангавайвай)	Место, в котором мы чувствуем силу, независимость, индивидуальность. Ценность взаимопомощи и общения с дорогими людьми
Норвегия	<i>Friluftsliv</i> (фрилутслив), <i>Utepils</i> (утепилс)	Жизнь на свежем воздухе, невзирая на погоду. Активный отдых. Совместное пиво в первый теплый день в году

Страна	Название концепта	Содержание концепта
Россия	<i>Azart</i>	Предвкушение успеха, опасная игра, риск, сильные эмоции, сладкая боль от жизни на грани
ЮАР	<i>Ubuntu</i> (убунту)	Чувство взаимосвязанности и вера в то, что все человечество соединено одной нитью. Важность гармонии и человечности
Испания	<i>Tapeo</i> (тапео) <i>Sobremesa</i> (собремеса)	Традиция ходить по барам с друзьями. Посиделки и разговоры за столом с едой и напитками
Швеция	<i>Smultronställe</i> (смультронстелле) <i>Lagom</i> (лагом)	Возможность спрятаться от бед и невзгод в сокровенном уголке. Восстановление сил в окружении природы. Принцип умеренности, достаточности для хорошей жизни
Швейцария	Федереризм	Контроль, точность, спортивность, предприимчивость, порядок, чистота
Сирия	<i>Tarab</i> (тараб)	Восторг или экстаз, вызванный музыкой tarab
Таиланд	Май пен рай	Отказ от волнений, конфликтов, трений. Не причинять неудобства другим
Нидерланды	<i>Gezelling</i> (гезеллинг)	Домашний уют, ценность всего старомодного
Турция	<i>Keyif</i> (кеиф)	Релаксация, праздное времяпровождение
США	<i>Homeyness</i> (хоумнесс)	Домашний уют, очаг, возвращение к истокам
Уэльс	<i>Hwyl</i> (хойл)	Делать что-то со вкусом, с энтузиазмом, веселиться

Понятно, что представленные в таблице характеристики отражают авторское видение лишь небольшой части национальных концептов счастья. Культурно-антропологический подход позволяет выявлять многообразие традиционных, исторически складывавшихся под влиянием различных факторов, представлений об удовлетворенности жизнью. В этом отношении стоит обратить внимание на японский «икигай» и шотландский «кюри» как на модели счастливого образа жизни в условиях, которые далеко не всегда располагают к физически и психологически комфортному, счастливому проживанию.

Японию с населением 126 млн человек, например, отличает ограниченное жизненное пространство. Средняя плотность населения в Японии составляет 334 человека на 1 км². Однако большинство японцев проживает в центральной части острова Хонсю между Токио и Осакой; здесь в отдельных регионах плотность населения может достигать 5,5 тыс. человек на 1 км². Это приводит к скученности, что влечет за собой постоянное нарушение личного пространства – «интимной» территории, в пределах которой человек чувствует себя спокойно, защищенно, комфортно. В Японии отмечается один из самых высоких уровней суицидов в мире, в 2006 году страна вышла на девятое место по этому показателю. Почти 2/3 завершенных суицидов совершаются мужчинами, самоубийства являются основной причиной гибели мужского населения в возрастной группе от 20 до 44 лет. Суициды в Японии представляют национальную проблему, а значительная распространенность этого явления и его исторические корни позволяют говорить о наличии в Японии культуры самоубийства [11].

Но для японцев также характерна и высокая культура самосохранения и саморазвития. Согласно национальному традиционному учению и практикам икигай, для обретения смысла жизни по-японски («то, ради чего стоит вставать по утрам»), человеку следует опираться на пять основ: начинать с малого; радоваться мелочам; ценить настоящее (быть здесь и сейчас); стремиться к гармонии и устойчивости; освобождаться от бремени собственного «я» и отождествлять себя со своей работой (освободить себя). Японцы сумели превратить ограничение личных потребностей в форму искусства, отличительные свойства которого – скромность, строгая эстетика и элегантная сдержанность [12, с. 107].

Считается, что японцы ценят в жизни гармонию с другими людьми и окружающей средой. Ради состояния устойчивости они готовы к ограничениям в выражении личной свободы и успеха. Для них характерна сдержанность и самоконтроль, а личные желания обыкновенно осуществляются с оглядкой на общество и экологию. В этих условиях важное значение приобретает радость от выполнения поставленной перед собой задачи независимо от финансового вознаграждения или общественного признания. Наличие любимого дела, нередко

не связанного с основной работой, желание выполнить его самым лучшим образом, дает людям интерес к жизни, ощущение собственной значимости и чувство удовлетворенности.

По мнению японского исследователя когнитивных проблем мозга Кен Моги, японцы склонны воспринимать себя как однородную нацию, но они знают несколько маленьких хитростей, которые помогают им сохранять индивидуальность, снимать стресс, вызванный конкуренцией и сравнением себя с окружающими, с помощью занятий по душе [12, с.181-184]. Так, веками оттачиваемое искусство составления букетов (икебана), выращивания карликовых деревьев (бонсай), создания сада камней (сэкитей) не только остается живым культурным наследием Японии, но приобрело мировую известность и стало элементом глобального культурного влияния этой страны.

Широкую известность за пределами Японии получило изысканное и утонченное искусство *кинцуги* – реставрации (склеивания разбитых частей) керамики с помощью лака с добавлением золота, серебра или платины. Для многих японцев кинцуги – это не просто починка посуды, но и прекрасный способ научиться жить и переживать повседневные неприятности. Философия проста: будь то изъян нашей чашки или изъян в нас самих, надо принять это несовершенство, постараться обратить его к лучшему, но ни в коем случае не прятать его, не пытаться замаскировать.

Представления о счастье в нынешней Шотландии с населением чуть более 5 млн человек формировались также в весьма непростых климатических и историко-политических условиях. Являясь административно-политической частью Великобритании, Шотландия обладает значительной автономией и особым региональным самосознанием. Шотландцы отстаивают свою национальную самобытность и сохраняют многие институты, которых нет в Англии и других англоязычных странах; они имеют свои церковь, банки и банкноты. Правовая система Шотландии осталась независимой от систем Англии и Уэльса и Северной Ирландии, в стране применяется собственное частное и публичное право. Шотландское королевство как независимое государство просуществовало с середины IX до начала XVIII века. В XVIII веке нынешняя столица Эдинбург была центром шотландского Просвещения, что позволило Шотландии стать одним из важнейших коммерческих, научных и промышленных регионов Европы. Глазго – крупнейший город страны, некогда бывший одним из лидирующих промышленных городов мира.

В условиях британской государственности шотландская национальная идентичность не только сохранилась, но и получила импульсы для своего развития. Согласно переписи 2011 года, 62% населения считают себя

шотландцами, 18% – шотландцами и британцами и только 8% назвали себя исключительно британцами [13].

В 1990-е годы Шотландия одной из первых начала создавать собственный бренд (*Scotland the Brand*). Приоритетные усилия были направлены на преодоление представлений о технологической отсталости Шотландии. В 1997 году был создан *Scotland Device* — логотип в традиционную красно-синюю клетку, а *Scotland the Brand* был преобразован в своеобразный национальный «знак качества», говорящий о шотландском происхождении продукции и символизирующий основные ценности Шотландии – чувство идентичности, трудолюбие, исторические традиции.

С этого времени порядка 330 компаний получили право ставить логотип Шотландии на свои товары, причем это необязательно должна быть традиционная национальная продукция наподобие виски или текстиля. В частности, *British Telecom Scotland* или *Bank of Scotland* помещают это изображение на свои промо-материалы, счета и прочие документы, знаком *Scotland* пользуются производители электроники, программного обеспечения, нефтепродуктов и представители других сфер современных технологий, с которыми хочет ассоциироваться Шотландия [14].

В число национальных брендов включено и ставшее теперь широко известным шотландское искусство счастья «кюри» (*coorie*). Оно базируется на пресвитерианской этике, учитывает природно-климатические и ландшафтные особенности страны. Здесь существенно холоднее, чем в более южных регионах Великобритании. Летом и осенью идут интенсивные дожди, особенно на севере и в горах. Юго-западные ветры часто вызывают сильные затяжные штормы. И хотя проходящий севернее Шотландии теплый Гольфстрим делает климат Шотландии значительно мягче, но в высокогорье и во внутренних районах страны сохраняются более низкие среднесуточные температуры. Так что жизнь в самых изолированных уголках Шотландии может быть весьма суровой.

По мнению специалистов, «кюри» отражает такое понимание образа жизни, в котором умиротворенность и радость бытия возникают в результате контакта со своим национальным наследием во всех его проявлениях – от повседневного быта до исключительно важных моментов жизни. При этом именно экстремальные природно-климатические условия способны порождать мастерство. По словам журналистки из Глазго, автора бестселлера о шотландском искусстве счастья Габриэллы Баннетт, «кюри» учитывает уникальные трудности шотландской жизни и находит полезное применение этим трудностям. Шотландцы умеют противостоять суровой погоде и делают это красиво. А протестантская этика возводит в правило отказ от бездумного и торопливого потребительства, противопоставляя роскоши умеренность и экономность «кюри» [15, с. 21-24.].

«Заповеди» жизни, основанные на возможностях, которые дает окружающий мир, гласят:

- Уважай свою историю и развивай древние традиции и ритуалы.
- Не бойся холода (традиция плавания в дикой природе).
- Делай бизнес по-шотландски (продвижение национальной экономики).
- Отдыхай дома (развитие внутреннего туризма).
- Смирись с мошкаррой.
- Делись идеями, будь открыт миру.

Таким образом, живущие на почти сотне островов между Атлантическим океаном и Северным и Ирландским морями шотландцы не только нашли способы получать необходимое из доступного в своей местности, но и сумели привлечь этим туристов. Знаменитый путеводитель *Lonely Planet* назвал Шотландию одной из лучших стран для посещения туристами в 2014 году. Тогда Шотландия заняла третье место в списке наиболее интересных туристических направлений; первое место было отдано Бразилии, а второе – Антарктике. Как пишет *Lonely Planet*, особенно интересным местом для туристов Шотландию делает плотный график фестивалей, концертов, спортивных соревнований и других мероприятий мирового уровня [16]. А шотландцы славятся не только искусными производителями виски, твида и трикотажа, но обладателями местного рецепта счастья «кюри».

Скандинавский бренд счастья как инструмент «мягкой силы»

Стремление к счастью по-скандинавски приобрело скачкообразную популярность несколько лет назад. Сначала мир покорила жизнь в стиле датского счастья «хюгге». Хюгге-стиль включает в себя всё, что приносит человеку ощущение приятной неги, расслабленности, теплого уюта, это умение и привычка баловать себя, собирая и переживая с удовольствием позитивные эмоции и приятные ощущения и отстраняясь от беспокоящих и неприятных. Важно свое личное «хюгге» разделять с близкими, поэтому жизнь в стиле хюгге подразумевает встречи с друзьями, совместный спокойный отдых. В отношениях «хюгге» все равны. Никто не старается перетянуть на себя все внимание, стать лидером или душой компании. К равноправию датчане относятся крайне ревностно, это одна из основ их общества.

Кроме «хюгге» у датчан есть еще «люкке», что еще ближе по смыслу к понятию «счастье». «Люкке» это полное счастье, состояние, в котором человек совершенно доволен своей жизнью. Считается, что датчане умеют это ощущение в себе культивировать и наслаждаться каждым мгновением. Кстати, в *Instagram* на ключевое слово *Hygge* подписано не менее 6 млн человек. В 2016 году, по

версии редакции Оксфордского словаря, «хюгге» вошло в список самых популярных слов года.

Очень близкое по значению к датскому понятию «хюгге» норвежское «кус» (*kos*) и производное от него слово «куселиг» (*koselig*). Это одновременно и уют, и приятное времяпрепровождение, и душевное равновесие, и искусство сердечности, и отсутствие тех факторов, которые могут помешать счастью, и уютная близость, и какао при свечах. Норвежцы уверены в том, что простые человеческие радости способны сделать их счастливыми и даже восстановить пошатнувшееся здоровье. Главные враги «кус» или «хюгге» – увлечение телевизором, интернетом и компьютерными играми. Человек никогда не будет всецело счастлив, если погрузится с головой в новые технологии. Ему нужно больше общаться с живой природой и принимать непреложные истины.

Шведское счастье «лагом» (*lagom*) – образ жизни, приносящий шведу ощущение удовлетворения и гармонии. В основе «лагом» лежит умеренность, сбалансированность, сообразность ситуации, принцип «необходимого и достаточного». Символ «лагом» — компания *IKEA*. Минимализм, практичность, непритязательность, никакой ненужной роскоши. Идеал «лагом» — «всего не больше и не меньше, чем нужно; ни нужды, ни излишества». Консюмеризм противоречит «лагом».

По мнению местных социологов, Швеция добилась своего благополучия именно благодаря приверженности своих граждан к жизни в стиле лагом. Шведы не расточительны, причем это относится как к собственным финансам, так и к природным ресурсам. Умеренность должна царить во всем, начиная с питания. «лагом» предполагает умеренную, простую и здоровую пищу. В Швеции полуфабрикаты не пользуются большим спросом, зато домашние заготовки, хлеб домашней выпечки готовят во многих семьях. Здесь не принято кичиться богатством, даже чиновники высшего ранга ездят на работу на велосипеде или на метро.

Финский аналог счастья «сису» (*sisu*) обозначает стойкость и настойчивость. Основной принцип: «То, что должно быть сделано, то будет сделано». Финскими «секретами» стойкости и оптимизма считаются семья и друзья, четкость, откровенность, любовь к природе во все сезоны, невзирая на погоду, а также занятия спортом ради «сису», а не ради славы, спокойствие и самодостаточность. Счастье релаксации в Финляндии гарантирует «калсарикианни» (*kalsari* – кальсоны, *känni* – опьянение), т. е. распитие спиртных напитков в нижнем белье в одиночестве без намерения выходить из дома. В стране существует Финская школа счастья (*Happiness School of Finland*), где студенты обучаются размеренному образу жизни в окружении первозданной природы, вдали от шума

больших городов, ловят и готовят рыбу, собирают ягоды, делают вещи своими руками.

Всемирную известность приобрела финская баня-сауна. Сауна объявлена национальным символом Финляндии и неотъемлемой частью финской культуры – как и «сису», финский эпос Калевала и композитор Сибелиус. По статистике, в Финляндии каждое второе жилое помещение (квартира, дом) имеет сауну. Если же в квартире собственной сауны нет, то в доме обязательно имеется общая сауна. Всего же в стране используется около 2 млн саун — на 5 млн населения.

Таким образом, скандинавы стали законодателями моды в области «простой, милой и разумной» повседневной жизни, которая позиционируется как образец для подражания. Такой образ Северной Европы находит мощную поддержку со стороны ООН и других международных структур. Так, согласно Всемирному докладу о счастье (*WHR*), начиная с 2013 года 5 северных стран – Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция и Исландия – находятся в первой десятке самых счастливых стран. В последнем Всемирном докладе о счастье скандинавским странам посвящен отдельный раздел под названием «Нордическая исключительность: почему северные страны устойчиво остаются в числе самых счастливых в мире» [17]. Авторы раздела (два эксперта из Финляндии и по одному из Дании и Швеции) представили панегирический текст, восхваляющий скандинавскую модель общего благосостояния. По их утверждению, северные страны характеризуются добродетельным циклом (в отличие от порочного круга, который приписывается авторами менее успешным странам), в котором различные ключевые институциональные и культурные показатели «хорошего» общества подпитывают друг друга. Приметами «нордической исключительности» называются: эффективно функционирующая демократия, щедрые социальные пособия, низкий уровень преступности и коррупции, а также социальная удовлетворенность граждан, которые чувствуют себя свободными и доверяют как друг другу, так и государственным институтам. С институциональной точки зрения наиболее важными шагами на пути к обществу, в котором люди счастливы, эксперты Всемирного доклада называют создание надежного и хорошо функционирующего правительства, а с культурной – формирование чувства общности и единства среди граждан. И, по их утверждению, скандинавские страны этот путь успешно преодолели.

Действительно, бытовая сторона повседневного благополучия и обустроенности зиждется на довольно основательных социальных, экономических и управленческих достижениях стран Северной Европы. Однако их абсолютизация, некритическое отношение к ним и вырывание из контекста искажают реальную картину, вводят в заблуждение. Так, Швеция стала первой

страной, ломающей гендерные устои на официальном уровне. Еще в 1998 году там была принята поправка к Закону об образовании Швеции, призывающая школы избегать «гендерных стереотипов». С 2011 года действуют так называемые гендерно-нейтральные дошкольные учреждения, в которых заменили обращения *han* (он) и *hon* (она) на местоимение *hen* (оно). Детскую одежду и игрушки покупают независимо от пола, для того чтобы не навязывать гендерные роли. Родителям рекомендуется поощрять интерес ребенка к изучению собственного тела и отличиям от других, а также внушать мысль о том, что голышом ходить не стыдно. Таким образом ребенок якобы впоследствии избавляется от комплексов.

Вместе с обывательским счастьем в качестве образца остальному миру стала предлагаться и скандинавская модель ювенальной юстиции. После принятия в 1979 году в Швеции впервые в мире закона, квалифицирующего как уголовное преступление любое наказание детей, ювенальная юстиция очень скоро превратилась во влиятельный и всепроникающий государственный институт, обладающий огромными административными и финансовыми ресурсами. По сути дела, ювенальные социальные службы, получив право изымать детей из семей, взяли на себя надзорные функции и превратились в карательный аппарат. Так, в 2012 году члены Комитета по правам человека в скандинавских странах (КПЧСС) «За права семьи в скандинавских странах» направили в Совет Европы, Комитет министров и Европейский парламент запрос на проведение тщательной проверки по факту повсеместного распространения в скандинавских странах практически ежедневной практики изъятия детей из семей. В докладе «О случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних скандинавских странах» говорится о том, что законы, дающие органам опеки в Швеции и других скандинавских странах право на произвольных основаниях силой изымать детей из попечения родителей и помещать их в замещающие семьи или детские дома, к совершенно незнакомым людям, были приняты в начале XX века. С 1920 года по настоящее время только власти Швеции изъяли и насильно поместили в замещающие семьи свыше 300 тыс. детей. В случае Норвегии, Финляндии и Дании эти цифры ненамного ниже. В докладе отмечается, что основной проблемой с делами об изъятии детей является выплачиваемое замещающим родителям значительное денежное вознаграждение. Мишенью шведских, датских и финских органов опеки становятся в основном молодые или неполные семьи, семьи с проблемами в плане достатка, образования или здоровья, а также семьи иммигрантов. Соцработники также зачастую считают неспособными исполнять свои обязанности тех родителей, чьи религиозные или философские убеждения кажутся им неприемлемыми. В подобных случаях действующие по рекомендации соцработников чиновники органов опеки автоматически ставят вопрос об изъятии детей и помещают их в замещающие семьи. Соцработники вмешиваются в

частную жизнь даже тех семей, где родители имеют высшее образование и престижную работу. В результате многие родители в Швеции и других скандинавских странах оказались в ситуации, когда ради того, чтобы не позволить индустрии замещающих семей разрушить судьбу своего ребенка, они вынуждены были бежать из страны [18]. Однако, насколько можно судить, проблемы ювенальной юстиции, которые сегодня поднимают многие правозащитники, юристы, психологи и педагоги, не находят должного отклика в европейских структурах. При этом следует отметить, что такое положение дел отнюдь не является оборотной, так сказать, темной стороной скандинавского счастья, а, напротив, составляет его неотъемлемую часть.

Кроме того, «экспортная» картинка скандинавского счастья драпирует серьезные миграционные проблемы, которые изменяют социальное лицо северных стран и порождают страх разрушения государства «всеобщего благоденствия», что особенно характерно для Швеции. Так, в 2018 году в структуре шведского населения (10,2 млн человек) более 9% были гражданами других стран, 10% родились за рубежом, а 25% имели иностранные корни. Значительная часть иммигрантов предпочитает жить на социальные пособия или заполняет нишу тяжелого и неквалифицированного труда, что спровоцировало повышение доли люмпенизированных и маргинальных слоев в общем составе населения страны, привело к сегрегации и анклавизации шведского общества и, как следствие, росту этнической преступности, распространению религиозного и политического экстремизма, причем с обеих сторон. Общеввропейский миграционный кризис 2015 года способствовал значительному усилению политической роли праворадикальных партий во всех скандинавских странах.

Распространение по всему миру картин маленького уютного северного счастья, кроме того, сочетается с феноменом викингмании в ее различных проявлениях, ростом интереса к языческим культам, особенно среди молодежи. Скандинавия является родиной тяжелого рока, в том числе его деструктивных форм. В этой ситуации есть опасность того, что вместе с образцами обывательского счастья более активно будут продвигаться иные псевдоценности. Вместе с тем, есть основания полагать, что в посткоронавирусный период интерес к феномену «скандинавского счастья» существенно возрастет, несмотря на то, что повышенное внимание к скандинавскому стилю и образу жизни и так уже в течение последнего времени относится к заметным мировым трендам. Предпочтение малых замкнутых пространств (собственных жилищ и квартир) многолюдным сборищам, их уютное обустройство для комфортного пребывания длительное время, рецепты тихого домашнего счастья, ориентация на общение с природой в малолюдном пространстве – все эти формы поведения, так

востребованные в условиях пандемии, для жителей скандинавских стран являются естественной, традиционной нормой жизни, формировавшейся веками. Экстраординарные обстоятельства подготовили почву к тому, чтобы страны Северной Европы превратились в мировых законодателей моды на образ жизни, а также нормы потребительского и социального поведения.

Заключение

Исследования показывают, что локально-этнокультурные картины счастливой жизни включают в себя множество элементов: стереотипы повседневного поведения, ритуалы, материальную среду, обрядовую культуру, окружающие ландшафты, систему межличностных отношений, духовные практики и др. Все они в совокупности составляют прочную ткань человеческой жизни. Смена дня и ночи, времен года, жизненных циклов, сна и бодрствования, работы и отдыха – всё это ритмизирует жизнь, обеспечивает повторяемость, придает ей устойчивость, осмысленность, предсказуемость и удовлетворенность, так как противостоит хаосу, неопределенности, нестабильности и абсурдности.

Каждый народ и всякая культура в той или иной степени имеет свое когнитивное и поведенческое ядро, вокруг которого организуются жизненные ценности и формируются установки на восприятие собственной жизни как удавшейся и счастливой даже без атрибутов, символизирующих богатство и высокий социальный статус [19]. Известный британский футуролог Ричард Уотсон в числе 50 тенденций из области футурологии выделяет «погоню за счастьем» и приходит к не очень утешительному выводу, полагая, что в будущем человечество ждет погоня за счастьем, которая в конце концов способна сделать людей несчастными.

Существуют как практические, так и концептуальные трудности, которые препятствуют тому, чтобы сделать человеческое благополучие максимальным. Взять хотя бы непростые отношения между свободой слова, правом на частную жизнь и обязанностью каждого правительства обеспечивать безопасность граждан: каждый из этих принципов кажется основополагающим для здоровья общества, однако проблема в том, что при своем крайнем проявлении каждая из этих основ проявляет враждебность к двум другим. Тем не менее, современное общество заинтересовано в выявлении универсальных факторов счастья, действующих в любых социокультурных средах.

Список использованных источников

1. Савина И. Как измеряют счастье и в чем его секрет // Vesti.ua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti.ua/poleznoe/311757-kak-izmerjajut-schaste-i-v-chem-eho-sekret>. – Дата доступа: 22.04.2020.

2. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet // A Report to the Club of Rome, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.clubofrome.org/wp-content/uploads/2024/01/2018_Come-on_FrontMatter.pdf. – Дата доступа: 23.03.2024.

3. Всемирный совет счастья учрежден в ОАЭ // Русские эмираты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russianemirates.com/news/uae-news/vsemirnyy-sovet-schastya-uchrezhden-v-uae/>. – Дата доступа: 08.04.2023.

4. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress / Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen, Jean-Paul Fitoussi // Ec.europa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report>. – Дата доступа: 08.02. 2020.

5. Estonia's Bank of Happiness: trading good deeds. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sikhnet.com/news/estonias-bank-happiness-trading-good-deeds>. – Дата доступа: 06.04.2023.

6. The Happiness Research Institute. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.happinessresearchinstitute.com/>. – Дата доступа: 04.03.2022.

7. Счастье человека – новый приоритет деятельности всех систем управления? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://common.skolkovo.ru/event/fsi/>. – Дата доступа: 12.04.2020.

8. Теплое пространство поддержки и доброты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://happyforum.ru/>. – Дата доступа: 12.04.2020.

9. Что такое «культура счастья»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://happy-culture.ru/#about>. – Дата доступа: 12.04.2022.

10. Рассел Х. Атлас счастья. Уникальные рецепты счастья со всего света / Хелен Рассел; [пер. с англ. А. Гард]. – М.: Эксмо, 2019.

11. Самоубийства в Японии // Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 26.08.2023.

12. Моги К. Икигай. Смысл жизни по-японски / Кен Моги; пер. с англ. В. Степановой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.

13. Демография Шотландии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.knowledgr.com/06055891/>. – Дата доступа: 29.08.2023.

14. Тарнавский В. Страна как бренд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.management.com.ru/cases/case026.html>. – Дата доступа: 29.08.2020.

15. Беннетт Г. Соорие. Шотландское искусство счастья / Габриэлла Беннетт; [пер. с англ. Э. Мельник]. – М.: Эксмо, 2019.

16. Шотландия вошла в тройку лучших стран мира для туристов // BBC Русская служба. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.bbc.com/russian/uk/2013/10/131029_scotland_lonely_planet. – Дата доступа: 29.08.2020.

17. The Nordic Exceptionalism: What Explains Why the Nordic Countries Are Constantly Among the Happiest in the World // World Happiness Report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldhappiness.report/ed/2020/the-nordic-exceptionalism-what-explains-why-the-nordic-countries-are-constantly-among-the-happiest-in-the-world/>. – Дата доступа: 12.05.2023.

18. Доклад о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних Скандинавских странах Генеральному секретарю Совета Европы г-ну Турбьерну Ягланду. Авеню дель Юроп F-67075 Страсбург CEDEX Франция 10 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.familypolicy.ru/rep/int-13-047-nkmr.pdf>. – Дата доступа: 14.04.2023.

19. Happiness Across Cultures. Views of Happiness and Quality of Life in Non-Western Cultures/editors Helaine Selin, Gareth Davey, Dordrecht Heidelberg. – London – New York: Springer, 2012.

References

1. Savina I. Kak izmeryayut schast'e i v chem ego sekret // Vesti.ua [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://vesti.ua/poleznoe/311757-kak-izmerjajut-schaste-i-v-chem-eho-sekret>. – Data dostupa: 22.04.2020.

2. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet // A Report to the Club of Rome, 2018 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.clubofrome.org/wp-content/uploads/2024/01/2018_Come-on_FrontMatter.pdf. – Data dostupa: 23.03.2024.

3. Vsemirnyi sovet schast'ya uchrezhden v OAE // Russkie emiraty [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://russianemirates.com/news/uae-news/vsemirnyy-sovet-schastya-uchrezhden-v-oae/>. – Data dostupa: 08.04.2023.

4. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress / Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen, Jean-Paul Fitoussi // Es. europa [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report>. – Data dostupa: 08.02. 2020.

5. Estonia's Bank of Happiness: trading good deeds. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sikhnet.com/news/estonias-bank-happiness-trading-good-deeds>. – Data dostupa: 06.04.2023.

6. The Happiness Research Institute. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.happinessresearchinstitute.com/>. – Data dostupa: 04.03.2022.

7. Schast'e cheloveka – novyi prioritet deyatel'nosti vseh sistem upravleniya? [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://common.skolkovo.ru/event/fsi/>. – Data dostupa: 12.04.2020.

8. Teploe prostranstvo podderzhki i dobroty [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://happyforum.ru/>. – Data dostupa: 12.04.2020.

9. Chto takoe «kul'tura schast'ya»? [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://happy-culture.ru/#about>. – Data dostupa: 12.04.2022.
10. Rassel Kh. Atlas schast'ya. Unikal'nye retsepty schast'ya so vsego sveta / Khelen Rassel; [per. s angl. A. Gard]. – M.: Eksmo, 2019.
11. Samoubiistva v Yaponii // Vikipediya. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Data dostupa: 26.08.2023.
12. Mogi K. Ikigai. Smysl zhizni po-yaponski / Ken Mogi; per. s angl. V. Stepanovoi. – M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2019.
13. Demografiya Shotlandii. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ru.knowledgr.com/06055891/>. – Data dostupa: 29.08.2023.
14. Tarnavskii V. Strana kak brend. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.management.com.ru/cases/case026.html>. – Data dostupa: 29.08.2020.
15. Bennett G. Coorie. Shotlandskoe iskusstvo schast'ya / Gabriella Bennett; [per. s angl. E. Mel'nik]. – M.: Eksmo, 2019.
16. Shotlandiya voshla v troiku luchshikh stran mira dlya turistov // BBC Russkaya sluzhba. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.bbc.com/russian/uk/2013/10/131029_scotland_lonely_planet. – Data dostupa: 29.08.2020.
17. The Nordic Exceptionalism: What Explains Why the Nordic Countries Are Constantly Among the Happiest in the World // World Happiness Report. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://worldhappiness.report/ed/2020/the-nordic-exceptionalism-what-explains-why-the-nordic-countries-are-constantly-among-the-happiest-in-the-world/>. – Data dostupa: 12.05.2023.
18. Doklad o sluchayakh iz"yatiya detei iz semei v Shvetsii i sosednikh Skandinavskikh stranakh General'nomu sekretaryu Soveta Evropy g-nu Turb'ernu Yaglandu. Avenyu del' Yurop F-67075 Strasburg CEDEX Frantsiya 10 dekabrya 2012 g. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.familypolicy.ru/rep/int-13-047-nkmr.pdf>. – Data dostupa: 14.04.2023.
19. Happiness Across Cultures. Views of Happiness and Quality of Life in Non-Western Cultures/editors Helaine Selin, Gareth Daveyb, Dordrecht Heidelberg. – London – New York: Springer, 2012.

PEDAGOGICAL SCIENCE AND EDUCATION
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

UDC 378.091.3:811.161.3'243(=581)

Olga Shahab,
PhD, Associate Professor;
Tianjin Foreign Studies University
(China)
shahab.olga@yandex.by

**USE OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN TEACHING
BELARUSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN CHINA**

Based on the fact that the Belarusian language is expanding its scope of use, and strengthening its status as a foreign language, all aspects of the theory and methods of its teaching are being improved. One of the most important components of teaching the Belarusian language in China is the technologization of the educational process, in other words, the development of appropriate techniques and methods of work that will ensure the successful perception and assimilation of educational material, its implementation in the interpersonal and labor spheres. The article provides a brief overview of educational technologies that are most relevant in the context of studying the Belarusian language as a foreign language in China. Their implementation in the educational process allows for the activation of training and, to a large extent, the problem of creating an artificial language environment.

Keywords: educational technologies; technology of situation modeling; interactive training; project training, language portfolio; tandem method; distance learning.

Ольга Шахаб,
кандидат педагогических наук, доцент;
Тяньцзиньский университет иностранных языков
(Китай)
shahab.olga@yandex.by

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ОБУЧЕНИИ БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЕ**

Исходя из того, что белорусский язык расширяет сферу использования, укрепляя свой статус как иностранного, совершенствуются все аспекты теории и методики его преподавания. Одной из важнейших составляющих обучения белорусскому языку в Китае является технологизация учебного процесса, иначе говоря, разработка соответствующих приемов и методов работы, которые обеспечат успешное восприятие и усвоение учебного материала, его

реализацию в межличностной и трудовой сферах. В статье представлен краткий обзор образовательных технологий, наиболее актуальных в контексте изучения белорусского языка как иностранного в Китае. Их внедрение в образовательный процесс позволяет активизировать обучение и в значительной мере решить проблему создания искусственной языковой среды.

Ключевые слова: образовательные технологии; технология ситуационного моделирования; интерактивное обучение; проектное обучение, языковое портфолио; тандемный метод; дистанционное обучение.

Введение

Интенсификация информационных потоков в общественной жизни и сознании человека стимулирует совершенствование знаний и быструю разработку новых способов овладения ими. Интеллектуальный потенциал общества активно аккумулируется и развивается в университетской среде. На первый план выходит задача подготовки специалиста, способного быстро обучаться, правильно и грамотно использовать новейшую информацию, адаптировать ее не только к своим потребностям, но и к задачам и направлениям развития конкретных организаций и предприятий, формировать эффективные стратегии инновационного развития в избранной сфере деятельности.

Сегодня китайские вузы, являясь центрами инновационного развития образовательных технологий и услуг, используют все ресурсы для подготовки современных специалистов как потенциальных партнеров со знанием языков. Белорусский язык как специальность профессионального образования на уровне бакалавриата существует в Тяньцзиньском университете иностранных языков (КНР) с 2017 года. Целью является подготовка высококвалифицированных специалистов, способных к самостоятельному и творческому мышлению, поиску эффективных решений вопросов экономического и межкультурного взаимодействия между белорусским и китайским народами. «Постановка таких задач требует от преподавателя поиска таких способов построения занятий и взаимодействия с учащимися, которые обеспечивали бы их максимально возможную активность» [1, с. 245]. При этом важно обеспечить выпускника со знанием белорусского языка таким национально-культурным багажом, который позволит ему осуществлять эффективную коммуникацию в различных сферах жизнедеятельности.

Основная часть

Оптимальное использование технических средств обучения сегодня позволяет интенсифицировать и делать интерактивным учебный процесс за счет концентрированного изложения и рационального и творческого использования большого количества материалов. С этим ученые в первую очередь связывают вхождение в саму сферу обучения понятия «технология», рассматривая ее как систему жестко заданных приемов и действий, направленных на результат.

В отличие от области производственной, образовательные технологии не имеют четко выраженного характера, поэтому применительно к ним можно говорить об определенной условности или даже расплывчатости термина. В лингвометодической литературе есть несколько его трактовок. «Первое направление, которое ориентируется на растущий потенциал технических средств в образовательном процессе, имеет название “технологии в образовании”. Второе направление означает технологию построения учебного процесса на иностранном языке, поэтому его можно назвать “образовательные технологии”. Наконец, третье направление – “технологии языкового образования”. К ним относятся технологии, не имеющие четкой образовательной функции и реализуемые без использования технических средств, но оказывающие влияние на всю сферу языкового образования» [3].

К первой группе – «технологии в образовании» – можно отнести компьютерные и аудиовизуальные технологии, искусственный интеллект и непосредственные средства технической поддержки образовательных технологий. Ко второй группе – «образовательные технологии» – относят проблемное обучение, проектную технологию, развивающее обучение, ролевые игры, личностно-ориентированное обучение, модульное обучение, *case-study*, авторские педагогические технологии, развитие критического мышления через чтение и письмо, языковое портфолио, дистанционное обучение, в том числе в интерактивном режиме с помощью видеоконференций и других ресурсов, на базе искусственного интеллекта, интернет-платформ и мобильных приложений и т. д. В третью группу – «технологии языкового образования» – включают технологии ситуационного моделирования, диалоговые технологии, тандемный метод, парное и групповое обучение, дискуссии и конференции, мастер-классы, языковые игры, блоги и др.

Обратим внимание на тот факт, что использование образовательных технологий, как правило, основано на сочетании различных подходов к обучению. Технологический подход предполагает, прежде всего, совершенствование традиционного обучения, основанного на репродуктивной деятельности обучающихся. Процессуальный подход, в первую очередь, ориентирован не на результат, а на сам процесс обучения с упором на всестороннее развитие личности и ее способность приспосабливаться к различным условиям речевой деятельности. Поэтому применительно к технологиям обучения белорусскому языку как иностранному скорее можно говорить о разумном сочетании технологического и процессуального подходов. По мнению ученых, такое объединение «может осуществляться двумя различными способами: конвергенцией (путем наложения фрагментов одного подхода на другой, который преобладает) и / или интеграцией

(объединением двух подходов в целостную методологическую процедуру)» [7, с. 29].

Многочисленными научными исследованиями и педагогической практикой подтверждается, что образовательные технологии чрезвычайно эффективны при обучении иностранным языкам. Они позволяют активизировать развитие коммуникативных компетенций обучающихся, заданных стандартами экзаменационных требований к уровням владения белорусским языком, за счет:

- повышения продуктивности обучения при снижении временных затрат;
- индивидуализации учебного процесса с учетом национального менталитета обучающихся, сферы их интересов, трудностей в восприятии материала;
- дифференциации обучения по его интенсивности или экстенсивности, индивидуальному, парному или групповому характеру, месту выполнения заданий;
- создания языковой среды, максимально приближенной к естественной, с помощью аудиовизуальных средств и различных источников подачи и обработки информации.

Нас в первую очередь интересуют так называемые «образовательные технологии» и «технологии языкового образования». Рассмотрим те из них, которые в настоящее время наиболее успешно используются при обучении иностранным языкам, и наметим их перспективы в контексте преподавания белорусского языка китайским студентам.

Технология ситуационного моделирования

Хорошо известно, что овладение языком происходит естественно и продуктивно, когда человек находится среди его носителей. Качество знаний, приобретаемых китайскими студентами-белорусистами, будет определяться, прежде всего, востребованностью их компетенций в практических контактах с носителями языка. Поэтому моделирование естественной речевой среды в ситуациях, максимально приближенных к реальным потребностям, видится первоочередной задачей практиков, работающих с белорусским языком как иностранным.

Технология ситуационного моделирования на белорусском языке как иностранном обеспечивает, прежде всего, социокультурный контекст и контент для формирования компетенций, определенных стандартами. Моделирование типичных ситуаций реального общения происходит через предлагаемые ситуации, что способствует развитию речи и формированию прочных навыков коммуникативного поведения в различных вариантах межкультурного общения. Чрезвычайно важно, чтобы ситуации соотносились с личным опытом

обучающихся и были функционально значимыми. Следует отметить, что каждая языковая и культурная общность имеет самобытную систему национально и ситуационно обусловленных типичных моделей коммуникативного поведения, которые, в свою очередь, могут быть симметричными или асимметричными в восприятии коммуникантов. Это касается, прежде всего, такого понятия, как социальная дистанция, нарушение которой посредством некорректного вербального поведения всегда воспринимается негативно и может повлиять на исход общения в целом.

Также важно осознавать, что статус белорусского языка как иностранного требует усиления прагматических аспектов его изучения, иными словами, расширения круга возможностей и ситуаций реального речевого обращения к носителям другой культуры. Актуальным примером является изучение белорусского языка в китайских вузах. Интенсивный рост китайско-белорусских отношений расширяет спектр применения профессиональных компетенций, приобретаемых студентами в процессе обучения. Это и культура, и экономика, и политика, и социальная коммуникация, другими словами, такие контакты, которые требуют понимания нюансов поведения и речевых формул и глубокого знания профессиональной лексики, технических, медицинских, ИТ-терминов. В связи с этим моделирование реальных бизнес-процессов, торгово-экономических отношений, туристических услуг и т. д. погрузит студентов в их будущую профессиональную деятельность. Например, ресурсы Центра Якуба Коласа в Тяньцзиньском университете иностранных языков используются для ситуационного моделирования при обучении студентов-белорусистов. За каждым студентом закрепляются тематические туристические экскурсии по определенной тематике на белорусском и китайском языках, которые он разрабатывает и представляет самостоятельно. Это помогает активизировать речь, осмыслить многие историко-культурные и языковые реалии, снимает определенные коммуникативные барьеры, учит правильности межкультурного общения, делает обучение более естественным и непринужденным, повышает мотивацию к обучению.

Как мы уже отмечали, непосредственная связь между социокультурным контекстом, формированием коммуникативных компетенций и ситуационным моделированием в белорусском языке как иностранном обуславливает необходимость сочетания различных методов обучения. Путем творческого моделирования типичных ситуаций реального общения, соотносимых с современным состоянием развития науки, культуры, экономики и других сфер жизни, активизируется речь учащихся, растет мотивация к самостоятельному поиску. По мнению ученых, целесообразность такой работы «обусловлена тем, что она предполагает полное вовлечение учащегося в решение задачи,

включающее прежде всего активизацию мышления, чувств, знаний, интереса и стремления к деятельности. Успешному созданию иноязычного разговорного дискурса будет способствовать рассмотрение преподавателями иностранного языка таких аспектов, как самостоятельный поиск путей и вариантов решения поставленной учебной задачи; активное воспроизведение ранее полученных знаний во вновь создаваемых обстоятельствах. Предлагаемые речевые ситуации пробуждают у будущих специалистов чувство интереса к иноязычному общению и побуждают к использованию информации из статического текста в процессе создания иноязычного дискурса с естественной потребностью создания дискурса в соответствии с речевой ситуацией» [8, с. 62].

Интерактивное обучение (развитие критического мышления через чтение и письмо)

В психологии доказано, что основными условиями развития личности являются общение с источниками информации и живыми людьми и их совместная деятельность (Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. М. Леонтьев, В. М. Мясищев). Студенты постоянно вступают в беседы и межличностные отношения с преподавателями, однокурсниками, используют книги, интернет-ресурсы и другие источники информации. Экспериментально выявлено (В. В. Давыдов, Г. А. Цукерман), что генетически первым субъектом учебно-познавательного контакта преподавателя с обучающимся является не индивидуум, а группа участников совместной работы. Исследователи показали, что активное сотрудничество с людьми, отличающимися осведомленностью в тех или иных вопросах, является необходимым условием зарождения инициативы обучающихся в процессе выполнения учебной деятельности, имеющей рефлексивное происхождение.

Можно предположить, что наиболее целесообразным и рациональным в обучении белорусскому языку как иностранному будет переход от коллективной учебной деятельности к работе в малых группах, что требует от учащихся широкого круга базовых и узкопредметных умений. Это согласуется с общетеоретическим положением Л. С. Выготского о том, что индивидуальные психические процессы формируются путем интерактивизации их коллективного осуществления. Реализация такой интерактивной модели обучения белорусскому языку как иностранному связана с принципами активной и опосредованной коммуникации, которые определяют саму стратегию обучения.

Учитывая, что развитие личности осуществляется только в деятельности и общении как ее специфической форме, развитие критического мышления при обучении собственно языку и смежным предметам можно охарактеризовать как стимулирование обучающихся к решению задач, способствующих их

продуктивному развитию в правильном направлении. Одной из наиболее известных и продуктивных технологий, применяемых при обучении различным дисциплинам, в том числе иностранным языкам, является развитие критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП). В его основе лежит популярная в социальной психологии концепция взаимодействия, согласно которой важнейшей особенностью межличностного общения является «способность человека “брать на себя роль другого”, представлять, как он воспринимает своего партнера по общению, интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия» [9, с. 598].

Ученые-педагоги отмечают, что применение данной технологии в образовательной среде связано со следующими ее особенностями:

- технология развития критического мышления имеет научную концептуальную основу, что имеет значение не только при организации поиска информации в сети Интернет, но и при обработке иных информационных потоков, например, при чтении учебных и научных текстов на онлайн-занятиях;
- этапы технологии развития критического мышления (вызов, осмысление, рефлексия) соответствуют естественным этапам познавательной деятельности человека;
- этап рефлексии при использовании данной технологии способствует процессу обучения;
- технология развития критического мышления предлагает четкую схему занятий, организуя процесс обучения наиболее эффективно [4, с. 27].

Одним из ключевых элементов этой технологии является регулярная работа с первоисточниками. Так, занятия по чтению или страноведению, которые проводятся, в том числе, с использованием оригинальных адаптированных и неадаптированных текстов, целесообразно строить в виде трехфазной модели «вызов – понимание содержания – рефлексия».

На стадии вызова будут эффективны приемы «правильные и неправильные утверждения», «представление информации кластерами», «мозговой штурм», «пазл». Следует отметить, что данный этап работы имеет важное значение для эффективности процесса, так как учащиеся пытаются предугадать содержание текста, тем самым активизируя свои аналитико-синтетические способности, а преподаватель может, во-первых, выявить уровень владения студентами тематической лексикой и пополнить их словарный запас, во-вторых, подготовить обучающихся к восприятию новой информации.

Целесообразно осмысление содержания, включая приемы «инсерт» (аббревиатура от *interactive noting system for effective reading and thinking*), или технологию эффективного чтения, а также заполнение концептуальных таблиц. Конечно, при чтении аутентичных научно-популярных текстов учащиеся

сталкиваются с большими трудностями содержательного и языкового характера, имеющими отношение к стилю статей, их коммуникативному плану, а также характеру информации, в которой очень легко «заблудиться». Поэтому, актуализируя задачу на этапе вызова, необходимо дать учащимся установку на поиск определенной информации и заполнение соответствующей таблицы. Таким образом, текстовая информация становится инструментом для выполнения задачи, а не самоцелью; параллельно развиваются навыки реферирования.

Этап рефлексии – обязательный элемент технологии и условие ее успешной реализации. Студент должен быть готов обсуждать содержание текста, высказывать собственную оценку поставленной в нем проблемы или полученной информации, а преподаватель должен оценивать ответ. При этом аудиторное время обычно ограничено и не позволяет анализировать ответы обучающихся на том же занятии. Кроме того, студентам удобнее работать с первоисточниками не в аудитории, а самостоятельно, в парах или группах. Поэтому, как правило, подготовка устного / письменного ответа осуществляется в качестве домашнего задания. Целесообразно также в конце занятия вернуться к этапу вызова и проанализировать, как изменились представления обучающихся о проблеме, как и где полученная информация может быть им полезна. План подготовки устного или письменного домашнего ответа должен быть обсужден в аудитории, также это можно сделать в парах или малых группах.

При совершенствовании системы оценивания ответов студентов необходимо учитывать степень их языковой готовности к восприятию текста. Одновременно с изучением материала следует обратить внимание на некоторые грамматические конструкции, а также предложить обучающимся составить собственное «языковое портфолио», предварительно предоставив образец такого рода работы.

К каждому тематическому блоку необходимо подготовить ряд вопросов. На наш взгляд, наиболее рационально проводить на их основе дискуссии. Это потребует от обучающихся осмысленного поиска необходимой информации, аналитико-синтетической работы с ней, а язык выступит средством получения и представления новой информации.

Технология развития критического мышления через чтение и письмо развивает самостоятельность и мышление учащихся, непосредственно интерактивизируя сам процесс обучения и помогая преодолевать исторически и культурно обусловленные речевые барьеры.

Технология проектирования

Оптимизация педагогического взаимодействия неизменно связана с проектированием на уровне профессионально-педагогической деятельности в целом и отдельных образовательных программ по отдельности. Как отмечает

известный российский ученый Н. В. Бордовская, «в связи с этим направлением можно говорить о выходе на управление процессом личностного и профессионального развития участников образовательного процесса в вузах. Именно разработка технологий развития определенных личностных качеств человека средствами учебных дисциплин и условий обучения в вузах находится в поле внимания и интереса современных ученых и университетских практиков. Совокупность таких технологий, реализующихся в логике развития определенной группы личностных характеристик человека с опорой на закономерности такого развития, обогащает операционально-деятельностный компонент современного высшего образования» [2, с. 102].

Отправной точкой для нас служит образовательный стандарт и современная модель иностранного специалиста с высокой степенью личной, моральной и социальной ответственности, способного эффективно использовать белорусский язык в различных актуальных сферах международного экономического и гуманитарного сотрудничества. Поэтому задачи, поставленные при проектировании, должны содержать особые ценностные маркеры, проблемные и конкурентные ситуации. Преподаватель предлагает учащимся решить задачу или разработать тему, относящуюся не столько к лингвистике, сколько к актуальной проблеме сегодняшнего дня. Он не руководит работой непосредственно, а фактически задает направление для самостоятельного поиска, предлагает множество форм реализации проекта (написание эссе, рефератов, журналистских выступлений, запись видеороликов; сообщения профессиональной и социально-культурной тематики; изучение энциклопедической и справочной литературы, самостоятельная исследовательская деятельность и др.).

Как правило, и китайские студенты, и преподаватели охотно работают над созданием самых разных проектов, потому что происходит коллективная творческая деятельность, а на выходе получается творческий продукт, который презентуется либо на уроке, либо в интернете. На занятиях белорусским языком как иностранным положительный эффект от проектной деятельности достигается при следующих условиях:

- наличие соответствующей мотивации учащихся (прежде всего через темы и вопросы проекта, для освоения которых необходимо иметь разнообразные знания);

- обеспечение процесса проектирования современными информативными, стилистически разнообразными материалами, соотносимыми не столько с минимальными требованиями к уровням общего владения белорусским языком как иностранным, сколько с реальными областями науки, экономики, культуры, духовности (этика, культура, мораль), актуальными для современного общества;

– организация активного общения всех участников процесса проектирования, иначе говоря, интенсивная речевая практика в решении проектных задач.

Обучение по проектной технологии часто становится элементом билингвального обучения, когда происходит параллельное овладение несколькими языками. Такое обучение предполагает: «а) приобретение учащимися предметных знаний в конкретной области на основе взаимосвязанного использования двух языков; б) обучение двум языкам как источнику учебной деятельности» [9, с. 596]. Например, использование проектного обучения может принести хорошие плоды в условиях преподавания белорусского языка в Китае, когда для учащихся постепенно вводятся два или три языка. Внедрение проектной технологии в педагогическую практику позволяет студентам продемонстрировать свои исследовательские способности, расширить знания по теме проекта, показать уровень владения языком. Китайские студенты-белорусисты готовы работать над проектами еще и потому, что такая работа имеет утилитарное значение, носит комплексный и преимущественно коллективный характер (это соответствует китайскому менталитету, где интересы группы превалируют над интересами личности). Можно утверждать, что в ходе разработки проектов студенты учатся работать в команде, и это можно считать прообразом их будущих рабочих взаимоотношений.

Таким образом, параллельно с формированием языковых понятий проектная деятельность стимулирует развитие речи учащихся и в целом повышает их коммуникативную компетентность и конкурентный потенциал, формируя при этом качества интеллектуально богатой, нравственной личности, способной поддерживать международные и национальные ценности и гуманистические традиции народов.

Языковое портфолио

Современные учебники по английскому и другим иностранным языкам сопровождаются так называемым «языковым» или «лингвистическим портфолио» («языковым портфолио»), основным смыслом которого является оценка языковой и речевой компетенции человека. «Языковое портфолио» было разработано Департаментом языковой политики Совета Европы в Страсбурге на рубеже XX и XXI веков. Целью проекта было развитие разных языков и развитие мультикультурализма в европейских странах, поощрение изучения языков на протяжении всей жизни.

«Языковое портфолио» рассматривается в методике с разных сторон – как форма и процесс организации результатов обучения для дальнейшего анализа и коррекции процесса обучения, как разновидность аутентичной оценки, как показатель/маркер языкового и речевого опыта и как основа для самооценки и

рефлексии по изучению языка. Четкие инструкции по созданию, хорошая структурная организация, градация всех этапов и личностно-ориентированный характер позволяют рассматривать «языковое портфолио» как инновационную педагогическую технологию, направленную на модернизацию современного образования.

Стандартом экзаменационных требований к уровням владения белорусским языком как иностранным установлены требования к уровню сформированности коммуникативных, прагматических, межкультурных и других компетенций. Некоторые из них «имеют сложную структуру и включают в себя основополагающие знания, навыки, умения и компетенции. Именно такой является общая компетенция, предусматривающая владение когнитивными стратегиями изучения иностранного языка» [6, с. 154]. Она сочетает в себе знания (декларативные, полученные через опыт и формальные); навыки и ноу-хау; экзистенциальную компетентность (индивидуальные особенности человека, его социальные установки и готовность к социальному взаимодействию) и способность к обучению. Последнее, как неотъемлемая часть процесса изучения языка, формирует осознанность – способность наблюдать и приобретать новый речевой опыт, а также интегрировать новые знания и накапливать их. Она развивается в процессе обучения при ежедневной целенаправленной работе и позволяет эффективно и самостоятельно решать новые задачи.

Согласно общеевропейской языковой системе, существует пять способов, с помощью которых учащиеся могут развивать свои учебные и эвристические навыки, а также брать на себя ответственность за собственное обучение:

- а) просто как «побочный продукт» изучения и преподавания языка, без какого-либо специального планирования или обеспечения;
- б) путем постепенной передачи ответственности за обучение от преподавателя обучающимся и поощрения их к осмыслению своего обучения и обмену этим опытом с другими обучающимися;
- в) путем систематического повышения осведомленности обучающихся о процессах обучения / преподавания, в которых они участвуют;
- г) путем привлечения студентов в качестве участников экспериментов с разными методологическими вариантами;
- д) путем побуждения обучающихся к осознанию собственного когнитивного стиля и соответствующей разработке собственных стратегий обучения [10].

Для создания «языкового портфолио» принципиальное значение имеет умение оценивать себя и определять стратегии дальнейшего обучения. Таблица самооценки в языковом паспорте предназначена для регулярного пересмотра и обновления языкового профиля студентов на основе существующих дескрипторов, например, в конце учебного года или университетского семестра,

или после периода стажировки за границей. Таким образом, «языковое портфолио» фактически выполняет две функции – самоконтроля и планирования дальнейших шагов по совершенствованию знаний (учиться и оценивать себя), что помогает выстроить собственную траекторию изучения языка, обеспечивая прочную основу для положительной динамики.

Учебное «языковое портфолио» формируется в рамках одной или нескольких смежных дисциплин и направлено на то, чтобы помочь студентам усвоить и систематизировать знания (расширить словарный запас, приобрести грамматические навыки, освоить приемы работы с разнообразной устной и письменной информацией, практически овладеть языком в соответствии с разными стилями и типами речи). Это осуществляется за счет поддержки высокой мотивации и стимулирования самостоятельной творческой деятельности учащихся, развития умений ставить цели, планировать и организовывать свою учебную деятельность, оценивать свои достижения и разрабатывать стратегии дальнейшего развития.

Формирование «языкового портфолио» осуществляется поэтапно:

- на этапе планирования студенты под руководством преподавателя анализируют сущность самой технологии как средства развития своей речевой компетенции и выявляют критерии и нормы оценивания по аттестационным уровням;
- на этапе сбора происходит формирование пакета заданных материалов, соответствующих целям обучения на том или ином уровне, а также множества факторов, обеспечивающих разнообразие критериев и подходов к оцениванию;
- на этапе осмысления выявляется соответствие результатов заданным критериям развития коммуникативных компетенций, что должно выражаться в определенных формах самооценки и самоанализа – аналитических записках, оценочных картах и т. п.

Таким образом, окончательный вариант «языкового портфолио» должен содержать его цель и предназначение, краткое описание основных компонентов, самоанализ и самооценку выполненной работы. Потенциал данной технологии как средства развития речевой компетенции видится значительным прежде всего благодаря логической упорядоченности процесса обучения, его управляемости и многообразию форм практического воплощения.

Тандемный метод

К числу наиболее эффективных технологий относится так называемый тандемный метод, предполагающий самостоятельное изучение языков партнерами с разными родными языками. Цель такого тандема – овладение языком партнера в реальных или близких к реальным ситуациях речевого

общения. Сегодня, например, эта технология чрезвычайно популярна среди студентов китайских языковых вузов (существует даже отдельное понятие «лингвистический партнер»). Первоначальная установка заключается в том, что участники такого общения (пара или группа) получают одинаковую выгоду. И если изначально партнеры по тандему использовали в основном письменное общение, то сегодня стремительное расширение возможностей виртуального общения в популярных мессенджерах позволяет практиковаться онлайн. В результате такого общения студенты расширяют и совершенствуют свои знания, активно развивают разговорные навыки, приобретают навыки редактирования текстов. По мнению многих специалистов, внедрение тандемного метода в обучение заслуживает самого пристального внимания со стороны практиков. При этом особое внимание уделяется управляемому виртуальному обучению, которое сегодня имеет ряд преимуществ, таких как наличие партнеров в разных странах, привычные условия общения, возможность общения устно или письменно (электронная почта, переписка в чатах, др.), усвоение через собеседников естественных культурных моделей страны изучаемого языка и др.

Дистанционное обучение

(на базе искусственного интеллекта, онлайн-платформ, онлайн-обучения, видеоконференций, мобильных приложений)

Значение дистанционного обучения как формы и как технологии трудно переоценить. Во-первых, это единственная форма, которая на сегодняшний день обеспечивает равный доступ к образованию для тех, кто по тем или иным причинам не может учиться офлайн. Кроме того, пандемия коронавирусной инфекции, из-за которой большинство стран ввели определенные ограничения и локдауны, показала недостаточную готовность человека к мобильному реагированию на глобальные вызовы, что не могло не отразиться на системе образования. И хотя постепенное освоение интернет-пространства в образовательных целях происходит давно, потребовалось время, чтобы правильно организовать удаленную реальность и принять ее как самодостаточную, в определенной мере, плодотворную альтернативу.

Изначально дистанционное обучение фактически объединяло высшие учебные заведения в систему открытых университетов, где студенты могли осваивать образовательные программы в индивидуальном порядке без ограничения срока обучения и независимо от места жительства. Так был обеспечен доступ к обширным мировым информационным ресурсам и сокращены расходы на образование. По мнению специалистов, дистанционное обучение «не призвано заменить традиционное очное обучение, а служит его дополнением в реализации преимуществ такого обучения, которые заключаются в следующем:

дает возможность учиться всем и всегда независимо от возраста, уровня подготовки и удаленности от учебных центров; обеспечивает интеграцию систем образования разных стран и дает студентам возможность выбора дисциплин и учебных заведений; дает возможность использовать технологии обучения, доступные как в школе, так и дома; обеспечивает вариативность обучения за счет выбора различных дистанционных курсов; формирует у обучающихся навыки самостоятельного обучения, поиска необходимой информации; позволяет использовать учебные материалы, хранящиеся на различных информационных серверах и базах данных; обеспечивает постоянный контроль за усвоением учебного материала и успеваемостью в рамках учебного курса; дает возможность заниматься по индивидуальной программе с учетом интересов и индивидуальных возможностей студента; осуществляет информационную поддержку обучения с помощью справочников в Интернете и тьютора» [9, с. 592].

Сегодня широко используются офлайн и онлайн модели дистанционного обучения. В первом случае мы имеем обучение без прямого контакта с преподавателем, когда учебные материалы размещаются на образовательных платформах или отправляются студенту по электронной почте или в выбранном для этого мессенджере. У этой модели обучения есть очевидный недостаток – отсутствие живой связи между преподавателем и студентом. При обучении белорусскому языку китайских студентов это в целом снижает эффективность обучения, но вполне подходит для домашних заданий, таких как аудирование, при должном обеспечении курса аудио- и видеоматериалами, для грамматических заданий, для языковых игр и т. д. Онлайн-обучение предполагает, что преподаватель общается со студентами в режиме реального времени. На сегодняшний день это формат, объединяющий многие разработки технологической и теоретико-методологической мысли.

В начале XXI века в Великобритании было введено дистанционное обучение языкам. Под ним изначально понималось такое интерактивное обучение, которое должно было максимально воспроизводить происходящее на уроке, при том, что учитель и (или) ученики не могли физически находиться в классе. Сегодня это реализуется через многочисленные инфо- и видеоуроки и видеокурсы, которые стремительно завоевывают образовательное интернет-пространство, но пока не всегда имеют четкую системную организацию, продуманную и удобную навигацию, непрофессионально озвучены, не учитывают механизмы поисковой деятельности в сети, предлагают ограниченный набор тренировочных и контрольных заданий и не всегда обеспечивают живую обратную связь.

Как отмечалось ранее, новые реалии поставили перед дистанционным образованием новые задачи. Необходимость максимальной интерактивизации взаимодействия между субъектами общения сегодня обусловлена быстрой

(а иногда и полной) передачей образовательной, деловой, частной и иной коммуникации между людьми в интернет-пространство. И здесь следует обратить внимание на возможности дистанционного обучения, организованного на базе видеоконференцсвязи. Первоначально оно было предназначено для обеспечения связи между несколькими субъектами в режиме онлайн. В настоящее время термин «видеоконференцсвязь» может также относиться к программно-ориентированным средствам видеосвязи, таким как *Tencent* (<https://meeting.tencent.com/>), *Skype* (www.skype.com), *Zoom* (<http://zoom.us>), которые обеспечивают синхронную связь и не требуют специального оборудования. «Целью при использовании образовательных технологий должно быть достижение “нормализации”. В дистанционном обучении можно сказать, что нормализация может произойти только в том случае, если учащиеся забудут, что их учитель находится по ту сторону экрана» [5, с. 205]. Существенным преимуществом такого изучения иностранного языка является то, что оно может обеспечить более интенсивные контакты, чем при прямом межкультурном сотрудничестве. Кроме того, возможности компьютерных программ и даже настроек дают практически неограниченные ресурсы для эффективного развития речи. Так, установка на компьютер (ноутбук, планшет, телефон) изучаемого языка как основного во много раз ускоряет активное накопление новой лексики, а мобильные приложения позволяют рационально использовать время в любых обстоятельствах для прослушивания, повторения фраз, грамматических конструкций, иными словами, активизируют дополнительные учебные ресурсы.

В последнее время в интернете стремительно набирают популярность авторские блоги, предлагающие разнообразные технологии и методики обучения, в том числе на основе фильмов и песен и т. д. Все это способствует овладению языком, но не может заменить организованное обучение, которое по содержанию и структуре будет соответствовать требованиям к уровневому владению языком. Иными словами, применительно к дистанционному обучению сегодня можно говорить о его вспомогательном характере с акцентом на необходимость дальнейшей интенсивной работы над технологией взаимодействия такого рода.

Сегодня удаленные возможности интернет-пространства в обучении белорусскому языку как иностранному практически не используются, это совершенно не освоенная ниша, обладающая огромным технологическим потенциалом. В связи с этим необходимо тесно сотрудничать со специалистами по созданию программных средств, а также специалистами-белорусистами с инновационным мышлением, которые пройдут соответствующую подготовку.

Выводы

В настоящее время теория и методика обучения белорусскому языку как иностранному активно накапливает концептуально-методологическую базу, анализирует педагогический опыт и формирует банк наиболее актуальных образовательных технологий. Особое внимание требует проблема обеспечения естественной языковой среды, недостаток которой может быть в значительной степени компенсирован ее искусственной генерацией за счет регулярного погружения в иноязычный материал с использованием современных инновационных средств и технологий обучения. Систематизация педагогических достижений позволяет подготовить основу для создания многоуровневых информационно-мультимедийных систем, актуальных для вузовских преподавателей-новаторов и китайских студентов-белорусистов.

Список использованных источников

1. Алексеева, Е. Применение технологии РКМЧП в преподавании иностранного языка / Е. Алексеева // Развитие критического мышления в высшей школе: технология и подходы. Сборник статей / сост. и ред. С. Заир-Бек. – М.: НП Центр РКМЧП, 2007. – С. 245–247.
2. Бордовская, Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: учеб. пособие / Н. В. Бордовская. – СПб: ООО «Книжный Дом», 2007. – 408 с.
3. Гальскова, Н. Д. Новые технологии обучения в современной концепции образования в области иностранных языков / Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 7. – С. 9–15.
4. Игнатьева, О. С. Технология развития критического мышления в образовательной среде вуза / О. С. Игнатьева, О. В. Лешер // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 10. – С. 25–29.
5. Лепшокова, Е. А. Роль дистанционного обучения при преподавании и изучении иностранного языка / Е. А. Лепшокова // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 7 (185). – С. 203–206.
6. Луферов, Д. Н. Языковое портфолио как технология организации самостоятельной работы студентов, изучающих дисциплину «Иностранный язык» / Д. Н. Луферов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2017. – № 4. – С. 152–163.
7. Мусина, Р. Интеграция достоинств технологического и процессуального подходов к обучению / Р. Мусина. // Развитие критического мышления в высшей школе: технология и подходы. Сборник статей / сост. и ред. С. Заир-Бек. – М.: НП Центр РКМЧП, 2007. – С.28–37.

8. Серняк, О. Технології ситуативного моделювання у формуванні мовленнєво-дискурсивної компетентності студентів факультету іноземних мов в іншомовному спілкуванні/ О. Серняк // Професійна іншомовна підготовка майбутніх фахівців лінгвістичних спеціальностей. Наукові записки. Серія: педагогіка. – 2017. – № 4. – С. 56–64.

9. Щукин, А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / А. Н. Щукин. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 784 с.

10. Goal Setting and Learning How to Learn [Electronic Source]. – Mode of access: <https://rm.coe.int/16804932c3>. – Date of access: 04.02.2024.

References

1. Alekseeva, E. Primenenie tekhnologii RKMChP v prepodavanii inostrannogo yazyka / E. Alekseeva // Razvitie kriticheskogo myshleniya v vysshei shkole: tekhnologiya i podkhody. Sbornik statei / sost. i red. S. Zair-Bek. – М.: NP Tsentr RKMChP, 2007. – S. 245–247.

2. Bordovskaya, N. V. Gumanitarnye tekhnologii v vuzovskoi obrazovatel'noi praktike: teoriya i metodologiya proektirovaniya: ucheb. posobie / N. V. Bordovskaya. – SPb: ООО «Knizhnyi Dom», 2007. – 408 s.

3. Gal'skova, N. D. Novye tekhnologii obucheniya v sovremennoi kontseptsii obrazovaniya v oblasti inostrannykh yazykov / N. D. Gal'skova // Inostrannye yazyki v shkole. – 2009. – № 7. – S. 9–15.

4. Ignat'eva, O. S. Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya v obrazovatel'noi srede vuza / O.S. Ignat'eva, O. V. Leshner // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2017. – № 10. – S. 25–29.

5. Lepshokova, E. A. Rol' distantsionnogo obucheniya pri prepodavanii i izuchenii inostrannogo yazyka / E. A. Lepshokova // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. – 2020. – № 7 (185). – S. 203–206.

6. Luferov, D. N. Yazykovoe portfolio kak tekhnologiya organizatsii samostoyatel'noi raboty studentov, izuchayushchikh distsiplinu «Inostrannyi yazyk» / D. N. Luferov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. – 2017. – № 4. – S. 152–163.

7. Musina, R. Integratsiya dostoinstv tekhnologicheskogo i protsessual'nogo podkhodov k obucheniyu / R. Musina. // Razvitie kriticheskogo myshleniya v vysshei shkole: tekhnologiya i podkhody. Sbornik statei / sost. i red. S. Zair-Bek. – М.: NP Tsentr RKMChP, 2007. – S.28–37

8. Sernyak, O. Tekhnologii situativnogo modelyuvannya u formuvanni movlennevo-diskursivnoi kompetentnosti studentiv fakul'tetu inozemnikh mov v inshomovnomu spilkuvani/ O. Sernyak // Profesiina inshomovna pidgotovka

maibutnikh fakhivtsiv lingvistichnikh spetsial'nostei. Navukovi zapiski. Seriya: pedagogika. – 2017. – № 4. – S. 56–64.

9. Shchukin, A. N. Obuchenie rechevomu obshcheniyu na russkom yazyke kak inostrannom: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya prepodavatelei russkogo yazyka kak inostrannogo / A. N. Shchukin. – M.: Russkii yazyk. Kursy, 2012. – 784 s.

10. Goal Setting and Learning How to Learn [Electronic Source]. – Mode of access: <https://rm.coe.int/16804932c3>. – Date of access: 04.02.2024.

UDC 009; 37.01-08

Iryna Shauliakova-Barzenka,
PhD, Associate Professor;
Multicultural Research Center
of Huzhou University
(China)
shauliakova@yandex.by

EDUCATIONAL ENVIRONMENT-ECOSYSTEM AS AN OBJECT OF STUDY: PROMISING AREAS OF SCIENTIFIC RESEARCH

The article is devoted to the analysis of trends and the most relevant areas of research in the modern school educational environment. The methodological perspectives of the relevant scientific search are set by the ideas of the ecosystem approach and the potential of interdisciplinary discourse. The transformation of the traditional learning environment into a highly innovative learning environment-ecosystem, leading to qualitative changes in the properties, parameters, and functionality of the environment, determines the relevance of a complex of fundamental and applied research related to the development of pedagogical phenomenology and axiology of the educational environment-ecosystem, the problems of immersive pedagogy, educational management, quality assessment, and risk forecasting about innovative educational environments.

Keywords: ecosystem approach; educational environment-ecosystem; person-centered education; scientific research; pedagogical phenomenology; immersive pedagogy; pedagogical noxology.

Ирина Шевлякова-Борзенко,
кандидат филологических наук, доцент;
Мультикультурный исследовательский центр
Университета Хучжоу
(Китай)
shauliakova@yandex.by

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ИННОВАЦИОННОГО ТИПА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ПОИСКА

Статья посвящена анализу тенденций и наиболее актуальных направлений исследований образовательной среды современной школы. Методологические перспективы соответствующего научного поиска задаются идеями экосистемного подхода и потенциалом междисциплинарного дискурса. Трансформация традиционной среды обучения в высокоинновационную обучающую среду-экосистему, приводящая к качественным изменениям свойств, параметров, функционала среды, обуславливает востребованность комплекса фундаментальных и прикладных исследований, связанных с разработкой

педагогических феноменологии и аксиологии образовательной среды-экосистемы, проблематики иммерсивной педагогики, образовательного менеджмента, оценки качества, прогнозирования рисков применительно к образовательным средам инновационного типа.

Ключевые слова: экосистемный подход; образовательная среда-экосистема; персонцентричное образование; научные исследования; педагогическая феноменология; иммерсивная педагогика; педагогическая ноксология.

Введение

Интерес к развитию образовательных сред в концептуально-методологической системе координат экологичности, понимаемой в самом широком смысле (как метаоснование и метапринцип конституирования нового мировоззрения и миропонимания), «вопреки распространенному в современных научных и научно-популярных изданиях мнению» [1, с. 178], возник не XXI веке. Однако именно с конца 2000-х годов нацеленность на осмысление сущности и перспектив образовательных экосистем приобретает своего рода коллективный (эксперты объединяются в интернациональные исследовательские команды¹) и последовательный характер. Сформулированное к настоящему времени более или менее конвенциональное определение образовательной экосистемы представляет ее как «динамически эволюционирующую и взаимосвязанную сеть образовательных пространств, состоящую из индивидуальных и институциональных “поставщиков” (провайдеров) образования, которые предлагают разнообразные образовательные ресурсы и опыты для индивидуальных и коллективных учащихся на протяжении их жизненного цикла» [3, с. 50-51]. Подобная сеть способна объединять чрезвычайно широкий спектр пространств, институций (организаций), активностей, акторов (участников), ресурсов, инструментов, как реальных, так и виртуальных, от учреждений образования (формального и дополнительного), клубов, разного рода центров (собственно образовательных, общественно-культурных, просветительских, творческих) – до онлайн-форумов, виртуальных школ и университетов, игровых онлайн-вселенных и т. п. Видимое преимущество образовательных экосистем связано с тем, что они предоставляют широкие возможности для «индивидуального и коллективного развития в широком спектре человеческой деятельности. Они также могут учитывать появляющиеся и изменяющиеся в течение жизни потребности учащихся» [3, с. 50]. Эксперты акцентируют внимание

¹ В 2020 году был опубликован доклад «Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования», подготовленный исследователями – участниками инициативы *Global Education Futures* П. Лукшей, Дж. Спенсер-Кейс и Дж. Кубиста по результатам проведенного ими же масштабного исследования; работа вызвала широкий резонанс в международном экспертном сообществе. Авторы доклада изучили «40 кейсов образовательных экосистем из Европы, США, Латинской Америки, Азии и России и провели глубинные интервью с их лидерами», предложив самую общую типологизацию рассмотренных экосистем [2].

на том, что экосистема не «уничтожает или заменяет собой существующие образовательные форматы – она “доращивает” существующую образовательную систему за счет новых форматов и инструментов связности (например, платформ, обеспечивающих сквозную оценку компетенций...), превращаясь в многомерное пространство обучения, обеспечивающее уникальные возможности персонального и коллективного образования» [3, с. 63].

Как правило, в современных исследованиях речь идет об образовательных экосистемах, «жизненный цикл» которых, с одной стороны, более или менее локализован во времени, а с другой стороны, ориентирован на своего рода тиражируемость, возобновляемость в системе координат непрерывного образования / образования в течение всей жизни. В этом контексте та или иная образовательная среда-экосистема, сохраняя самодостаточность, приобретает статус значимого компонента глобальной образовательной экосистемы как сети образовательных микрокосмов, однако она по определению не ориентирована на обязательную институциональность. Нас же интересует, как практически могут быть использованы идеи экосистемного подхода и, в частности, модельный концепт среды-экосистемы в связи с проблемой устойчивого развития образовательной среды общего среднего образования как одного из ключевых сегментов любой национальной системы образования. Пока в попытках представить целостный подход к созданию образовательных экосистем будущего для общеобразовательной школы либо «держится в уме», либо затрагивается преимущественно в плане иллюстративном, то есть к ней обращаются в поисках примеров передовых (зачастую воспринимаемых как «экзотические») практик имплементации различных идей и моделей (но чаще всего – отдельных компонентов) образовательных экосистем. К середине 2020-х годов в исследовательском дискурсе не представлены результаты сколько-нибудь системных исследований, собственно педагогических и / или междисциплинарных, которые были бы связаны с анализом, теоретико-методологическим обоснованием, моделированием и последовательной имплементацией практик комплексного развития школьной образовательной среды в экосистемном ключе.

Между тем, анализ теоретических исследований и практик развития образовательной среды в разных странах мира [см., например: 4; 5] указывает на то, что для раскрытия потенциалов личности в целях устойчивого развития общества наиболее продуктивным является совершенствование образовательной среды общего среднего образования в направлениях конвергентности, иммерсивности, экологичности. Взаимосвязанная реализация указанных направлений ориентирована – в качестве процессуальной цели-результата – на формирование и устойчивое развитие образовательной среды-экосистемы инновационного типа. Одной из наиболее перспективных реализаций такой среды

нам представляется образовательная среда-экосистема конвергентного типа – динамичная сложно структурированная система, которая образуется совокупностью условий, материальных и нематериальных (информационных, знаково-символических) компонентов, социальных отношений, и нацелена на личностное (само)развитие всех субъектов образовательного процесса как стратегическую цель непрерывного образования опережающего типа. Инновационность и универсальный (образовательно-воспитывающе-развивающий) потенциал ее обеспечиваются и раскрываются с помощью педагогически обоснованного междисциплинарного опыта использования возможностей иммерсивных технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ), синтез которых формирует принципиально новый тип обучающего хронотопа – интеллектуальную обучающую среду-экосистему конвергентного типа (ИОСЭК).

Тенденции развития, а также очерченная выше стратегическая цель развития образовательных сред для системы общего среднего образования определяет главные векторы (своего рода «оси») предлагаемого научного поиска, как теоретического, так и практико-ориентированного².

Основная часть

Создание концептуально-методологической системы координат, необходимой для осмысления проблематики устойчивого развития образовательных систем разного уровня и масштаба, связано, в числе прочего, с необходимостью разработки своего рода *педагогической феноменологии образовательной среды-экосистемы*.

В настоящее время к экосистемному подходу обращаются преимущественно для описания трансформационных процессов в экономике, бизнесе. Несмотря на растущий в последние десятилетия интерес к средовой проблематике, экосистемный подход в образовании, по мнению экспертов, всё еще «находится на стадии становления» [2], именно поэтому до сих пор не достигнут консенсус даже по поводу терминосистемы (например, относительно того, что такое «образовательная экосистема», каковы ее структурообразующие параметры и т. п.). Главную причину размытости понятия «экосистема» специалисты связывают с «многоплановостью содержательных аспектов», поэтому «несмотря на постоянное упоминание термина, дать четкое определение образовательным

² В ряде случаев провести водораздел между фундаментальными и прикладными исследованиями можно довольно условно: с одной стороны, современные фундаментальные психолого-педагогические исследования изначально ориентируются на практическую значимость; с другой стороны, нацеленное на релевантный результат прикладное исследование начинается с осмысления и определения концептуально-методологической системы координат (то есть с установления теоретических оснований практико-ориентированного поиска).

экосистемам не представляется возможным» [1, с. 181]. В результате анализа образовательных практик усилиями международных команд исследователей выделяются наиболее частотно упоминаемые респондентами параметры-дистинкторы, отличающие «экосистемные» явления от «неэкосистемных». Например, «в сфере образования “движение к экосистеме” позволяет перейти от иерархических систем, основанных на принуждении и насилии, к сетевым моделям совместного добровольного обучения и развития. <...> При всем многообразии сетевых моделей их дистинктивными признаками являются взаимодействие различных заинтересованных сторон и новые способы организации обучения. ...нелинейные, неиерархические системы (и зарождающиеся в них модели взаимодействия) еще практически не изучены и требуют глубокого научного исследования, а новые способы организации обучения, отражая актуальные прагматические задачи, часто не имеют концептуальных методологических оснований для их применения» [1, с. 182-183]. Чаще других к характерологическим параметрам образовательных экосистем практики относят «многосторонность, сотворчество и целенаправленность», при этом в наиболее общем виде образовательные экосистемы определяются как динамичные, постоянно эволюционирующие «сети взаимосвязанных и разнотипных субъектов, участвующих в процессе обучения / воспитания / развития в течение всей жизни», они «объединяют учащихся и сообщества, стремясь к раскрытию их индивидуального и коллективного потенциала» [2].

Осознавая особый статус системы общего среднего образования как компонента национальной системы образования, образовательная среда которого по определению обладает специфической институциональностью и, безусловно, отличается по ряду важнейших параметров от того, что понимается в современном междисциплинарном дискурсе под образовательной экосистемой, мы полагаем чрезвычайно перспективным исследование педагогической феноменологии образовательной среды школы на междисциплинарной основе, включая осмысление возможностей экосистемного подхода для ее устойчивого развития, формирование конвенционального тезауруса, описание базовых параметров, создание теоретических моделей и др.; всё это до сих пор остается вне поля системных научных исследований.

Современная педагогическая наука стратегически нацелена на использование междисциплинарного опыта экологичного отношения к личности как главной ценности настоящего и будущего мира, особенно в ситуации так называемого

VUCA³-мира, который сам по себе представляет непредсказуемую, быстро меняющуюся среду. Анализ опыта исследований образовательной среды позволяет говорить о неразработанности проблематики, связанной с созданием *междисциплинарных основ комплексного и согласованного развития образовательных сред в направлениях экологичности, конвергентности, иммерсивности* (включая оптику развития личностных потенциалов обучающихся). Очевидно, что результативность такого рода исследований обеспечивается мультидисциплинарной компетентностью исследовательской команды, то есть качество научного результата напрямую зависит от того, будут ли вовлечены в исследование, наряду с представителями психолого-педагогического дискурса, философы и социологи, специалисты в сфере теории систем, эксперты в области разработки и использования современных информационных технологий, ИИ и др.

Особый интерес в связи с тенденциями и перспективами развития высокоинновационных (в том числе насыщенных иммерсивными технологиями и ИИ) образовательных сред представляет *разработка проблем иммерсивной педагогики*. Тема иммерсивности в образовании обсуждается в педагогическом дискурсе не первое десятилетие. Если первоначально речь шла об обучающем потенциале собственно педагогических методик погружения в учебный материал, то с начала 2000-х годов обращение к понятиям «иммерсивный подход», «иммерсивное обучение», «иммерсивная среда», в первую очередь, отсылает к проблематике цифровизации образования, сопряженной с глубинными (парадигмальными) трансформациями образовательных хронотопа и событийности [см., например: 6; 7]. По мере усиления интереса к указанной проблематике со всё большей очевидностью обнаруживается, что педагогика не успевает за практикой информатизации, то есть стремительность насыщения рынка образовательных услуг разного рода высокотехнологичными разработками (программами, оборудованием, инструментами, технологиями) [8; 9] явно опережает исследования, которые нацелены на системное осмысление их педагогической целесообразности, дидактического, воспитательного развивающего потенциала, а также рисков и угроз, которые они могут содержать и т. п. Например, в диссертационных исследованиях последних лет, по мнению специалистов, недостаточно представлена даже тематика интерактивного обучения [10, с. 12], которое давно и широко используется в школьной

³ Этот активно используемый в самых разных дискурсах акроним объединяет характеристики изменчивости (англ. *volatility*), неопределенности (англ. *uncertainty*), сложности (англ. *complexity*) и неоднозначности (англ. *ambiguity*).

образовательной практике. Иммерсивное образование как совокупность образовательных практик высокоинновационного типа оформляется в заметное явление, но вот система научного осмысления этого нового сегмента образовательной реальности, которая бы описывала ее как целенаправленно организуемый целостный педагогический процесс, его «сущность, закономерности, тенденции и перспективы... как фактора и средства развития человека на протяжении всей его жизни» [11, с. 13], до сих пор воспринимается скорее, как перспектива, нежели как неотложная задача. Но в ситуации экстенсивного насыщения образовательной среды высокими инновациями проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, связанных с разработкой проблематики иммерсивной педагогики (включая таксономию, содержание, формы, методы, технологии обучения, воспитания и развития личности, стратегии и формы деятельности и взаимодействия субъектов образовательного процесса в высокоинновационных средах-экосистемах и др.), – это уже вопрос не столько выбора, сколько устойчивости развития образования в целом.

Поскольку именно школа становится своего рода стартовым хронотопом для формирования талантливых личностей, способных объединяться для достижения общих целей, проблематика, связанная с *аксиологией и воспитательным потенциалом образовательных сред*, представляется не менее важной, чем аспекты собственно дидактические. Сам феномен образовательной среды-экосистемы по определению предполагает аксиологизацию всех ее составляющих, то есть насыщение ценностно-символической значимостью не только пространственно-предметного, содержательного, учебно-методического или информационного компонентов, но и любой коммуникации, любых устремлений по самореализации и саморазвитию. Иначе говоря, устойчивое развитие среды-экосистемы по определению предполагает аксиологическую эстетизацию всех компонентов образовательной системы, в единстве условий, процесса и результатов.

В контексте осмысления воспитательного потенциала сред-экосистем особую значимость представляет, на наш взгляд, осмысление человека как уникальной системы: «Мир как пространство неопределенностей перестает быть для человека системой. Системой становится сам человек, так как мир для него представляет собой множество источников информации и вариантов выбора решений, влияющих на жизненный сценарий и определяющих личностные измерения и изменения» [1, с. 183]. В этой оптике новые измерения обнаруживаются в экосистемном подходе к пониманию образовательной среды, в стремлении согласовать, сгармонизировать развитие образовательной среды и личности обучающегося, который «сам является системой... развитие которой определяется

самодетерминацией и выбором при многообразии источников, факторов, пространств реализации», при этом «результатом обучения становятся реализация природного потенциала и будущие жизненные (в том числе адаптационные к изменениям) возможности» [1, с. 184].

Инновационность в образовании неизбежно фокусируется на развитии творческого (созидательного) потенциала личности. С этим связан растущий интерес к персонализации общего среднего образования. Спектр перспективных исследований нового качества индивидуализации школьного образования в контексте инноватизации образовательных сред чрезвычайно широк, включает наряду с проблемами иммерсивной дидактики вопросы эффективности технико-технологического обеспечения (возможности разного рода моделей, инструментов, платформ-«интеграторов»), специфику конструирования личных образовательных траекторий, проблемы управления персонализированными образовательными-средами и др. Вместе с тем, осмысление баланса индивидуального и общезначимого, то есть целей и приоритетов личности и развития социума сегодня становится своего рода метакритерием эффективности любых инноваций. Многие исследователи указывают на то, что «жизнь инноваций» – это результат коллективных усилий, сотрудничества в самом широком смысле, поскольку «инновации сейчас редко являются продуктом самостоятельной работы отдельных людей, но, скорее, результатом того, как мы мобилизуем знания, делимся знаниями и интегрируем их», а «благополучие общества во все большей степени зависит от способности людей к коллективным действиям» [12, с. 36]. Всё это подводит к необходимости осмысления феномена «нового коллективизма». Необходимость «поддерживать как индивидуальные, так и коллективные образовательные процессы» обуславливает востребованность в системе общего среднего образования образовательных сред, которые создавали бы условия для развития «значимых коллективных целей, идентичности и деятельности, способствующих сотрудничеству, сотворчеству и совместному обучению», поощряли бы «эволюцию коллективности» [3, с. 47-48] при сохранении неизменной персонцентрированности как самой среды, так и ее событийности, процессов и т. п. Таким образом, актуальным направлением исследований, на наш взгляд, становятся процессы, закономерности, методы, технологии, инструменты формирования в среде-экосистеме упомянутого «нового коллективизма» во взаимосвязи с проблематикой развития комплекса потенциалов личности, а также ее саморазвития. Причем саморазвитие личности в условиях среды-экосистемы приобретает значимость одного из ключевых факторов достижения стратегических целей образования опережающего типа.

В научно-исследовательском дискурсе всё больший интерес вызывает феномен так называемого *самоуправляемого учащегося* (англ. *self-guided learner*,

«учащийся, самостоятельно направляющий / наставляющий себя»), который был бы способен «ставить цели своего обучения, определять темп и другие параметры процесса обучения, использовать и создавать необходимые образовательные ресурсы, а также погружаться в различные образовательные опыты (включая опыты, результат которых не всегда можно предсказать)» [3, с. 43]. В определенном смысле, сущность персонализации современного образования определяется именно такими – самоуправляемыми – обучающимися, поскольку на основе их запросов рынок образовательных услуг откликается предложениями новых инструментов, технологий, сервисов и др. По оценкам экспертов, «увеличение процента самоуправляемых учащихся до уровня “критической массы” (согласно недавним исследованиям, около 10%) – это основная предпосылка для начала “революции в образовании”» [3, с. 44], поэтому уже сейчас важно сфокусировать внимание на совершенствовании существующих и проектировании новых образовательных сред, чьи возможности максимально работали бы на формирование соответствующих мотивации, готовности, но, прежде всего, – компетенций.

В разных сферах общественно-экономической жизни фиксируется рост спроса на новые индивидуальные и коллективные метакомпетенции, так называемые *компетенции будущего*⁴. В так называемом сложном обществе содержание и структура упомянутых компетенций постоянно усложняется. Но даже если судить по предлагаемым сегодня перечням, куда в обязательном порядке включаются компетенции сотрудничества, креативности, компетенции, связанные с укреплением личной «устойчивости», со способностью справляться с растущей сложностью цивилизации, с целенаправленной мультидисциплинарностью и др., становится очевидно, что на уровне общего среднего образования наиболее эффективные условия для их формирования смогла бы обеспечить образовательная среда-экосистема конвергентного типа. Потенциал такой среды для развития метакомпетенций до сих пор не исследован. Существование огромного количества персонализированных образовательных технологий⁵ не только не решает, но, в определенном смысле, только усугубляет проблему их низкой эффективности. Показательно, что «в числе основных причин низкого влияния образовательных технологий на изменение доминирующей образовательной парадигмы», в числе прочего, называется «отсутствие

⁴ Перечни навыков будущего могут различаться у разных исследователей, но чаще всего в них включаются социальные, эмоциональные, экологические интеллекты, медиаграмотность, мышление, основанное на креативности и поиске возможностей, метапознание (обучение тому, как учиться), компетенции сотрудничества и т. п.

⁵ Например, в хорошо известных «Appstore и Playmarket доступны всевозможные обучающие мобильные приложения, однако они сильно фрагментированы с точки зрения компетенций и знаний, а также плохо интегрированы между собой» [3, с. 78].

интегрированных платформ, которые могли бы собрать различные образовательные модули и решения в персональную образовательную траекторию на уровне образовательных программ, сопоставимых по качеству с традиционными образовательными учреждениями» [3, с. 40]. То есть формирование компетенций будущего средствами среды-экосистемы предполагает как выстраивание адекватной концептуально-методологической системы координат, так и разработку инфраструктуры и комплексного обеспечения персонцентричного образования – прежде всего, разработку инфраструктуры иммерсивности (платформ, ресурсов разного типа) и собственно услуг по ее сопровождению, то есть создание системы методического и технического консалтинга. Таким образом даже, на первый взгляд, сугубо педагогические исследования (например, посвященные проблемам воспитания и развития личности средствами высокоинновационной среды) оказываются в неизбежно втянуты в силовое поле междисциплинарного научно-практического поиска.

Переход от традиционной среды обучения к обучающей образовательной среде-экосистеме, реализующей идеи персонифицированного, адаптированного образования, очевидным образом актуализирует проблему переосмысления целей и функций субъектов, акторов этой среды. На наш взгляд, к перспективным векторам исследования относится изучение субъектности среды-экосистемы: обучающийся как обладатель комплекса потенциалов личности; расширение субъектного состава образовательной среды за счет партнеров по сетевому взаимодействию, инновационному партнерству; обучающие среды как новые субъекты образовательных отношений и др. В отдельную исследовательскую номинацию, на наш взгляд, уже сейчас выделяется осмысление роли и функций педагога, который неизменно остается одним из ключевых субъектов образовательного процесса. К настоящему же времени самой практикой востребованы исследования, которые будут сфокусированы на формировании и развитии профессиональной компетентности и личностной готовности педагога для работы в образовательной среде-экосистеме, включая разработку соответствующих технологий, методик, инструментов, обеспечения для непрерывного (само)образования. Оставаясь центральным актором обучения, педагог обнаруживает новые возможности, потенциал и как участник особого обучающего сообщества, которое в условиях среды-экосистемы существенно расширяется, в том числе благодаря потенциалу технологий искусственного интеллекта. Так, например, по оценкам экспертов, уже в течение ближайшего десятилетия будет массово доступной технология «персональных

автоматизированных наставников»⁶. Однако доступность, по понятным причинам, не гарантирует образовательной эффективности. В связи с этим большой практический интерес представляет исследовательская проблема эффективного использования виртуальных тьюторов, потенциала обучающих сред в контексте оптимизации и усиления деятельности самого педагога. Решение этой проблемы нам видится успешным в том случае, если над ним будет работать междисциплинарная исследовательская команда, которая сможет предложить комплекс моделей, сценариев, методических и технико-технологических руководств, системы консалтинга и поддержки педагогов (в том числе в рамках инновационного партнерства) и др.

Современное образование как пространство высокой инновационной активности наряду с растущими возможностями и перспективами приобретает свойство рискогенности, это своего рода сопутствующий эффект [см., например: 13; 14]. Материальные опасности и потенциальные угрозы, которые может представлять окружающая среда для человека, в настоящее время исследуются ноксологией как дисциплиной естественно-научного дискурса; даже если предпринимаются выходы в междисциплинарность, всё равно акцент делается на естественно-научную составляющую. Анализ современного образования в аспекте угроз и рисков позволяет определить проблемы педагогической ноксологии как особый, расширяющийся, сегмент междисциплинарного исследовательского дискурса. Особый интерес представляют, на наш взгляд, *социокультурное и психолого-педагогическое измерения ноксологических проблем, связанных с инноватизацией образовательной среды*, включая:

- компаративный ноксологический анализ исследований и практик развития школьных образовательных сред в разных странах;
- теоретико-методологическое осмысление общих векторов научного поиска в сфере педагогической ноксологии (предупреждение, минимизация, устранение последствий реализовавшихся рисков и угроз);
- феномен псевдоинновационности как риска для устойчивого развития образовательных сред; сущность, факторы, классификации, модели формирования и развития рискологической⁷ – и шире – ноксологической компетентности участников образовательного процесса;
- сущность и механизмы обеспечения безопасности образовательной среды (в комплексе составляющих информационной, психологической, здоровьесберегающей и др.) в условиях ее интенсивной инноватизации;

⁶ «...мобильные устройства со встроенной персонализированной функциональностью искусственного интеллекта... смогут играть роль персональных тьюторов либо, как минимум, трекеров продвижения в персональном учебном процессе» [3, с. 78].

⁷ Рискологическая компетентность включает, в числе прочего, умения «анализировать и прогнозировать риски образовательной среды, планировать комплексные мероприятия по их предупреждению и преодолению» [15, с. 45].

– диагностический инструментарий, методические рекомендации по предупреждению и минимизации рисков и угроз, связанных с интенсивной инноватизацией школьной образовательной среды.

Направление, связанное с оценкой *качества функционирования и развития образовательной среды инновационного типа*, представляет собой, по сути, целый конгломерат исследовательских проблем, которые взаимоувязаны друг с другом «сложносочиненным» образом. Так, отдельного внимания требует не только построение системы оценки качества среды-экосистемы общеобразовательной школы образования, но и модельных реализаций образовательных сред-экосистем разных уровней. Это предполагает разработку соответствующих теоретических основ, комплексного научно-методического обеспечения, включая: теоретические и структурно-функциональные модели, инструментарий (критерии, показатели, индикаторы эффективности), методы, технологии анализа оценки эффективности среды, методики, алгоритмы, процедуры проведения мониторингов состояния среды, рекомендации по анализу, интерпретации и использованию результатов этих мониторингов и т. п. С учетом специфики самого феномена современной образовательной среды как социотехнобиотического феномена, большой исследовательский интерес представляет экспертиза среды-экосистемы в междисциплинарном разрезе. Существенную практическую значимость, на наш взгляд, представляют разработка модели и механизма функционирования открытого экспертного сообщества, ориентированного на многостороннюю оценку эффективности высокотехнологичных обучающих сред.

Эффективность системы оценки качества среды-экосистемы непосредственным образом связана с эффективностью ее совершенствования через сложную взаимосвязь механизмов управления и саморазвития. Современный менеджмент образования рассматривает управление средой, прежде всего, как управление ее качеством. В свою очередь, трансформации в системе *управления качеством современной образовательной среды* напрямую связываются экспертами с ростом влияния экосистемного подхода, который рассматривается как один из факторов настоящей управленческой революции (в том числе в образовании) [2]. По мере развития образовательных экосистем, например, «расширяется структура взаимодействия участников экосистемы в направлении роста уровней взаимодействия и кооперации» [16, с. 314], резко расширяется (диверсифицируется) ассортимент форматов, измерений, типов образовательной коммуникации. Нацеленность на радикальные инновации в обязательном школьном образовании обуславливает «сочетания множества участников, стратегий и платформ», в результате чего возникают инновационные экосистемы, которые «содержат традиционных и новых поставщиков образовательных услуг, формальные и неформальные возможности обучения,

вовлечение бизнеса, разработчиков и поставщиков технологий для образования, а также высшего образования и поддерживаются цифровыми технологиями» [17, р. 1]. То есть движение к среде-экосистеме неизбежно означает формирование новой управленческой парадигмы. Речь идет о последовательной переориентации управления средами на опережающий тип менеджмента, на гибкое сочетание методов институционального и мотивационного управления, механизмов распределенного управления, совместного использования ресурсов. Ключевое значение имеет реальная диверсификация моделей управления образовательными экосистемами, концептуальная трансформация системы кадрового менеджмента, связанная с переосмыслением ролей, существующих в нынешней образовательной среде, и «созданием новых при работе вне организационных и отраслевых границ» [17, р. 79]. Среде-экосистеме требуются не только поставщики образовательных опытов, но и различные интеграторы («соединители»), которые создают траектории движения учащихся через систему, помогают учитывать и фиксировать их достижения, находят и соединяют общедоступные ресурсы и т. д. [2, с. 52]. Кроме того, в плане исследований трансформации традиционных сред обучения в образовательные среды-экосистемы пристального внимания, на наш взгляд, заслуживает практически не исследованная до сих пор проблематика «экосистемного лидерства» как условия фактора перехода к новой модели образования; идеи и практики реализации сетевого взаимодействия, социокультурного партнерства, инновационного партнерства.

Выводы

Таким образом, для осмысления перспектив и определения эффективных мер по совершенствованию школьной образовательной среды ключевое значение, на наш взгляд, имеют следующие направления научных исследований:

- педагогическая феноменология образовательной среды-экосистемы, обращенная к осмыслению и описанию ее сути, концептуально-методологических основ проектирования, практик имплементации и др.;
- осмысление конвергентности, иммерсивности и экологичности как базовых свойств образовательной среды инновационного типа;
- проблематика иммерсивной педагогики применительно к образовательным средам инновационного типа;
- феноменология субъектности образовательной среды инновационного типа в междисциплинарной оптике;
- аксиология образовательной среды-экосистемы; изучение воспитательного потенциала обучающих сред-экосистем как в аспекте

личностного развития, так и в плане формирования коллективных компетенций инновационного типа;

- проблемы экспертизы и оценки качества образовательных сред инновационного типа;
- управление качеством школьной образовательной среды, поиск новых эффективных форматов образовательного менеджмента;
- ноксологические проблемы развития образовательных сред инновационного типа.

Список использованных источников

1. Уткин, А. В. Экосистемный подход в образовании: от метафоры к методологии и практике / А. В. Уткин, К. В. Шевченко // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 2 (107). – С. 175–189.

2. Лукша, П. Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования / П. Лукша, Д. Спенсер-Кейс, Д. Кубиста [Электронный ресурс]: Global Education Futures. – Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/researches/obrazovatelnye-ekosistemy-voznikayushaya-prak-tika-dlya-budushego-ob-razovaniya/>. – Дата доступа: 15.05.2024.

3. Лукша, П. Образование для сложного общества. Доклад Global Education Futures. 2018. 212 с. / П. Лукша, Дж. Кубиста, А. Ласло, М. Попович, И. Ниненко [Электронный ресурс]: Global Education Futures. – Режим доступа: https://globaledufutures.org/educationecosystems_ru – Дата доступа: 11.05.2024.

4. Шевлякова-Борзенко, И. Л. От «ламповой» школы к «цифровой»: опыт совершенствования образовательной среды в разных странах мира / И. Л. Шевлякова-Борзенко // Веснік адукацыі. – 2022. – № 3. – С. 7–18.

5. Шевлякова-Борзенко, И. Л. От «ламповой» школы к «цифровой»: опыт совершенствования образовательной среды в разных странах мира / И. Л. Шевлякова-Борзенко // Веснік адукацыі. – 2022. – № 4. – С. 9–15.

6. Сергеев С. Ф. Эргономика иммерсивных сред: методология, теория, практика: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03: защищена 7.04.10: утв. 28.01.11 / С. Ф. Сергеев. – СПб., 2010. – 42 с.

7. Хороших, П. П. Иммерсивные образовательные среды: психофизиологический аспект / П. П. Хороших, А. А. Сергиевич, Т. А. Баталова // Психология и психотехника. – 2021. – № 1 [Electronic resource]. – Access mode: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34819. – Access date: 09.05.2024.

8. Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development; the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. – France, Paris, UNESCO, 2019. – 48 p.

9. Beijing consensus on artificial intelligence and education. Outcome document of the International Conference on Artificial Intelligence and Education ‘Planning education in the AI era: Lead the leap’; 16–18 May 2019, Beijing, People’s Republic of China. – UNESCO, 2019. – 70 p.

10. Перечень актуальных тематик диссертационных исследований в области наук об образовании; Российская академия образования, Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки России. – М., 2023. – 116 с.

11. Григорович, Л. А. Педагогика и психология: Учеб. пособие / Л. А. Григорович, Т. Д. Марцинковская. – М.: Гардарики, 2003. – 480 с.

12. Шляйхер, А. Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века / А. Шляйхер; [пер. с англ. И. С. Денисенко, И. Ю. Облачко]; предисловие С. С. Кравцова. – М.: Издательство «Национальное образование», 2019. – 336 с.

13. Астафьева, Е. Н. Трактовка отечественными исследователями рисков в современной инновационной образовательной деятельности / Е. Н. Астафьева, А. А. Лубский // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2020. – № 2. – С. 6–16.

14. Kayumova, L. Educational Environment Risks: Problems of Identification and Classification / L. Kayumova, V. Zakirova // International Journal of Environmental & Science Education. – 2016. – 11 (6). – 1013-1019 pp.

15. Савенкова, Е. В. Формирование рискологической компетенции при реализации магистерских программ в педагогическом вузе / Е. В. Савенкова // Образовательные технологии. – 2016. – № 1. – С. 43–56.

16. Прохорова, М. П. Экосистемный подход в образовании: характеристики и возможности / М. П. Прохорова, А. М. Петровский // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-4. – С. 313–315.

17 Hannon, V. Local Learning Ecosystems: Emerging Models / V. Hannon, L. Thomas, S. Ward, T. Beresford. – World innovation summit for education, Innovation Unit. – RR.1.2019. – 100 p.

References

1. Utkin, A. V. Ekosistemnyi podkhod v obrazovanii: ot metafory k metodologii i praktike / A. V. Utkin, K. V. Shevchenko // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 2 (107). – S. 175–189.

2. Luksha, P. Obrazovatel'nye ekosistemy: vznikayushchaya praktika dlya budushchego obrazovaniya / P. Luksha, D. Spenser-Keis, D. Kubista [Elektronnyi resurs]: Global Education Futures. – Rezhim dostupa: <https://www.skolkovo.ru/researches/obrazovatelnye-ekosistemy-voznikayushaya-praktika-dlya-budushchego-obrazovaniya/>. – Data dostupa: 15.05.2024.

3. Luksha, P. *Obrazovanie dlya slozhnogo obshchestva. Doklad Global Education Futures*. 2018. 212 s. / P. Luksha, Dzh. Kubista, A. Laslo, M. Popovich, I. Ninenko [Elektronnyi resurs]: Global Education Futures. – Rezhim dostupa: https://globaledufutures.org/educationecosystems_ru – Data dostupa: 11.05.2024.
4. Shevlyakova-Borzenko, I. L. Ot «lampovoi» shkoly k «tsifrovoy»: opyt sovershenstvovaniya obrazovatel'noi sredy v raznykh stranakh mira / I. L. Shevlyakova-Borzenko // *Vesnik adukatsyi*. – 2022. – № 3. – S. 7–18.
5. Shevlyakova-Borzenko, I. L. Ot «lampovoi» shkoly k «tsifrovoy»: opyt sovershenstvovaniya obrazovatel'noi sredy v raznykh stranakh mira / I. L. Shevlyakova-Borzenko // *Vesnik adukatsyi*. – 2022. – № 4. – S. 9–15.
6. Sergeev, S. F. *Ergonomika immersivnykh sred: metodologiya, teoriya, praktika: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk: 19.00.03: zashchishchena 7.04.10: utv. 28.01.11* / S. F. Sergeev. – SPb., 2010. – 42 s.
7. Khoroshikh, P. P. Immersivnye obrazovatel'nye sredy: psikhofiziologicheskii aspekt / P. P. Khoroshikh, A. A. Sergievich, T. A. Batalova // *Psikhologiya i psikhotekhnika*. – 2021. – № 1 [Electronic resource]. – Access mode: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34819. – Access date: 09.05.2024.
8. *Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development; the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*. – France, Paris, UNESCO, 2019. – 48 p.
9. *Beijing consensus on artificial intelligence and education. Outcome document of the International Conference on Artificial Intelligence and Education ‘Planning education in the AI era: Lead the leap’; 16–18 May 2019, Beijing, People’s Republic of China*. – UNESCO, 2019. – 70 p.
10. *Perechen' aktual'nykh tematik dissertatsionnykh issledovaniy v oblasti nauk ob obrazovanii; Rossiiskaya akademiya obrazovaniya, Vysshaya attestatsionnaya komissiya pri Minobrnauki Rosii*. – M., 2023. – 116 s.
11. Grigorovich, L. A. *Pedagogika i psikhologiya: Ucheb. posobie* / L. A. Grigorovich, T. D. Martsinkovskaya. – M.: Gardariki, 2003. – 480 s.
12. Shlyaikher, A. *Obrazovanie mirovogo urovnya. Kak vystroit' shkol'nuyu sistemu XXI veka* / A. Shlyaikher; [per. s angl. I. S. Denisenko, I. Yu. Oblachko]; predislovie S. S. Kravtsova. – M.: Izdatel'stvo «Natsional'noe obrazovanie», 2019. – 336 s.
13. Astaf'eva, E. N. *Traktovka otechestvennymi issledovatelyami riskov v sovremennoi innovatsionnoi obrazovatel'noi deyatel'nosti* / E. N. Astaf'eva, A. A. Lubskii // *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*. – 2020. – № 2. – S. 6–16.

14. Kayumova, L. Educational Environment Risks: Problems of Identification and Classification / L. Kayumova, V. Zakirova // International Journal of Environmental & Science Education. – 2016. – 11 (6). – 1013-1019 pp.

15. Savenkova, E. V. Formirovanie riskologicheskoi kompetentsii pri realizatsii masterskikh programm v pedagogicheskoy vuzakh / E. V. Savenkova // Obrazovatel'nye tekhnologii. – 2016. – № 1. – S. 43–56.

16. Prokhorova, M. P. Ekosistemnyi podkhod v obrazovanii: kharakteristiki i vozmozhnosti / M. P. Prokhorova, A. M. Petrovskii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 77-4. – S. 313–315.

17. Hannon, V. Local Learning Ecosystems: Emerging Models / V. Hannon, L. Thomas, S. Ward, T. Beresford. – World innovation summit for education, Innovation Unit. – RR.1.2019. – 100 p.

UDC 37.014:37.014.6

Maria Gorbunova,
PhD, Associate Professor;
Academy of Education
(Belarus)
nova_2007@mail.ru

FORMATION OF A SYSTEM OF INDEPENDENT ASSESSMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The system of independent assessment of the quality of education (IAQE) is designed to carry out an externally qualified assessment of the quality of education, identify problems arising in the field of education to make effective management decisions and improve national educational policy. The experience of establishing IAQE in the Republic of Belarus is presented through the main directions of studying the quality of preschool and general secondary education (psychological aspects of education and upbringing, the study of personal development, the quality of the educational process, the study of the level of educational achievements, etc.), the results of the country's first national study of functional literacy of students. The following are identified as ways to improve IAQE: improvement of the technical, technological, and personnel base for conducting assessment; improvement of the content of assessment procedures; improvement of the system for analyzing the results of assessment and taking measures to develop the quality of education.

Keywords: quality of education; independent assessment of the quality of education; the education system in the Republic of Belarus; national study of the quality of education; functional literacy.

Мария Горбунова,
кандидат педагогических наук, доцент;
Академия образования
(Беларусь)
nova_2007@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Система независимой оценки качества образования призвана осуществлять внешнюю квалифицированную оценку качества образования, выявлять возникающие в сфере образования проблемы с целью принятия эффективных управленческих решений, совершенствования национальной образовательной политики. Опыт становления независимой оценки качества образования в Республике Беларусь представлен через основные направления изучения качества дошкольного и общего среднего образования (психологические аспекты обучения и

воспитания, изучение личностного развития, качество организации образовательного процесса, изучение уровня образовательных достижений и др.), итоги первого в стране национального исследования функциональной грамотности учащихся. В качестве путей совершенствования независимой оценки качества образования обозначены: совершенствование технической, технологической и кадровой базы для проведения оценивания; совершенствование содержания оценочных процедур; совершенствование системы анализа результатов оценивания и принятия мер по развитию качества образования.

Ключевые слова: качество образования; независимая оценка качества образования; система образования в Республике Беларусь; национальное исследование качества образования; функциональная грамотность.

Качество окружающей среды, питания, условий труда, медицинских услуг, образования – все эти параметры определяют качество жизни человека в любой стране. Проблема определения качества образования предполагает фокусировку внимания на интересующих заказчика, потребителя образовательных услуг вопросах. Поскольку система образования решает множество задач и имеет многокомпонентную структуру, вопросы качества могут быть поставлены в отношении любого элемента системы: инфраструктуры, школьных зданий / помещений, администрации, профессиональной подготовки педагогов, школьных учебников, процесса преподавания, учебных достижений. Поддерживать качество на должном уровне и его повышать позволяет квалифицированная оценка (внутренняя и внешняя).

Независимая оценка качества образования (НОКО) призвана осуществлять внешнюю квалифицированную оценку качества образования; она служит основанием для вынесения суждения об эффективности работы конкретного учреждения образования, адекватности функционирования системы образования в целом либо ее части.

Формирование системы НОКО открывает возможности для:

- получения объективной информации о состоянии системы образования и отдельных ее элементов;
- выявления актуальных и потенциальных угроз, проблем, слабых мест в системе образования;
- определения сильных сторон с целью опоры на них, популяризации и распространения положительного опыта;
- повышения стрессоустойчивости системы образования, готовности к непредвиденным обстоятельствам, вызовам времени.

Цель данной статьи заключается в представлении опыта становления формирования НОКО в Республике Беларусь.

Анализ социокультурной и образовательной ситуации в стране выявил ряд противоречий между:

– потребностью белорусского общества, заинтересованных сторон (педагогических работников, обучающихся, их законных представителей, работодателей) в объективной информации о качестве образования и недостаточной сформированностью системы профессиональных услуг, обеспечивающей сбор, обработку и предоставление такой информации потребителю;

– возросшими к системе образования требованиями оперативно реагировать на происходящие в различных сферах жизни изменения и отсутствием мобильного инструмента диагностики возникающих в образовании проблем (рисков, угроз) для совершенствования его качества;

– между официальным принятием гуманистической парадигмы и абсолютизацией на государственном уровне количественных показателей оценки.

Необходимостью разрешения указанных противоречий обусловлено создание научно обоснованной системы независимого внешнего оценивания, позволяющей выявлять возникающие проблемы с целью принятия эффективных управленческих решений. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в Республике Беларусь имеется достаточно богатая практика проведения мониторинговых исследований качества образования. Данную работу проводит центр оценки качества образования Академии образования. Подобная практика позволяет осуществлять внешнюю по отношению к учреждениям образования оценку качества подготовки обучающихся, условий осуществления образовательной деятельности и иных аспектов, связанных с образованием. По результатам мониторинга традиционно готовятся рекомендации для учителей-предметников, классных руководителей, специалистов социально-педагогической и психологической службы, представителей администрации учреждений образования.

Одним из основных направлений изучения качества общего среднего образования являются психологические аспекты обучения и воспитания; предметом исследования выступают учебная мотивация, интеллектуальные умения, утомляемость и работоспособность, иные параметры. В рамках республиканского мониторинга изучается личностное развитие учащихся: в фокусе внимания исследователей оказываются вопросы жизненного самоопределения и социализации учащихся, вопросы развития эмоционального интеллекта, факторы, которые могут оказывать влияние на формирование суицидального поведения, информационная культура и др. Мониторинг качества организации образовательного процесса предусматривает изучение вопросов организации факультативных занятий, шестого школьного дня в учреждении образования, проявления участниками образовательного процесса (педагогическими работниками, родителями, учащимися) инклюзивной культуры.

Традиционным направлением мониторинговых исследований является изучение уровня образовательных достижений учащихся посредством проведения республиканских контрольных работ; учебные предметы и классы, участвующие в мониторинге, каждый год варьируются. Организуется изучение профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников учреждений дошкольного и общего среднего образования, в ходе чего анализируются факторы, обуславливающие формирование педагогических компетенций, выявляются трудности, с которыми наиболее часто сталкиваются педагоги в профессиональной деятельности. Полученные результаты используются в процессе разработки и внедрения образовательных программ повышения квалификации, корпоративного образования и самообразования. Предметом исследования выступает и изучение образовательных запросов общественных организаций. К примеру, в 2024/2025 учебном году планируется изучение запросов общественных объединений по проблемам качества образования детей с расстройством аутистического спектра. Таким образом, направления республиканских исследований не ограничиваются оценкой образовательных достижений. В поле зрения специалистов находятся психологические аспекты обучения и воспитания, вопросы личностного развития белорусских учащихся, качество организации образовательного процесса.

Внешнеполитическая ситуация в мире послужила стимулом для разработки в стране отечественной модели оценки качества общего среднего образования. В 2023 году в Республике Беларусь впервые было проведено национальное исследование качества образования (НИКО), основными участниками которого стали учащиеся 10-х классов и первокурсники колледжей из всех регионов страны. Разработку крупномасштабного исследования обусловили следующие факторы [1, с. 367]:

- глобальные политические и экономические вызовы;
- высокий темп научно-технического прогресса, стимулирующий перманентные изменения на рынке труда, реорганизацию всех сфер человеческой жизнедеятельности;
- международные требования к качеству образования, предусматривающие развитие у учащихся функциональной грамотности;
- потребность в совершенствовании отечественной системы общего среднего образования, преобразовании накопленного опыта в области оценки качества образования в формат общенационального исследования.

Главная задача проведения НИКО – определение уровня функциональной (читательской, математической, естественнонаучной и финансовой) грамотности у белорусских учащихся [1, с. 370]. В исследовании ставились и иные задачи, которые были связаны с изучением социокультурных факторов (они решались

через анкетирование участников НИКО: самих учащихся, их родителей, педагогических работников), выявлением соответствия образовательной практики запросам учащихся и их родителей; проверкой эффективности принимаемых на уровне страны (региона, учреждения образования) управленческих решений; информированием общественности о качестве подготовки подрастающего поколения к полноценному участию в жизни общества, эффективному решению жизненных задач.

Национальное исследование позволило осуществить внешнюю (по отношению к учреждениям образования и регионам) квалифицированную оценку уровня функциональной грамотности учащихся. Молодым людям предлагались не вполне привычные по форме и содержанию задания, то есть задания, жестко не соответствующие программным требованиям по учебным предметам. Что касается изучения финансовой грамотности, ввиду отсутствия специального учебного предмета участникам НИКО для выполнения заданий нужно было аккумулировать имеющийся жизненный опыт.

Исследование проходило в компьютерном формате, для чего была разработана специальная автоматизированная система. Часть диагностических заданий проверялись автоматически, часть направлялись для проверки независимым экспертам.

Важно отметить, что мероприятие в организационном и методическом плане было системно обеспечено. Первыми шагами в подготовке стали разработка концепции национального исследования качества образования [1] и утверждение инструкции о проведении данного мероприятия [2].

Отдельными этапами подготовки НИКО-2023 стали обучение специалистов разработке заданий нового («функционального») типа и собственно процедура создания диагностического инструментария с национальным контентом.

В преддверии исследования были проведены серии организационно-методических совещаний для специалистов органов управления образованием и администрации учреждений образования (в том числе с использованием возможностей трансляции совещаний на *YouTube*-канале), организована специальная подготовка педагогических работников (через открытие рубрики НИКО на национальном образовательном портале *adu.by*, проведение серии онлайн-семинаров); в научно-методических журналах опубликованы статьи о новом исследовании. В целях информирования общественности о НИКО был подготовлен и размещен в соцсетях соответствующий проморолик.

По поручению Министерства образования Республики Беларусь (как результат исследования) был подготовлен ряд материалов, среди которых:

– аналитический отчет «О результатах национального исследования качества образования (НИКО), проведенного в Республике Беларусь в 2023 году»;

– рукопись научно-популярного издания «Альманах национального исследования качества образования»;

– проект Дорожной карты по формированию функциональной грамотности учащихся учреждений образования Республики Беларусь на 2024–2026 годы.

Важнейшим структурным элементом аналитического отчета является раздел, описывающий направления совершенствования качества образования в Республике Беларусь по итогам исследования. К примеру, специалистам, отвечающим за качество образования на региональном уровне, рекомендовано уделить повышенное внимание таким вопросам, как:

– *принятие стратегических управленческих решений по повышению качества образования*, что предполагает:

- разработку программ развития системы образования в регионе на ближайшие 3-5 лет с учетом идей формирования функциональной грамотности;

- адресную поддержку учреждений образования с низкими образовательными результатами (кадровую, материально-техническую);

- изучение лучших педагогических практик по формированию функциональной грамотности и создание условий для их внедрения;

- оказание помощи в организации взаимодействия учреждения образования с социальными партнерами, в качестве которых могут выступать библиотеки, промышленные предприятия, учреждения здравоохранения, спорта, культуры и т. д.;

– *создание современной образовательной среды*, что означает:

- содействие более эффективной организации образовательного пространства в учреждениях образования (в том числе использование гибких схем рассадки в учебных помещениях);

- содействие интеграции системы дополнительного образования детей и молодежи и общего среднего образования;

– *оказание помощи в профессиональном развитии и саморазвитии педагогов*, что предполагает:

- организацию работы менторской сети – системы образовательных организаций, готовых делиться передовым педагогическим опытом и оказывать профессиональную помощь педагогам;

- обеспечение возможностей для организации рефлексивных тренингов педагогических работников;

- содействие распространению практики тим-тинга в учреждениях образования (проведение уроков двумя и более педагогами-предметниками), способствующей интенсивному обмену опытом.

Таким образом, опыт НИКО-2023 внес весомый вклад в развитие системы внешнего оценивания, анализа результатов и разработки рекомендаций для разных групп специалистов, отвечающих за качество общего среднего образования.

В качестве *стратегических направлений совершенствования НОКО* в Республике Беларусь видятся следующие [3].

1. *Совершенствование технической, технологической и кадровой базы для проведения НОКО с учетом цифровизации образовательных систем и инструментов оценки*, означающее:

- техническое оснащение системы НОКО, а именно: создание многофункциональной электронной образовательной платформы, цифровизацию оценочных процедур, использование возможностей искусственного интеллекта, создание единого информационно-вычислительного центра, аккумулирующего в стране все данные мониторинговых исследований в области качества образования;

- разработку цифровых технологий, обеспечивающих помимо изучения образовательных достижений учащихся изучение вопросов, касающихся разнообразных личностных параметров, результатов проведения в учреждениях образования воспитательной работы;

- создание национального экспертного сообщества, формирование института независимых экспертов, владеющих информационными / цифровыми компетенциями.

2. *Совершенствование содержания оценочных процедур НОКО*, что предусматривает:

- расширение содержания оценивания в соответствии с актуальными образовательными тенденциями, социокультурными, экономическими и политическими реалиями;

- разработку отечественного инструментария НОКО (с учетом максимально эффективного и системного использования результатов, полученных в рамках уже реализованных в стране проектов);

- расширение опыта участия страны в международных исследованиях качества образования, осмысление полученных результатов, освоение инструментария; изучение актуальных в мире направлений оценки качества образования.

3. *Совершенствование системы анализа результатов НОКО и принятия на этой основе мер по развитию качества образования*, что требует:

- организации и проведения комплексного содержательного анализа с выявлением дефицитов в образовании по итогам НОКО;

- разработки рекомендаций (по совершенствованию качества образования для субъектов образовательных отношений, от действий которых объективно зависит результат; по распределению ресурсов и оказанию адресной поддержки учреждениям образования, учащимся, педагогам);

- отслеживания динамики изменения качества образования и контроля эффективности принятых мер при проведении циклических исследований.

Механизмами реализации указанных направлений выступают действия, обеспечивающие:

- соответствие НОКО запросам белорусского общества, его истории, национальным традициям;

- соответствие НОКО правовым нормам, принятым в государстве;

- создание современного научно-методического обеспечения, соответствующего уровню развития педагогической науки и практики;

- оценку имеющихся ресурсов для развития НОКО, принятие управленческих решений и контроль их выполнения;

- формирование кадрового потенциала, подготовку специалистов определенной квалификации;

- координацию действий внутри системы образования и с социальными партнерами, принимающими общие цели и задачи НОКО;

- взаимодействие и взаимообогащение субъектов образовательных отношений, привлечение к вопросам развития образования представителей широкой общественности;

- соблюдение ключевых требований к оценочным процедурам, обработке и предоставлению данных;

- совершенствование оценочных процедур НОКО с экономических позиций.

Выводы

Спектр традиционных республиканских исследований качества образования достаточно широк и не ограничивается оценкой образовательных достижений. В поле зрения специалистов оказываются психологические аспекты обучения и воспитания, вопросы личностного развития учащихся, качество организации образовательного процесса. Через проведение республиканских мониторингов учреждения образования получают внешнюю (независимую) оценку качества образования. На основе анализа, обобщения и систематизации полученных данных осуществляется коррекция и регулирование образовательного процесса.

Первое национальное исследование качества образования (НИКО-2023) демонстрирует страновые возможности развития НОКО. Страной приобретен ценный опыт организации и проведения исследования качества образования общенационального уровня (от разработки концепции исследования, обучения

разработчиков созданию уникального инструментария, подготовки автоматизированной платформы до оформления по итогам исследования аналитических и научно-популярных материалов). Квалифицированная диагностика образовательных реалий дает возможность выявлять возникающие в системе образования угрозы и риски, анализировать их причины с целью оптимизации управления образованием, модернизации национальной образовательной политики.

Пути совершенствования НОКО в Республике Беларусь имеют три основных направления: 1) совершенствование технической, технологической и кадровой базы для проведения НОКО; 2) совершенствование содержания оценочных процедур НОКО; 3) совершенствование системы анализа результатов НОКО и принятия мер по развитию качества образования. Реализация указанных направлений затрагивает сферы нормативного правового обеспечения, организации и управления, кадровой политики, межведомственного и внутриведомственного взаимодействия, финансово-экономического и материально-технического обеспечения.

Список использованных источников

1. Горбунова, М. Б. Концепция национального исследования качества образования (НИКО) / М. Б. Горбунова, В. И. Короткевич // Развитие системы оценки качества образования в Республике Беларусь. Общее среднее образование / М. Б. Горбунова [и др.]; под научн. ред. В. Ф. Русецкого: монография. – Минск: Национальный институт образования, 2022. – С. 367–386.

2. Об утверждении Инструкции о порядке проведения мероприятия «Национальное исследование качества образования»: Постановление Министерства образования Республики Беларусь 2 мая 2023 г. № 146 [Электронный ресурс] // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2023/05/post-MO-RB-146-2023.pdf>. – Дата доступа: 07.08.2024.

3. Горбунова, М. Б. Совершенствование независимой оценки качества общего среднего образования в целях раскрытия потенциалов личности для устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь / М. Б. Горбунова // Теоретико-методологические основания развития дошкольного, общего среднего и специального образования в Республике Беларусь. В 2 ч. Ч. 1 / Н. П. Баранова [и др.]; под научн. ред. В. Ф. Русецкого: монография. – Минск: Национальный институт образования, 2023. – С. 406–439.

References

1. Gorbunova, M. B. Kontsepsiya natsional'nogo issledovaniya kachestva obrazovaniya (NIKO) / M. B. Gorbunova, V. I. Korotkevich // Razvitie sistemy otsenki kachestva obrazovaniya v Respublike Belarus'. Obshchee srednee obrazovanie / M. B. Gorbunova [i dr.]; pod nauchn. red. V. F. Rusetskogo: monografiya. – Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniya, 2022. – S. 367–386.
2. Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke provedeniya meropriyatiya «Natsional'noe issledovanie kachestva obrazovaniya»: Postanovlenie Ministerstva obrazovaniya Respubliki Belarus' 2 maya 2023 g. № 146 [Elektronnyi resurs] // Natsional'nyi obrazovatel'nyi portal. – Rezhim dostupa: <https://adu.by/images/2023/05/post-MO-RB-146-2023.pdf>. – Data dostupa: 07.08.2024.
3. Gorbunova, M. B. Sovershenstvovanie nezavisimoi otsenki kachestva obshchego srednego obrazovaniya v tselyakh raskrytiya potentsialov lichnosti dlya ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' / M. B. Gorbunova // Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya razvitiya doshkol'nogo, obshchego srednego i spetsial'nogo obrazovaniya v Respublike Belarus'. V 2 ch. Ch. 1 / N. P. Baranova [i dr.]; pod nauchn. red. V. F. Rusetskogo: monografiya. – Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniya, 2023. – S. 406–439.

UDC 37:004:303.732.4(476)

Olga Zinovich,
lecturer,
Polessky State University;
PhD student,
National Institute for Higher Education
(Belarus)
zinovich.o@polessu.by

THE SOCIAL DANGER OF DEVIANT EDUCATIONAL BEHAVIOR OF STUDENTS IN THE MODERN UNIVERSITY ENVIRONMENT

The article considers the issues of studying deviant educational behavior of students in institutions of higher professional education. The author actualizes the social dimension of the reproduced and disseminated behavioral strategy, manifested in negative examples of hints, cheating, falsifications, and plagiarism. The article makes several fundamental generalizations that are important for determining promising areas and tasks of scientific research.

Keywords: information educational environment; standard; anomaly; cross-cultural anomie; social atomization.

Ольга Зинович,
преподаватель,
Полесский государственный университет;
аспирант,
Республиканский институт высшей школы
(Беларусь)
zinovich.o@polessu.by

СОЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕВИАНТНОГО УЧЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассмотрены вопросы изучения девиантного учебного поведения студентов в учреждениях высшего профессионального образования. Автор актуализирует социальное измерение воспроизводимой и распространяемой поведенческой стратегии, проявляющейся в негативных примерах подсказок, списывания, фальсификаций и плагиата. В статье сделан ряд

принципиальных обобщений, важных для определения перспективных направлений и задач научного поиска.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда; норма; аномалия; кросс-культурная аномия; социальная атомизация.

Изменения, связанные с интенсификацией процесса развития системы высшего образования Республики Беларусь, актуализировали потребность в адаптации к новым условиям информационно-образовательной среды. Следует отметить, что представления о прежней академической среде в значительной степени сужают ресурсы и потенциальные возможности субъектов адаптации. Динамичность и постоянство процесса развития информационно-образовательной среды способствовали возникновению, становлению, массовизации цифровых образовательных платформ, общедоступности системы онлайн курсов, развитию дистанционного обучения. Несмотря на широту открывшихся возможностей обостряется проблема нарушения стандартов университетской культуры, норм и требований академической этики, проявляющаяся в списывании, использовании шпаргалок и подсказок, компиляции, некорректном цитировании и присвоении результатов умственного труда. Значительная часть студенчества не может органично «встроиться» в нетипичные социальные и академические условия, характеризующиеся более высокой степенью самостоятельности и ответственности. Соответствующим педагогическим проблемам посвящены работы Г. Е. Зборовского, В. Л. Лозицкого, Е. И. Медведской, А. В. Никитова, О. А. Орчакова, В. Н. Пунчик, И. Б. Стрелковой, Ю. В. Чезовича [1-5; 8].

Появление форм дистанционного и гибридного обучения изменило алгоритм и качество взаимодействия университетских общностей, а также способствовало созданию среды, открывшей, наряду с благоприятными перспективами, и альтернативные возможности, связанные с интенсификацией проявлений девиантного учебного поведения. На современном этапе информационно-образовательная среда предоставляет доступ к необходимой информации и является обязательным компонентом инфраструктуры управления, представляя собой совокупность интеллектуальных сервисов, без которых невозможно обеспечить качественное обучение в учреждении высшего образования.

Существенным изменениям подверглись системы контроля и обратной связи участников образовательного процесса в учреждениях высшего образования. Интеграция балльно-рейтинговой системы оценивания учебных достижений студентов при сохранении основных итоговых контрольных мероприятий повысили значимость результатов учебной деятельности. Следует отметить, что система высшего образования, ориентирована, прежде всего, на профилактику и устранение как самих проявлений девиантного учебного поведения, так и их

негативного влияния. Очевидна зависимость учреждений высшего образования от изменчивости политических, экономических, социальных и культурных реалий, а также уязвимость университетской информационно-образовательной среды.

Студент, оказавшийся в новых для него условиях информационно-образовательной среды учреждения высшего образования, стремится адаптироваться к современным социальным и академическим реалиям. «В своем сущностном дуализме при реализации социальной функции учебная деятельность студента, с одной стороны, является условием и средством психического становления личности, обеспечивая ей усвоение знаний и тем самым развитие специфических способностей. С другой стороны, она выступает одним из основных средств интеграции студента учреждения высшего образования в систему общественных отношений. Сформированность навыков учебной деятельности студентов — важное условие, обеспечивающее эффективность современного высшего образования» [2, с. 57]. Однако в ситуации низкого социального контроля, постоянства состава студенческих групп и закреплённости дисциплин за преподавателями современные студенты, владеющие информационно-коммуникационными технологиями на достаточно высоком уровне, пренебрегают этическими нормами, следуя стратегии, требующей минимальных затрат времени и ресурсов для достижения поставленных целей.

«В большинстве своем преподаватели рассматривают «мошенничество» студентов как нечто, присущее студенческой природе и относятся к нему достаточно терпимо» [6, с. 3]. Увеличение нагрузки на преподавателя обусловлено, в числе прочего, появлением новых обязанностей — проверкой письменных работ на оригинальность, что, в свою очередь, способствует сокращению объема индивидуальной работы со студентами. «По мнению некоторых исследователей, распространению плагиата способствует падение уровня корпоративной культуры в сфере высшего образования, где доминируют меркантильные отношения «продавец — клиент», где дипломы — это то, что покупается или добывается всеми доступными средствами, и отнюдь не только демонстрацией приобретаемых в вузе знаний и навыков» [7, с. 185]. Во многом очевидна предопределенность глубинных причин кризиса высшего образования деформацией сознания и поведения университетских общностей, слабостью социального контроля аномальных процессов и явлений, превратившихся в «болезни» высшей школы.

Развитие глобального информационного общества сопровождается определенными рисками, среди которых основное место для системы высшего образования занимают проблемы кросс-культурной аномии, социальной атомизации и апатии. Упомянутые риски проявляются во взаимопроникновении и размывании представлений об общественно приемлемых и порицаемых способах

педагогического взаимодействия и обучения, создавая ложную картину образовательного процесса, что представляет собой опасность для студентов, поскольку приводит к чувству отчуждения, невозможности самостоятельно освоить учебный материал, ощущению бессмысленности и бесполезности получения высшего образования. Следовательно, у обучающихся ухудшается психическое состояние, академическая успеваемость, они страдают от дистресса и депрессии.

В процессе кросс-культурной аномии искажаются социальные и духовно-нравственные отношения, что приводит к созданию нового образа человека. Личность характеризуется десолидарностью, дезадаптивностью и ослаблением социального контроля, что свидетельствует о зарождении новой ценностно-нормативной общественной системы, участники которой обладают изменившимися ценностными ориентациями и установками. Молодежь переживает фрустрацию статуса: заимствует ценности господствующей культуры, но искажает их целесообразно нормам субкультуры, к которой они относятся.

Социальная атомизация проявляется в распаде социальных связей, отчуждении человека от социальной активности, потере культурных контактов, росте конкурентности в обществе, формировании массового общества и усилении дифференциации. Исчезновение общеустановленного эталона способствует деформации процесса социализации и социального контроля. Человек, лишенный ориентира для дифференцирования нормы, аномалии и девиации, следуя целерациональной линии поведения и стремясь к максимизации комфорта, будет склонен к девиантному учебному поведению. Подобное поведение, выражающееся в списывании, использовании подсказок и шпаргалок, компиляции, некорректном цитировании, влияет на адаптацию студентов к информационно-образовательной среде, академические результаты и их дальнейшее профессиональное становление.

С позиций педагогической науки норма и аномалия являются основными категориями девиантного учебного поведения. Мы также рассматриваем аномалию как «нарушение содержательного, структурного и функционального характера, вызванное рассогласованием действий и взаимодействий в вузах с фундаментальными нормами, регулирующими отношения в высшей школе. В результате основные процессы в ней становятся дисфункциональными и хаотичными, их смыслы искажаются, разрушаются базовые принципы совместной деятельности ключевых субъектов высшего образования» [1, с. 498]. Аномалии, ставшие характеристикой институциональных, структурных процессов и взаимодействий в высшем образовании, проникли на уровень управленческих практик, получили свое воплощение в учебных стратегиях

студенчества. В пространстве научной и обыденной рефлексии аномалии признаются негативными, деструктивными явлениями и превращаются из отдельного, единичного случая в социальную проблему, вызывающую общественное беспокойство в связи с возрастающими масштабами и остротой.

Списывание, использование шпаргалок и подсказок, компиляции, некорректное цитирование и присвоение результатов умственного труда, – всё это оказывает отрицательное влияние на конкурентоспособность будущих молодых специалистов в государственном масштабе и международном контексте, снижает качество получаемого образования. Перечисленные аномалии, являясь серьезным вызовом функционированию и развитию высшего образования Республики Беларусь, не принимаются во внимание на институциональном и системном уровнях, следовательно, не разрабатываются действенные механизмы их профилактики и коррекции. Наблюдается расхождение между негативными явлениями, имеющими место в учреждениях высшего образования, и миссией, общественными ожиданиями, принципами и стандартами университетской культуры, нормами и требованиями академической этики. Некоторые типы аномалий, такие как присвоение результатов умственного труда, переходят из академической среды в профессиональную, что свидетельствует о развитии начальной профессиональной деформации молодого специалиста. Разработка положений, направленных на профилактику и коррекцию проявлений девиантного учебного поведения в учреждениях высшего образования, будут способствовать сокращению масштабов рассматриваемой проблемы.

Социальная опасность девиантного учебного поведения видится в масштабировании, распространении и эволюционировании, казалось бы, безобидных подсказок в квалифицируемые как преступные деяния фальсификацию и плагиат. Повторяемые в различных формах и поведенческих моделях у новых поколений студентов, но уже с применением высокотехнологичных инструментов, они способствуют не только размыванию в социуме морально-этических норм, но и становятся благоприятной средой для правонарушений. Острота и комплексность проблемы предупреждения девиантного учебного поведения в условиях современной информационно-образовательной среды, а также недостаточность системных теоретико-методологических разработок, учитывающих специфику как процесса, так и условий цифровизации образовательной сферы (особенно в условиях обеспечения непрерывного образования), определяют целесообразность и перспективы научного поиска. Вместе с тем, по мнению Е. В. Сивак, разрозненные шаги «вне комплекса долгосрочных мер в сегодняшней ситуации вряд ли способны на что-то сильно повлиять» [6, с. 4].

Анализ проблем девиантного учебного поведения студентов в информационно-коммуникационном пространстве современного университета позволяет сделать ряд обобщений, важных для определения перспективных направлений научного поиска. Принципиальное значение, в частности, приобретает выявление:

- феноменологических характеристик исследуемого явления,
- системных факторов, детерминирующих формирование и развитие девиантного учебного поведения студентов,
- условий минимизации, преодоления и предупреждения девиантного учебного поведения в информационно-образовательной среде современного вуза.

В связи с этим мы считаем методологически целесообразным выстраивание модели предупреждения девиантного учебного поведения на основе учета специфики организационно-педагогических условий образовательного взаимодействия в современном информационно-коммуникационном пространстве. В рамках компетентностного подхода решение проблемы должно опираться на анализ процессуально-деятельностной сущности формирования и развития одного из базовых оснований информационной культуры личности – информационных компетенций студентов учреждений высшего образования как субъектов образовательной деятельности.

Список использованных источников

1. Зборовский, Г. Е. Типологии аномалий в высшем образовании / Г. Е. Зборовский // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 497–511.
2. Лозицкий, В. Л. Некорректное учебное поведение студентов учреждений высшего образования и его психолого-педагогическая детерминация / В. Л. Лозицкий // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Респ. ин-т высш. школы; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2015. – Вып. 15 – Ч. 2. – С. 303–307.
3. Медведская, Е. И. Списывание: борьба или поиск альтернативы / Е. И. Медведская // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 5. – С. 83–86.
4. Никитов, А. В. Плагиат в работах студентов и аспирантов: проблема и методы противодействия / А. В. Никитов, О. А. Орчаков, Ю. В. Чехович // Университетское управление: практика и анализ. Науки об образовании. – 2012. – № 5. – С. 61–68.
5. Пунчик, В. Н. Плагиат как феномен информационного общества / В. Н. Пунчик // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 8. – С. 55–62.

6. Сивак, Е. В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания) / Е. В. Сивак. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 44 с.

7. Roberts, T. Student Plagiarism in an Online World: Problems and Solutions / T. Roberts. – New York; Hershey: Information Science Reference. 2008. – 321 p.

8. Стрелкова, И. Б. Управление персональными информационными потоками в условиях цифровой образовательной среды / И. Б. Стрелкова. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 192 с.

References

1. Zborovskii, G. E. Tipologii anomalii v vysshem obrazovanii / G. E. Zborovskii // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 497–511.

2. Lozitskii, V. L. Nekorrektnoe uchebnoe povedenie studentov uchrezhdenii vysshego obrazovaniya i ego psikhologo-pedagogicheskaya determinatsiya / V. L. Lozitskii // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. st.: v 2 ch. / Resp. in-t vyssh. shkoly; pod red. V. F. Berkova. – Minsk: RIVSh, 2015. – Vyp. 15 – Ch. 2. – S. 303–307.

3. Medvedskaya, E. I. Spisyvanie: bor'ba ili poisk al'ternativy / E. I. Medvedskaya // Adukatsyya i vykhavanne. – 2013. – № 5. – С. 83–86.

4. Nikitov, A. V. Plagiat v rabotakh studentov i aspirantov: problema i metody protivodeistviya / A. V. Nikitov, O. A. Orchakov, Yu. V. Chekhovich // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. Nauki ob obrazovanii. – 2012. – № 5. – С. 61–68.

5. Punchik, V. N. Plagiat kak fenomen informatsionnogo obshchestva / V. N. Punchik // Adukatsyya i vykhavanne. – 2015. – № 8. – С. 55–62.

6. Sivak, E. V. Prestuplenie v auditorii. Determinanty nechestnogo povedeniya studentov (plagiata i spisyvaniya) / E. V. Sivak. – М.: GU VShE, 2006. – 44 s.

7. Roberts, T. Student Plagiarism in an Online World: Problems and Solutions / T. Roberts. – New York; Hershey: Information Science Reference, 2008. – 321 p.

8. Strelkova, I. B. Upravlenie personal'nymi informatsionnymi potokami v usloviyakh tsifrovoy obrazovatel'noi sredy / I. B. Strelkova. – М.: INFRA-M, 2023. – 192 s.

DIGITALIZATION OF EDUCATION ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

UDC 37:004:303.732.4(476)

Vyacheslav Lozitsky,
PhD, Associate Professor;
Polessky State University
(Belarus)
bakalaur@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF MECHANISMS FOR ENSURING CONTINUITY AT THE LEVELS OF GENERAL SECONDARY AND HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article considers the issues of practical implementation of mechanisms to ensure continuity at the levels of general secondary and higher education in the Republic of Belarus in the context of digitalization processes. The composition of the ensuring continuity toolkit has been determined, the use of which, taking into account the necessary organizational and pedagogical conditions, will allow solving urgent problems of the development of lifelong education within the framework of its digital transformation.

Keywords: digitalization of education; continuity; general secondary education; higher education; Republican information and educational environment; mechanisms of continuity in education.

Вячеслав Лозицкий,
кандидат педагогических наук, доцент;
Полесский государственный университет
(Беларусь)
bakalaur@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НА УРОВНЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы практической реализации механизмов обеспечения преемственности на уровнях общего среднего и высшего образования в Республике Беларусь в условиях процессов цифровизации. Определен состав обеспечивающего инструментария преемственности, использование которого с учетом необходимых организационно-педагогических условий позволит решать актуальные задачи развития непрерывного образования в рамках его цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация образования; преемственность; общее среднее образование; высшее образование; Республиканская информационно-образовательная среда; механизмы преемственности в образовании.

Реализация положений Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [1] и Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [2] актуализирует изучение вопросов обеспечения эффективной организации образовательной деятельности ее субъектов в условиях цифровизации. В качестве одного из направлений исследований целесообразно выделить изучение важного педагогического явления – обеспечения преемственности общего среднего и высшего образования с учетом специфики процессов цифровой трансформации и тенденций развития образовательной сферы. Анализ обоснованных в педагогической науке теоретико-методологических подходов в понимании феномена преемственности [3] и разработанность данного направления в публикациях авторов на постсоветском пространстве (работы Т. П. Афанасьевой, В. А. Богуша, М. В. Бывшеевой, Г. П. Новиковой, А. П. Сманцера, Ю. С. Тюнникова, Е. Н. Шнейдерова [4–7]) позволяют сделать вывод о направленности научного поиска в обосновании процессуальной специфики обеспечения преемственности в различных предметных областях. Вместе с тем, вне внимания авторов всё еще остается проблематика учебно-методической составляющей изучаемого явления, механизмов и инструментария реализации преемственности при учете тенденций цифровизации образовательной сферы и развития процессов технологизации образования. Конкретизации требует рассмотрение механизмов нормативно-правового, организационно-педагогического и учебно-методического обеспечения преемственности, а также и их форм, отображающих в своем развитии процессы цифровой трансформации сферы непрерывного образования. Целесообразно отметить, что в проблемном поле исследования также находятся чрезвычайно важные вопросы определения организационно-педагогических условий эффективного учебно-методического обеспечения преемственности на уровнях общего среднего и высшего образования с учетом развития информационно-образовательных сред (ИОС) учреждений образования, формирования в Беларуси Республиканской информационно-образовательной среды (РИОС).

В контексте нашего исследования определение механизмов обеспечения преемственности опирается на понимание диалектической сущности феномена преемственности, ее структуры и характеристик, проявляемых эффективным обеспечении образовательной деятельности учащихся школ и студентов учреждений высшего образования (УВО). В рамках ряда теоретико-

методологических подходов (системно-средового, процессного, деятельностного, компетентностного, личностно-ориентированного) понятие «преемственность» выступает как:

- методологическая закономерность развития одной из основ организации системы непрерывного образования;
- системный механизм обеспечения взаимосвязи накопленного в различные периоды исторического развития педагогической науки и практики опыта, традиций;
- принцип обеспечения реализации целостного педагогического процесса;
- связь качественно различного на разных стадиях обучения в его системном построении;
- процесс обеспечения внутрипредметных и междисциплинарных связей в развитии образовательной системы при ее переходе в новое качественное состояние;
- условие, определяющее динамику поступательного развития педагогического процесса во всех его составляющих и на всех этапах реализации субъект-субъектного взаимодействия участников;
- достигнутая характеристика качества обеспечения взаимосвязей различных уровней системы образования в целостной системе личностного развития обучаемых.

Важным системообразующим началом в отмеченных теоретико-методологических подходах, определяющих феноменологическую сущность преемственности, является выделение объективных характеристик – признаков, которые отображаются в тех или иных внутренних и внешних взаимосвязях рассматриваемого явления, в функциональности его механизмов и реализации существующего потенциала. К таким характеристикам нами относятся:

- системность, проявляемая в многокомпонентном составе и взаимосвязях компонентов;
- детерминирующее влияние на систему образования и социальную организацию общества;
- субъектоориентированность в направленности на этапное развитие субъектов образовательной деятельности;
- институциональная интегративность, обеспечивающая целостность педагогического процесса;
- процессуальная управляемость, достигаемая через осуществление преемственного управления в педагогическом процессе и менеджменте образования;
- проектируемость и прогнозируемость развития;
- поликомпонентность механизмов и инструментария реализации.

Отмеченная нами поликомпонентность механизмов и инструментария реализации исследуемого явления рассматривается через разнообразие применяемых средств, а также вариативность тактик и стратегий управления процессом обеспечения преемственности на уровнях общего среднего и высшего образования. Механизмы обеспечения преемственности определяются нами как процессуально реализуемые в тех или иных формах системы мер (в совокупности с избираемыми инструментальными средствами), направленные в многообразии своей организации и осуществления на достижение целей непрерывного образования. Потенциал механизмов обеспечения преемственности понимается нами как совокупность возможностей применяемых инструментальных средств в комплексном обеспечении преемственности для достижения целей непрерывного образования в условиях цифровизации. В качестве таких средств нами определяются компоненты ИОС учреждений образования и образовательного сегмента РИОС – электронные образовательные ресурсы (ЭОР). Эффективное применение данного инструментария в реализации представляемых нами механизмов обеспечения преемственности позволит осуществлять функционирование в целостной структуре системного конструкта рассматриваемого нами педагогического явления.

Содержание и многокомпонентный состав структуры подсистем преемственности детально описано в монографическом исследовании А. П. Сманцера [7]. Соглашаясь с ним в определении наиболее общей компонентной структуры преемственности [7, с. 103-104], рассмотрим составляющие механизмов ее обеспечения – сегменты (рисунок 1).

Системообразующую характеристику механизмов реализации преемственности обеспечивают элементы *нормативно-правового сегмента*, объединяющего законодательные и иные нормативно-правовые акты, которые определяют специфику образовательного процесса и содержание образования, его нормативное учебно-методическое обеспечение.

В структуре механизмов обеспечения преемственности в тесной взаимосвязи с отмеченным нами нормативно-правовым находится *учебно-методический сегмент*. Его элементное наполнение представлено учебно-методическими информационными ресурсами, дидактическими средствами, а также технологиями, методами и приемами обучения, позволяющими эффективно осуществлять образовательную деятельность и решать ее актуальные задачи с учетом специфики того или иного учебного предмета. Объединенные элементы подчинены целям образования (в том числе и обеспечению преемственности в условиях развития системы непрерывного образования). Наполнение сегмента раскрывает требования к содержанию образования (например, через формулирование и технологическую реализацию дидактических принципов в

осуществлении обучения учащихся и студентов), стимулирует развитие субъектов образовательной деятельности. Важной представляется знаниево-деятельностная составляющая сегмента в единстве содержательных линий и многокомпонентного состава учебного знания, способов деятельности и компетенций, предлагаемых для усвоения/освоения в тех или иных формах обучения. Психолого-педагогический аспект содержательного наполнения сегмента представлен совокупностью развиваемых личностных качеств субъектов образовательной деятельности (сохраняются в виде психолого-педагогических новообразований: формируемая и развиваемая мотивация к эффективной образовательной деятельности, любознательность и коллективизм, самоорганизация).

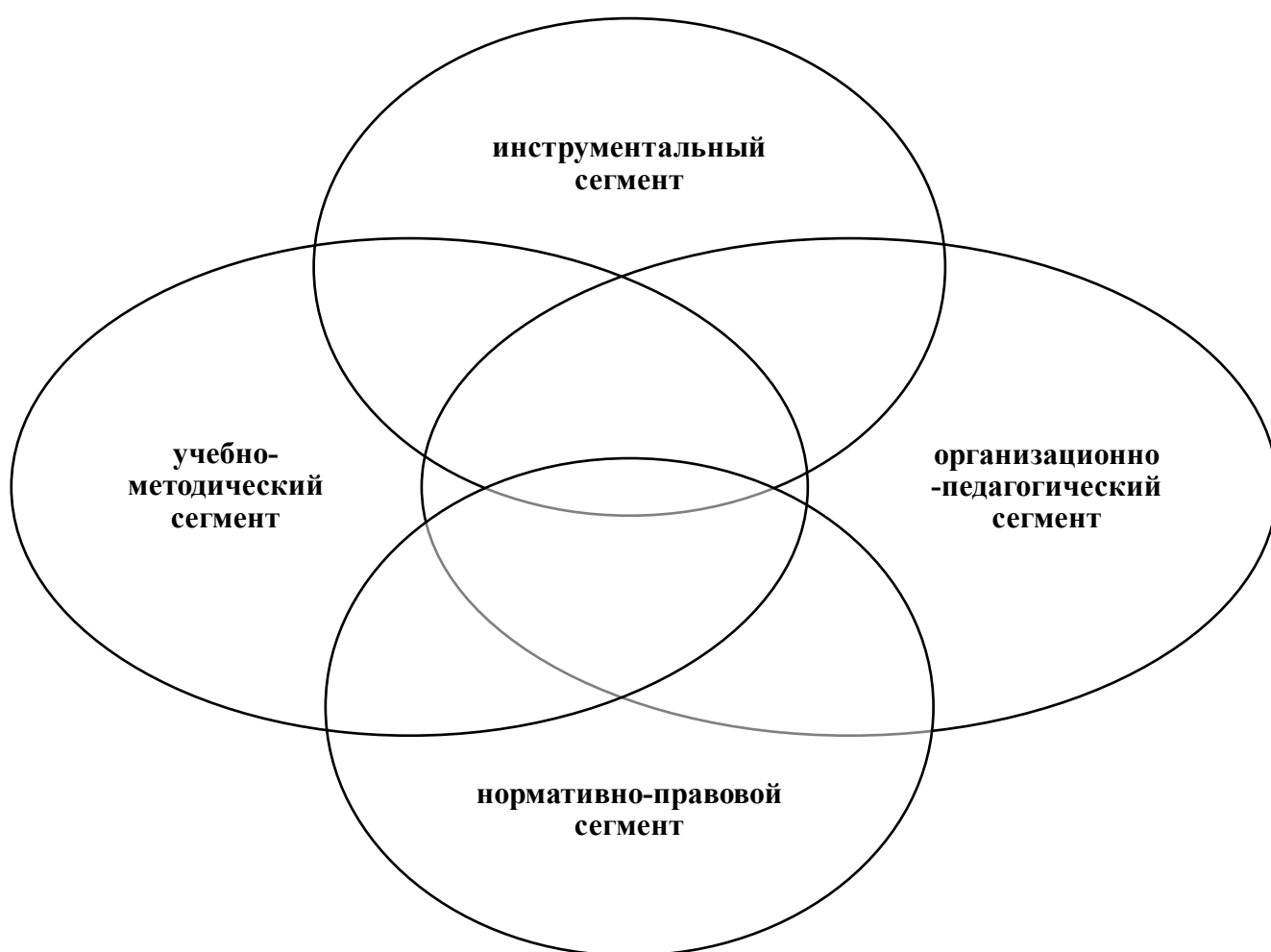

Рис. 1. Структура механизмов обеспечения преемственности

Системообразующую характеристику механизмов реализации преемственности обеспечивают элементы *нормативно-правового сегмента*, объединяющего законодательные и иные нормативно-правовые акты, которые определяют специфику образовательного процесса и содержание образования, его нормативное учебно-методическое обеспечение.

В структуре механизмов обеспечения преемственности в тесной взаимосвязи с отмеченным нами нормативно-правовым находится *учебно-методический сегмент*. Его элементное наполнение представлено учебно-методическими информационными ресурсами, дидактическими средствами, а также технологиями, методами и приемами обучения, позволяющими эффективно осуществлять образовательную деятельность и решать ее актуальные задачи с учетом специфики того или иного учебного предмета. Объединенные элементы подчинены целям образования (в том числе и обеспечению преемственности в условиях развития системы непрерывного образования). Наполнение сегмента раскрывает требования к содержанию образования (например, через формулирование и технологическую реализацию дидактических принципов в осуществлении обучения учащихся и студентов), стимулирует развитие субъектов образовательной деятельности. Важной представляется знаниево-деятельностная составляющая сегмента в единстве содержательных линий и многокомпонентного состава учебного знания, способов деятельности и компетенций, предлагаемых для усвоения / освоения в тех или иных формах обучения. Психолого-педагогический аспект содержательного наполнения сегмента представлен совокупностью развиваемых личностных качеств субъектов образовательной деятельности (сохраняются в виде психолого-педагогических новообразований: формируемая и развиваемая мотивация к эффективной образовательной деятельности, любознательность и коллективизм, самоорганизация).

Взаимодействие элементов нормативно-правового и учебно-методического сегментов структуры механизмов обеспечения преемственности отражает переход субъектов образовательной деятельности на новый уровень или ступень образования. Данный тезис важен в понимании роли этих составляющих в функционировании механизмов обеспечения преемственности в условиях цифровой трансформации образования. Так, чтобы преемственно овладевать компетенциями в области технологий дистанционного обучения, педагог или студент педагогических специальностей УВО, учащийся профильного педагогического класса должны обладать закрепленными в личном опыте и соответствующей социальной практике знаниями и умениями в части работы с компьютерными средствами и информационными источниками (в том числе и определенными навыками безопасного информационного поведения в рамках формирования и развития информационной культуры).

В составе учебно-методического сегмента структуры механизмов обеспечения преемственности целесообразно отметить и качественные приращения, обозначающие сам процесс развития не только в содержании образования, но и в организации образовательной деятельности ее субъектов (например, в условиях институционального эволюционного перехода

современных университетов к моделям 3.0 и 4.0. с учетом тенденции кластеризации образования, при совершенствовании структуры и содержания ИОС учреждений образования, повышения образовательного уровня школьников и студентов, профессионального развития педагогов). Измерение происходящих качественных изменений ИОС представляется в исследованиях Н. В. Аксенчик [8] и В. З. Сулейманова [9].

В условиях цифровой трансформации образовательной сферы важна роль *инструментального сегмента* в структуре механизмов обеспечения преемственности. Он объединяет в себе средства, с помощью которых субъекты осуществляют образовательную деятельность в ходе этапного продвижения по траектории непрерывного образования (в том числе и в условиях саморазвития, самосовершенствования). Как нами отмечалось выше, под таким инструментарием нами понимаются обеспечивающие компоненты ИОС учреждений образования и образовательного сегмента РИОС (в том числе и инструментальный мониторинг успешности процессов обеспечения преемственности).

Обобщение и систематизация опыта обеспечения преемственности уровней общего среднего и высшего образования в Республике Беларусь позволяет выделить в содержании *организационно-педагогического сегмента* в структуре механизмов реализации преемственности их формализованное наполнение. Элементный состав представлен через:

- систему применения развитого технико-технологического и дидактического потенциала и инструментария ИОС учреждений образования, а также функциональности РИОС и ее образовательного сегмента в условиях реализации мероприятий государственных программ и подпрограмм в сфере цифровизации образования (одним из условий эффективной реализации концептуальных положений программ является их ориентированность на обеспечение преемственности через использование разрабатываемого высокотехнологичного инструментария в интеграции с традиционными дидактическими средствами);

- мероприятия по интеграции в образовательный процесс учреждений образования технологий применения электронных образовательных ресурсов (ЭОР) в комплексе с традиционными средствами дидактики (например, использование в учреждениях общего среднего образования инструментария Национального образовательного портала Министерства образования Республики Беларусь и компонентов Единого информационно-образовательного ресурса (ЕИОР) с применением образовательной платформы MOODLE);

- комплекс мероприятий профессиональной ориентации и социальной адаптации, ориентирующих школьников в их профессиональном выборе, в

выстраивании образовательной траектории при подготовке к выполнению социальной роли студентов УВО, к деятельности студентов современных университетов при сформированности не только прочной мотивации к учению, но и навыков рациональной самоорганизации в самоподготовке (деятельность образовательных кластеров на основе партнерских связей университетов и учреждений общего среднего образования; развитие STEM-образования и форм его реализации; эффективное функционирование курсов довузовской подготовки; участие школьников и студентов в молодежных научных конференциях и конкурсах исследовательских работ; привлечение учащихся к проектной деятельности в рамках стартап-движения: StartAp-школы и молодежные фестивали исследовательских и инновационных проектов «Джуниорфест», «100 идей для Беларуси», «Инвест Уикенд»);

– совокупность интегрируемых на уровнях общего среднего и высшего образования технологий дистанционного и онлайн обучения (одним из оснований применения является императивность требований по недопущению любых форм девиантного учебного поведения: плагиата, гострайтинга, списывания и подсказок, фальсификаций результатов, нарушений прав интеллектуальной собственности и т. д.);

– эффективное организационное и институциональное развитие структур педагогического образования во взаимосвязи «школа – университет», а также системы педагогического менеджмента, повышения квалификации и переподготовки специалистов-педагогов в условиях непрерывного образования;

– интегрированный в системную организацию ИОС учреждений образования инструментарий мониторинга эффективности учебно-методического обеспечения преемственности;

– мероприятия по обобщению, систематизации и дальнейшему распространению опыта эффективного обеспечения преемственности как в Республике Беларусь, так и на постсоветском пространстве (обсуждение результатов исследований на тематических проблемных семинарах; опубликование результатов аналитических исследований в научных и научно-методических журналах, сборниках конференций и т. д.).

Резюмируя, отметим, что изучение проблематики обеспечения преемственности систем общего среднего и высшего образования в Республике Беларусь с учетом специфики процессов цифровизации образовательной сферы является актуальным направлением научного поиска. Четкое понимание феноменологической сущности преемственности и структуры механизмов ее обеспечения является методологическим основанием в определении перспектив междисциплинарной научной рефлексии. В качестве важного вектора научного исследования в силу его практикоориентированности целесообразно отметить осмысление специфики и

организационно-педагогических условий реализации механизмов и инструментария обеспечения преемственности.

Список использованных источников

1. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы: утв. Министром образования Респ. Беларусь 15.03.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Дата доступа: 18.06.2024.
2. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 нояб. 2021 г., № 683 [Электронный ресурс]: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683>. – Дата доступа: 18.06.2024.
3. Лозицкий, В. Л. Обеспечение преемственности общего среднего и высшего образования в условиях цифровизации образовательной сферы и ее диверсификации как научная проблема / В. Л. Лозицкий // Мультикультурные исследования. – 2023. – № 4 (17). – С. 84–95 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/30408>. – Дата доступа: 18.06.2024.
4. Афанасьева, Т. П. Преемственность образования в общеобразовательном комплексе: инновационные модели и механизмы / Т. П. Афанасьева, Г. П. Новикова, Ю. С. Тюнников. Ярославль-Москва: Канцлер, 2020. – 326 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/wvohwr>. – Дата доступа: 18.06.2024.
5. Богуш, В. А. Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы / В. А. Богуш, Е. Н. Шнейдеров // Адукацыя і выхаванне. – 2021. – № 1. – С. 14–21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://libelidoc.bsuir.by/bitstream/123456789/45897/1/Bogush_Tsifrovizatsiya.pdf. – Дата доступа: 08.05.2023.
6. Бывшеева, М. В. Теоретические аспекты преемственности в системе образования / М. В. Бывшеева // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2011. – № 22. – С. 259–263 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-preemstvennosti-v-sisteme-obrazovaniya/viewer>. – Дата доступа: 18.06.2024.
7. Сманцер, А. П. Теория и практика реализации преемственности в обучении школьников и студентов / А. П. Сманцер. – Минск: БГУ, 2013. – 270 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91361>. – Дата доступа: 18.06.2024.

8. Аксенчик, Н. В. Оценивание эффективности функционирования и развития информационно-образовательной среды учреждения высшего образования / Н. В. Аксенчик // Адукацыя і выхаванне. – № 10. – 2023. – С. 61–67 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/29944?locale=ru>. – Дата доступа: 18.06.2024.

9. Сулейманов, В. З. Организационно-педагогические условия развития информационно-образовательной среды учреждения общего среднего образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В. З. Сулейманов. – Минск, 2015. – 29 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/50503>. – Дата доступа: 18.06.2024.

References

1. Kontsepsiya tsifrovoy transformatsii protsessov v sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus' na 2019–2025 gody: utv. Ministrom obrazovaniya Resp. Belarus' 15.03.2019 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Data dostupa: 18.06.2024.

2. O Kontseptsii razvitiya sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus' do 2030 goda : postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 30 noyab. 2021 g., № 683 [Elektronnyi resurs]: Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683>. – Data dostupa: 18.06.2024.

3. Lozitskii, V. L. Obespechenie preemstvennosti obshchego srednego i vysshego obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovatel'noi sfery i ee diversifikatsii kak nauchnaya problema / V. L. Lozitskii // Mul'tikul'turnye issledovaniya. – 2023. – № 4 (17). – S. 84–95 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/30408>. – Data dostupa: 18.06.2024.

4. Afanas'eva, T. P. Preemstvennost' obrazovaniya v obshcheobrazovatel'nom komplekse: innovatsionnye modeli i mekhanizmy / T. P. Afanas'eva, G. P. Novikova, Yu. S. Tyunnikov. Yaroslavl'-Moskva: Kantsler, 2020. – 326 s. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/wvohwr>. – Data dostupa: 18.06.2024.

5. Bogush, V. A. Tsifrovizatsiya obrazovaniya: problemy, vyzovy i perspektivy / V. A. Bogush, E. N. Shneiderov // Adukatsyya i vykhavanne. – 2021. – № 1. – S. 14–21 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/45897/1/Bogush_Tsifrovizatsiya.pdf. – Data dostupa: 08.05.2023.

6. Byvsheeva, M. V. Teoreticheskie aspekty preemstvennosti v sisteme obrazovaniya / M. V. Byvsheeva // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. – 2011. – № 22. – S. 259–263 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-preemstvennosti-v-sisteme-obrazovaniya/viewer>. – Data dostupa: 18.06.2024.

7. Smantser, A. P. Teoriya i praktika realizatsii preemstvennosti v obuchenii shkol'nikov i studentov / A. P. Smantser. – Minsk: BGU, 2013. – 270 s. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91361>. – Data dostupa: 18.06.2024.

8. Aksenchik, N. V. Otsenivanie effektivnosti funktsionirovaniya i razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya / N. V. Aksenchik // Adukatsyya i vykhavanne. – № 10. – 2023. – S. 61–67 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: [https:// rep.polessu.by/handle/123456789/29944? locale=ru](https://rep.polessu.by/handle/123456789/29944?locale=ru). – Data dostupa: 18.06.2024.

9. Suleimanov, V. Z. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy uchrezhdeniya obshchego srednego obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / V. Z. Suleimanov. – Minsk, 2015. – 29 s. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/50503>. – Data dostupa: 18.06.2024.

UDC: 378.14+004.9

Anna Razhnova,
Academy of Education
(Belarus)
anna_razhnova@mail.ru

FORMATION OF FUNCTIONAL LITERACY IN THE FIELD OF WORKING WITH INFORMATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGH SCHOOL

The article deals with theoretical and practical aspects of the formation of functional literacy of students in the field of working with information in the educational process at the third stage of general secondary education. The determining factor of this work is the professional self-determination of high school students, which requires awareness of their own interests, abilities, and labor market requirements. The article analyses technological, socio-economic, and cultural megatrends affecting the labor market. These changes require the educational system to adapt to the new demands of the labor market, including updating curricula and introducing new learning technologies. As an example of an effective way to develop thinking competencies and flexible skills among high school students, a project to develop a chatbot as part of optional educational classes is proposed.

Keywords: functional literacy; professional self-determination; labor market; chatbot; design thinking; flexible skills; information culture; digital educational environment.

Анна Разнова,
Академия образования
(Беларусь)
anna_razhnova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ В ОБЛАСТИ РАБОТЫ С ИНФОРМАЦИЕЙ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования функциональной грамотности обучающихся в области работы с информацией в воспитательном процессе на III ступени общего среднего образования. Определяющим фактором данной работы является профессиональное самоопределение старшеклассников, которое требует осознания собственных интересов, способностей и требований рынка труда. В статье проанализированы технологические, социально-экономические и культурные мегатренды, влияющие на рынок труда. Эти изменения требуют от образовательной системы адаптации к новым запросам рынка труда, включая обновление учебных программ и внедрение новых технологий обучения. В качестве примера эффективного способа развития компетенций мышления и гибких навыков у

старшекласников предлагается проект по разработке чат-бота в рамках факультативных занятий воспитательной направленности.

Ключевые слова: функциональная грамотность; профессиональное самоопределение; рынок труда; чат-бот; дизайн-мышление; гибкие навыки; информационная культура; цифровая образовательная среда.

Центральным новообразованием ранней юности становится личностное самоопределение, важнейшей составляющей которого является профессиональное самоопределение. Профессиональное самоопределение предполагает осознание молодыми людьми собственных интересов, способностей, ценностей, а также понимание требований рынка труда и возможностей для профессиональной реализации и карьерного роста.

Какие мегатренды влияют на современный рынок труда и как они влияют на процесс профессионального самоопределения?

Современный рынок труда трансформируется под влиянием мегатрендов – крупномасштабных структурных изменений, затрагивающих абсолютно все области человеческой жизни, и эти изменения влияют на процесс профессионального самоопределения личности. Исследователи [4] выделяют три группы мегатрендов: технологические, социально-экономические и культурные.

К первой группе относятся процессы автоматизации и развития технологических инноваций. Они включают в себя такие направления, как дополненная реальность, робототехника, интернет вещей и другие, а также развитие больших данных и углубленной аналитики и всё, что с ними связано: облачные вычисления, платформенные решения, машинное обучение и т. д. Для рынка труда это означает автоматизацию рутинных задач, появление новых и исчезновение или усложнение части старых видов деятельности, повышение требований к квалификации работников и рост производительности.

Вторая группа мегатрендов (социально-экономические) связана с перераспределением трудовых ресурсов и включает в себя изменение демографического состава населения, смещение баланса сил в геополитике и экономике и развитие мегаполисов и агломераций. В частности, на фоне роста численности мирового населения с сегодняшних 7,6 млрд человек до 8,6 млрд к 2030 году будет меняться и его возрастной состав: к 2025 году мировое трудоспособное население будет на 26% состоять из поколения Z, на 37% из миллениалов (поколение Y), на 28% – из представителей поколения X и на 9% – из беби-бумеров. Однако динамика изменений в разных странах может быть разнонаправленной. С одной стороны, будет расти доля молодежи в структуре рабочей силы в странах с развивающейся экономикой. Для рынка труда это означает необходимость обеспечивать молодежь рабочими местами, а также

благоприятной средой для эффективной реализации ее потенциала. С другой – увеличивается продолжительность жизни и сохраняется тенденция к старению населения в развитых странах. Это приведет к тому, что существующие принципы организации систем пенсионного и социального страхования перестанут работать и их придется полностью пересматривать, чтобы обеспечить дальнейшее участие представителей старшего поколения в активной экономической жизни. Не меньшее влияние на изменение качественных характеристик рынка труда оказывают ускоряющаяся урбанизация и ожидаемое к 2030 году увеличение городского населения на миллиард человек.

Третья группа мегатрендов относится к изменению ценностей и культуры работающего населения. Рост общественного спроса на обеспечение многообразия и инклюзивности на рынке труда будет означать более активное вовлечение в экономическую деятельность женщин, представителей старшего поколения, мигрантов, инвалидов и других групп населения. В свою очередь, это предполагает повышение требований со стороны потенциальных сотрудников к корпоративной социальной ответственности работодателя и увеличение спроса на возможности мобильности. Кроме того, для молодых поколений, только выходящих на рынок труда, одними из основных ценностей являются позитивное влияние на окружающую среду, экологическая ответственность и устойчивое развитие, которые уже сейчас оказываются драйверами роста зеленой экономики.

Развитие предпринимательства и новых бизнес-моделей, дальнейшая индивидуализация потребления проявляются в распространении удаленной занятости и так называемой гиг-экономики, в которой сегодня участвует, в зависимости от конкретной страны, от 5% до 45% трудоспособного населения.

Вследствие влияния рассмотренных мегатрендов уже сегодня на рынке труда видны структурные изменения:

- исчезновение одних видов деятельности и появление других, принципиально новых профессий и задач;
- недостаток качественных рабочих мест для новых поколений и отсутствие условий для долгой производительной жизни старших поколений;
- изменение структуры ценностной модели работников в сторону устойчивого развития;
- локальные дисбалансы на рынках труда, связанные с продолжающейся урбанизацией и межрегиональной мобильностью рабочей силы;
- появление новых моделей и форматов взаимодействия работников и работодателей.

В условиях опережающего развития технологий и постоянных рыночных преобразований для роста экономики необходимо обеспечить соответствующую динамику и повышение качества человеческого капитала. В странах с высоким

показателем ВВП на душу населения и инновационной экономикой доля высококвалифицированных работников является самой высокой в мире, от 22% до 45%, при среднем показателе 15% по миру в целом. С одной стороны, эта закономерность свидетельствует о том, что без развития человеческого капитала не будут возможны ни дальнейший технический прогресс, ни решение социально-демографических проблем, ни соответствующие культурные преобразования. С другой стороны, понятно, что высококвалифицированные и мобильные кадры в экономике не появятся сами по себе. Мир в XXI веке формирует новые запросы на качество и разнообразие компетенций рабочей силы, но образовательной системе требуется время, чтобы адаптировать «исторически проверенные» образовательные методы к новым запросам рынка труда. В связи с этим, возникает необходимость в постоянном обновлении действующих учебных программ, в разработке новых учебных программ факультативных занятий воспитательной направленности, внедрении новых технологий и методик обучения и воспитания, которые будут способствовать формированию функциональной грамотности обучающихся в различных областях.

Таким образом, образовательная система должна стремиться быть более гибкой, инновационной и адаптивной, чтобы обеспечить формирование у обучающихся необходимых для личностного и профессионального самоопределения компетенций.

Какие гибкие навыки считаются наиболее ценными для работодателей?

Исследования показывают [5], что работодатели считают отдельные гибкие навыки очень важными для своих потенциальных сотрудников. Наиболее ценные из них:

- умение взаимодействовать с людьми и вести переговоры;
- гибкость ума;
- клиентоориентированность и эмоциональный интеллект;
- умение комплексно решать проблемы;
- креативность и критическое мышление.

Какие компетенции необходимы для успешной работы в условиях современной экономики и как они могут быть сформированы в процессе образования?

В совместном исследовании *WorldSkills Russia* [6] и организации *Global Education Futures* о навыках будущего фундаментальный набор компетенций для 2020-х годов также включает *критическое и творческое мышление, сотрудничество, межкультурную коммуникацию* и другие гибкие навыки. Авторы исследования считают, что каждый современный профессионал должен

освоить хотя бы этот базовый набор, чтобы преуспевать в сложной реальности 2020-х. Такое внимание экспертов к универсальным гибким навыкам не означает, что важность конкретных профессиональных знаний падает. Но в условиях повсеместной цифровизации, информационных перегрузок, перехода к новым форматам работы и взаимодействия все заметнее становятся умения, общие для разных профессий.

Важность универсальных гибких навыков для профессиональной жизни означает необходимость их формирования в процессе образования. В Республике Беларусь это учтено в государственных образовательных стандартах нового поколения: согласно им, компетенции устойчивого личностного развития, гражданственности, коммуникации, кооперации, эмоциональной регуляции, мышления включены в результаты обучения и воспитания. Чтобы требования стандартов не стали формальностью, должны быть созданы условия для их реализации: компетенции должны быть внедрены в учебные программы, разработаны инструменты их оценки, обеспечено соответствующее повышение квалификации педагогов.

Эффективным способом развития у старшеклассников компетенции мышления и гибких навыков может стать выполнение проекта в рамках модуля «ИнфоPRO» факультативных занятий по формированию функциональной грамотности обучающихся в воспитательном процессе. Проект предполагает разработку чат-бота¹, который станет частью цифровой среды учреждения образования.

Чат-боты могут быть успешно использованы в образовательной среде – например, для автоматизации процесса общения с родителями и учениками, чтобы предоставлять быстрые ответы на распространенные вопросы о расписании занятий, домашних заданиях, отправлять уведомления о родительских собраниях, спортивных мероприятиях, других важных событиях в школе. Чат-боты могут помочь учащимся в обучении, предлагая дополнительные материалы, задания, тесты и объясняя учебный материал в доступной форме. Одной из функций может быть сбор информации от родителей, учеников и учителей о качестве образования, программ обучения и удовлетворенности образовательным процессом.

Проект по созданию чат-бота, выполняемый учащимися в рамках модуля факультативных занятий «ИнфоPRO», может отражать все элементы дизайн-мышления. Как известно, дизайн-мышление представляет собой методологию решения проблем, основанную на взгляде на задачу с точки зрения дизайнера и

¹ Чат-бот – это программа, которая взаимодействует с пользователями посредством текстовых сообщений. Он может использоваться для выполнения различных задач, таких как ответы на вопросы, предоставление информации, выполнение заказов и других функций. Основное предназначение чат-бота – это автоматизация рутинных задач и обеспечение быстрого и удобного общения с пользователем.

подразумевает использование комплексного подхода, ориентированного на инновационное мышление, когда проблема рассматривается с учетом потребностей пользователя, эмоциональной составляющей, а также взаимодействия человека с изделием или сервисом. Элементы дизайн-мышления включают в себя эмпатию (способность почувствовать эмоции и потребности пользователей, ставя их в центр внимания), анализ и формулирование проблемы, генерацию идей для решения проблемы, создание прототипов или макетов для демонстрации и визуализации идей, проверку и уточнение созданных решений на основе обратной связи от пользователей (тестирование).

Проект по созданию чат-бота начинается с понимания потребностей и проблем пользователей, их интересов, что требует проявления эмпатии. Исследование целевой аудитории и ее поведения помогает создать более эффективное решение. В процессе создания чат-бота необходимо определить конкретную цель проекта (оперативное предоставление расписания занятий, информация о проводимых мероприятиях, ответы на часто задаваемые вопросы, новости учреждения образования и другие аспекты образовательного процесса) и сфокусироваться на достижении этой цели.

Дизайн-мышление подразумевает генерацию множества идей для решения проблемы. В процессе создания чат-бота учащиеся будут проводить мозговые штурмы, экспериментировать с различными подходами для достижения лучшего результата. Создание прототипа чат-бота позволит визуализировать концепцию и проверить ее работоспособность на ранних этапах разработки. Прототип помогает уточнить идеи, выявить проблемы и внести необходимые изменения до финальной реализации. Тестирование чат-бота среди реальных пользователей помогает проверить его функциональность, удобство использования и эффективность в решении задач. Обратная связь от пользователей позволяет улучшить проект и сделать его более адаптированным под их потребности.

Таким образом, проект по созданию чат-бота может успешно отражать все элементы дизайн-мышления, начиная с понимания потребностей пользователей и заканчивая тестированием и улучшением продукта на основе обратной связи.

Ниже приведен пример структуры исследовательского проекта для старшеклассников по разработке чат-бота как составной части цифровой образовательной среды учреждения образования.

I. Введение

Обоснование выбора темы исследования.

Цели и задачи исследования.

Описание значимости проекта для школьного сообщества.

II. Теоретическая часть

Обзор существующих чат-ботов и их роль в образовании.

Технологии и инструменты для разработки чат-ботов.

Основные принципы работы чат-ботов и интерфейсов на базе искусственного интеллекта.

III. Методология исследования

Описание этапов разработки чат-бота школы.

Определение критериев оценки эффективности чат-бота.

План тестирования и улучшения чат-бота.

IV. Практическая часть

Определение функциональных требований к чат-боту.

Разработка алгоритмов и логики работы чат-бота.

Создание прототипа чат-бота с использованием выбранных технологий.

V. Тестирование и оценка результатов

Проведение пользовательских тестов чат-бота.

Сравнение результатов с установленными критериями эффективности.

Анализ обратной связи и предложения по улучшению чат-бота.

VI. Заключение

Обобщение полученных результатов.

Выводы и рекомендации по дальнейшему развитию чат-бота школы.

Перспективы применения чат-бота в школьной среде.

VII. Список литературы

VIII. Приложения (код чат-бота, результаты тестирования, пользовательские опросы и т.д.).

Какие технологии и инструменты можно использовать для разработки чат-ботов и как они помогают в создании эффективных решений?

Для разработки чат-ботов существует множество технологий и инструментов, которые могут помочь в создании и улучшении функциональности чат-ботов. Некоторые из наиболее популярных технологий и инструментов:

Natural Language Processing (NLP) – технология, которая позволяет ботам понимать и обрабатывать естественный язык человека. С помощью *NLP* боты могут распознавать и анализировать текстовые запросы пользователей, делая их взаимодействие более естественным.

Dialogflow – инструмент от *Google*, который позволяет разработчикам создавать чат-боты с помощью *NLP*. *Dialogflow* позволяет определять интенции (намерения, цели) пользователей, создавать ответы на запросы и анализировать контекст диалога.

Microsoft Bot Framework – фреймворк от *Microsoft*, который предоставляет набор инструментов и библиотек для создания и развертывания чат-ботов на различных платформах, включая *Skype*, *Facebook*, *Messenger* и *Slack*.

IBM Watson – платформа от *IBM*, которая предоставляет широкий спектр сервисов для создания интеллектуальных и адаптивных чат-ботов, включая *NLP*, машинное обучение и анализ данных.

Amazon Lex – сервис облачного чат-бота от *Amazon*, который позволяет разработчикам создавать и развертывать чат-ботов на платформе *Amazon Web Services* с использованием мощных инструментов машинного обучения.

Это лишь небольшой список технологий и инструментов, которые могут быть использованы для разработки чат-ботов. Выбор конкретной технологии будет зависеть от потребностей и целей разработки, которые будут определены учащимися в процессе выполнения проекта.

Какие преимущества имеет проектная работа по созданию чат-бота для развития у старшеклассников компетенции мышления и гибких навыков?

Разработка чат-бота потребует от учащихся анализа и понимания потребностей потенциальных пользователей. Для этого им необходимо провести исследование рынка, определить целевую аудиторию и выявить основные проблемы, которые чат-бот должен решать. Этот процесс будет способствовать развитию у учащихся навыков аналитического мышления.

Для создания чат-бота необходимо работать в команде, обсуждать идеи, принимать общие решения и распределять задачи между участниками проекта, таким образом будут формироваться навыки коммуникации, сотрудничества и умения работать в команде.

При разработке чат-бота учащиеся будут сталкиваться с ситуациями, требующими быстрой адаптации к новой информации, смены стратегии работы и принятия нестандартных решений. Такие ситуации будут развивать у них гибкость мышления и способность к творческому подходу к решению проблем.

Работа над проектом по созданию чат-бота потребует от учащихся умения самостоятельно организовывать свою работу, устанавливать приоритеты, соблюдать сроки и отчитываться перед членами команды о результатах, что будет способствовать развитию у них самодисциплины, ответственности и навыков управления временем.

Таким образом, работа над созданием чат-бота может быть эффективным способом развития у старшеклассников компетенции мышления и гибких навыков.

Педагог, который отважится вести модуль «ИнфоПРО», должен быть готовым к самообразованию, освоению всё новых и новых знаний и умений. Формируя функциональную грамотность старшеклассников в области работы с информацией, педагог, обладающий свойством интеллектуальной мобильности и тягой к новым знаниям, повышает и свой уровень функциональной грамотности.

Список использованной литературы

1. Гендина, Н. И. Основы информационной культуры школьника: учебно-методический комплекс для учащихся 8–9-х классов общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 2 / Н. И. Гендина, Е. В. Косолапова; научный редактор Н. И. Гендина. – М.: РШБА, 2020. – 312 с.
2. Гендина, Н. И. Основы информационной культуры школьника: учебно-методический комплекс для учащихся 8–9-х классов общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 1 / Н. И. Гендина, Е. В. Косолапова; научный редактор Н. И. Гендина. – М.: РШБА, 2020. – 272 с.
3. Концепция формирования универсальных компетенций детей и учащейся молодежи (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homeru/news/aktualnaya-informatsiya/priglashaem-k-obsuzhdeniyu-kontseptsii-formirovaniya-universalnykh-kompetentsij-detej-i-uchashchejsya-molodezhi.html>. – Дата доступа: 22.02.2024.
4. Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosatom-academy.ru/media/poleznye-materiali/issledovanie-massovaya-unikalnost/>. – Дата доступа: 29.02.2024.
5. Навыки XXI века: упоминаются во ФГОС, но учат ли им в реальности? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skillbox.ru/media/education/navyki-xxi-veka-upominayutsya-vo-fgosakh-no-uchat-li-im-v-realnosti/>. – Дата доступа: 22.02.2024.
6. Навыки будущего для 2020-х: Новая надежда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rda.worldskills.ru/storage/app/media/Reports/2020%20Future%20Skills%202.0/Future%20Skills%20for%20the%202020s_A%20New%20Hope_RU.pdf. – Дата доступа: 26.02.2024.
7. Правильный промт для ChatGPT и других нейросетей в 2023 для тех, кто пишет: шаблон для генерации текста + все, что надо знать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.smm.school/pravilnyj-promt-dlya-chatgpt-i-drugix-nejrosetej-v-2023-dlya-tex-kto-pishet-shablon-dlya-generacii-teksta-vse-chto-nado-znat/>. – Дата доступа: 29.02.2024.
8. ТОП 15 бесплатных систем дистанционного обучения для организации электронного обучения персонала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hr-elearning.ru/top-besplatnykh-sistem-distancionnogo-obucheniya-personala/>. – Дата доступа: 01.03.2024.

References

1. Gendina, N. I. Osnovy informatsionnoi kul'tury shkol'nika: uchebno-metodicheskii kompleks dlya uchashchikhsya 8–9-kh klassov obshcheobrazovatel'nykh

organizatsii: v 2 ch. Ch. 2 / N. I. Gendina, E. V. Kosolapova; nauchnyi redaktor N. I. Gendina. – M.: RShBA, 2020. – 312 s.

2. Gendina, N. I. Osnovy informatsionnoi kul'tury shkol'nika: uchebno-metodicheskii kompleks dlya uchashchikhsya 8–9-kh klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii: v 2 ch. Ch. 1 / N. I. Gendina, E. V. Kosolapova; nauchnyi redaktor N. I. Gendina. – M.: RShBA, 2020. – 272 s.

3. Kontseptsiya formirovaniya universal'nykh kompetentsii detei i uchashcheisya molodezhi (proekt) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://adu.by/ru/homeru/news/aktualnaya-informatsiya/priglashaem-k-obsuzhdeniyu-kontseptsii-formirovaniya-universalnykh-kompetentsij-detej-i-uchashchejsya-molode-zhi.html>. – Data dostupa: 22.02.2024.

4. Massovaya unikal'nost'. Global'nyi vyzov v bor'be za talanty [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rosatom-academy.ru/media/poleznye-materiali/issledovanie-massovaya-unikalnost/>. – Data dostupa: 29.02.2024.

5. Navyki XXI veka: upominayutsya vo FGOS, no uchat li im v real'nosti? [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://skillbox.ru/media/education/navyki-xxi-veka-upominayutsya-vo-fgosakh-no-uchat-li-im-v-realnosti/>. – Data dostupa: 22.02.2024.

6. Navyki budushchego dlya 2020-kh: Novaya nadezhda [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: [https://rda.worldskills.ru/storage/app/media/Reports/2020%20Future%20Skills%202.0/Future%20Skills%20for%20the%202020s_A%20New%20H](https://rda.worldskills.ru/storage/app/media/Reports/2020%20Future%20Skills%202.0/Future%20Skills%20for%20the%202020s_A%20New%20Hope_RU.pdf)ope_RU. pdf. – Data dostupa: 26.02.2024.

7. Pravil'nyi prompt dlya ChatGPT i drugikh neirosetei v 2023 dlya tekhn, kto pishet: shablon dlya generatsii teksta + vse, chto nado znat' [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://blog.smm.school/pravilnyj-prompt-dlya-chatgpt-i-drugix-neirosetej-v-2023-dlya-tex-kto-pishet-shablon-dlya-generacii-teksta-vse-chto-nado-znat/>. – Data dostupa: 29.02.2024.

8. TOP 15 besplatnykh sistem distantsionnogo obucheniya dlya organizatsii elektronno obucheniya personala [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://hr-elearning.ru/top-besplatnykh-sistem-distancionnogo-obucheniya-personala/>. – Data dostupa: 01.03.2024.

UDC 378.4:004

Natallia Aksenchyk,
Polessky State University
(Belarus)
interdp@polessu.by

DEVELOPMENT OF THE INFORMATION-AND-EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE REGIONAL UNIVERSITY MODEL 3.0 IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

The article outlines the features of the development of the information and educational environment of regional universities of model 3.0 as an important resource component of the educational segment of the Republican information and educational environment of the Republic of Belarus. The author has identified an algorithm for developing and assessing the effectiveness of the functioning of the information and educational environment of higher education institutions based on the use of the tools proposed in the study.

Keywords: information and educational environment; regional university; digitalization; Republican information and educational environment; university model 3.0.

Наталья Аксенчик,
Полесский государственный университет
(Беларусь)
interdp@polessu.by

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА МОДЕЛИ 3.0 В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье анализируются особенности развития информационно-образовательной среды региональных университетов модели 3.0 как ресурсного компонента образовательного сегмента Республиканской информационно-образовательной среды Республики Беларусь. Автором выделен алгоритм развития и оценивания эффективности функционирования информационно-образовательной среды учреждений высшего образования на основе предложенного в исследовании инструментария.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда; региональный университет; цифровизация; Республиканская информационно-образовательная среда; университет модели 3.0.

Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь актуализирует внимание исследователей к области эффективного обеспечения развития учреждений высшего образования (УВО) качественными

инструментальными средствами с помощью специфической среды информационного взаимодействия участвующих субъектов – информационно-образовательной среды (ИОС) университета. Реализовать парадигму непрерывного обучения в информационном обществе невозможно без применения всего спектра дидактического и технико-технологического потенциала ИОС, комплексное использование которого позволяет реализовать всестороннюю подготовку специалистов определенной сферы с учетом потребностей региона. Данный аспект особенно важен в условиях перехода ряда университетов Республики Беларусь к модели «Университет 3.0». По мнению С. А. Касперовича, в перспективе национальные инновационные университеты, сформированные на основе концептуальных подходов модели «Университет 3.0», должны обеспечить высокую включенность учреждений высшего образования в экономическое и социальное развитие регионов и страны в целом, а также всестороннее развитие самого учреждения образования [1, с. 7].

Анализ научных публикаций по вопросам цифровой трансформации системы высшего образования показал эффективность развития функциональной модели информационно-образовательной среды университета, представленной в качестве организуемой системы совокупного информационного, технико-технологического и организационно-педагогического обеспечения образовательной деятельности. Нами учтены научно-методические разработки И. В. Зубрилиной, В. Л. Лозицкого, О. А. Минич, Ю. А. Переверзевой, И. Б. Стрелковой [2–6] по проблемам функциональности и содержательного наполнения структуры ИОС, а также ее компонентов.

Рассматриваемый в статье аспект связан с созданием современной региональной информационно-образовательной среды УВО как сегмента Республиканской информационно-образовательной среды. Под региональным университетом мы понимаем учреждение высшего образования, которое в специфике направленности своей деятельности в качестве базового элемента территориального развития наряду с целезадачной реализацией государственной политики в образовательной сфере направлено на эффективное развитие региона [7, с. 47].

Примером учета специфики системно-средовой организации и функционирования ИОС УВО, ориентированного на потребности региона в рамках развития модели 3.0 в обеспечении триады «образование – наука – производство», представляется деятельность учреждения образования «Полесский государственный университет» (ПолесГУ), ставшего базовой площадкой проведения нашего исследования. За последние годы развитие инфраструктуры ПолесГУ, накопление электронных образовательных ресурсов, применение образовательных платформ и программного обеспечения

сформировали информационно-образовательную среду, которая способствует достижению требуемого качества подготовки будущих специалистов, способных успешно конкурировать на рынке труда, на высоком профессиональном уровне выполнять свои производственные задачи, а также эффективно интегрироваться в социум в условиях цифровизации.

Образовательный процесс ПолесГУ как регионального университета модели 3.0 строится с учетом особенностей деятельности самого УВО, его целевой стратегической направленности, занимаемых позиций в образовательном пространстве региона. Основу структуры ИОС составляет дисциплинарное ядро, представляющее собой полный спектр дисциплин соответствующих специальностей, которые являются востребованным в Полесском регионе информационно-образовательным продуктом. Так, в соответствии с учебными планами нового поколения в качестве дисциплин по выбору с учетом регионального компонента студентам ПолесГУ были предложены следующие дисциплины: «Управление инновациями», «Предпринимательская деятельность», «Конкурентоспособность организации», «Институциональная экономика», «Прикладной маркетинг», «Бизнес-планирование», «Экономическая оценка бизнеса» и многие другие дисциплины, содержание которых направлено на развитие предпринимательских компетенций.

Сущностной основой развития регионального университета модели 3.0 является сохранение связи между рынком труда (в частности, Полесского региона) и высшей школой. Содержание образования определяется нормативной документацией, в том числе и учебными планами нового поколения, в структуру которых включены и учебные дисциплины вузовского компонента, соответствующие запросам региона. При этом в содержание учебных программ внесены дополнения, учитывающие региональную специфику изучаемых дисциплин. В определении структуры региональной ИОС нами выделяется ее целезадачная функциональность (реализуется через выполнение организационно-педагогической и дидактической роли компонентов среды), результатом которой становится обеспечение полноты образовательной и учебной, внеучебной деятельности с учетом региональной специфики (подготовка специалистов определенной сферы с учетом потребностей региона, кластерный подход, осуществление трансграничного сотрудничества, участие в экспериментальных и инновационных проектах международной и региональной направленности) [7, с. 47]. Инструментарий ИОС ПолесГУ позволяет осуществлять коммуникацию с управлением по образованию Пинского городского исполнительного комитета, Национальным банком Республики Беларусь, с учреждениями образования Брестской и других областей, организациями Полесского региона. Техно-технологический и дидактический потенциал ИОС ПолесГУ в совокупности

компонентов составляют уникальный для Республики Беларусь инновационно-промышленный кластер в области биотехнологий и «зеленой экономики» с участием субъекта инновационной инфраструктуры – научно-технологического парка «Технопарк Полесье».

С целью исследования особенностей развития ИОС региональных университетов модели 3.0 в несколько этапов был проведен анализ эффективности функционирования информационно-образовательной среды трех региональных университетов: Полесского государственного университета, Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, Барановичского государственного университета.

I этап (2019–2020 годы) – сбор, анализ и научная интерпретация практикоориентированных теоретических и эмпирических данных для разработки функциональной модели ИОС и определения уровневой характеристики среды;

II этап (2021–2023 годы) – экспериментальная проверка эффективности технологии поэтапного развития ИОС и компонентов разработанного автором комплексного ресурсного обеспечения с учетом специфики регионального университета 3.0 (на примере ПолесГУ);

III этап (2023–2024 годы) – систематизация, обобщение и анализ данных о приращении интегративного показателя качественных изменений ИОС региональных университетов.

Результаты сравнительного анализа эмпирических данных показали эффективность применения в ПолесГУ разработанного ресурсного обеспечения, что было определено на следующих уровнях:

- диагностическом (диагностические анкеты, диагностики);
- организационно-управленческом (содержание комплексной программы развития информационно-образовательной среды учреждения высшего образования);
- структурно-содержательном (комплекс положений по составлению и структурированию электронных информационно-образовательных ресурсов, разработка унифицированной виртуальной платформы по дисциплинам социально-гуманитарного цикла);
- научно-методическом (методические рекомендации по осуществлению учебной деятельности с применением ЭУМК) [8, с. 66].

На каждом этапе развития ИОС (с учетом процесса поэтапной технологизации) происходило внедрение дидактического инструментария в соответствии с появлением инновационных технологий обучения, которые являются составной частью информационно-образовательного пространства университета. Поэтому, по нашему мнению, оптимальным решением является переход от хаотичного использования широкого спектра дидактического

инструментария, включая применение информационно-коммуникативных и др. технологий, к внедрению функциональной модели информационно-образовательной среды исследовательско-предпринимательского университета, базирующейся на поэтапном развитии с учетом комплексного ресурсного обеспечения, механизмов и инструментария оценивания качества уровневого развития системно-средовой организации.

Разработанная автором карта критериальных показателей качественного развития ИОС и интегративного показателя эффективности функциональности структурных компонентов среды (на основе нахождения медианного значения) [9] позволила оценить динамику изменений, происходящих в интегративной информационно-образовательной среде всех региональных университетов с учетом ее дидактического и технико-технологического потенциала. Указанная карта включала различные диагностические методы и методики: методы наблюдения и беседы, структурно-содержательного анализа, математической обработки данных, методику изучения мотивов учебной деятельности (модификация А. А. Реана, В. А. Якунина), анкетирование «Оценивание ИОС с учетом ее структурных компонентов» (для преподавателей и студентов), анкетирование «Готовность студентов к предпринимательской деятельности» и др.), а также данные внутреннего мониторинга учреждений образования, экспертные оценки, анализ динамики количественных данных по основным направлениям и др. [8, с. 66].

Предложенная карта позволяет учитывать и отображать показатели развития ИОС университета и является инструментом мониторинга не только процессов информатизации, но и их влияния на динамику качественных изменений образовательного процесса в учреждении высшего образования, а также на единой критериальной основе определяет уровень развития среды региональных УВО.

Оценивание эффективности функционирования ИОС на основе применения предложенного в исследовании инструментария позволило:

- определить уровень сформированности ИОС университета с учетом степени развития ее дидактического и технико-технологического потенциала;
- оценить готовность профессорско-преподавательского состава, сотрудников, а также обучающихся к использованию ИКТ в образовательной и учебной деятельности;
- разработать систему коррекционных мероприятий, направленных на повышение показателей оценивания эффективности функционирования ИОС.

Можно говорить о целесообразности использовать в образовательном процессе всего имеющегося потенциала и обеспечения ИОС, что позволяет совершенствовать методику преподавания и изучения отдельных дисциплин, формировать современные образовательные подходы, удовлетворяющие спрос на

кадры в определенном регионе, сочетать высокую экономическую эффективность и гибкость образовательного процесса. Однако развитие ИОС регионального университета модели 3.0 видится возможным при учете ряда организационно-педагогических условий, выполнение которых позволяет эффективно реализовать принципы подготовки высококвалифицированных специалистов в условиях цифровизации [7, с. 49-50]), включая:

- разработанность теоретико-методологических положений, определяющих применение инновационных ИКТ в организации и осуществлении образовательного процесса в региональном университете модели 3.0;

- совершенствование технико-технологического потенциала ИОС с учетом тенденций развития технических решений, применяемых в образовании, а также параметров развития среды университета в условиях процесса поэтапной технологизации;

- совершенствование учебно-методического обеспечения образовательного процесса в университете с учетом государственных и региональных программ реализации мероприятий цифровой трансформации в образовании;

- развитие кадрового потенциала за счет подготовки специалистов высшей научной квалификации – руководителей исследовательской и предпринимательской деятельности в университете;

- расширение практики привлечения студентов университета к участию в мероприятиях исследовательского и предпринимательского характера на основе формирования высокой мотивации к деятельности и информационной культуры;

- развитие методов, видов и форм организации и осуществления образовательной деятельности с учетом институциональной эволюции университета к модели 4.0;

- осуществление системного и систематического мониторинга развития ИОС;

- обобщение и распространение опыта организации образовательного процесса в университете, основанного на эффективном развитии исследовательской и предпринимательской деятельности в условиях технологизации образования и цифровой трансформации образовательной сферы.

Список использованных источников

1. Касперович, С. А. О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0» / С. А. Касперович // Высшая школа. – 2018. – № 2. – С. 5–7.

2. Зубрилина, И. В. Информационная образовательная среда как средство оптимизации образовательного процесса / И. В. Зубрилина // Информационно-образовательный потенциал инновационного развития дополнительного

педагогического образования : коллектив. моногр.; под ред. Н. Н. Кошель. – Минск: Изд-во АПО, 2016. – С. 204–213.

3. Лозицкий, В. Л. Дидактическая роль электронного учебно-методического комплекса на второй ступени высшего образования (на примере учебной дисциплины «Педагогика и психология высшей школы») / В. Л. Лозицкий // Высшэйшая школа. – 2016. – № 2. – С. 42–45.

4. Минич, О. А. Цифровая среда как неотъемлемый компонент педагогической подготовки в области методик электронного обучения / О. А. Минич // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2023. – № 1 (61). – С. 86–93.

5. Переверзева, Ю. А. Научно-методическое и информационное сопровождение деятельности педагогов учреждений профессионально-технического и среднего специального образования в области цифровых информационно-коммуникационных технологий / Ю. А. Переверзева, И. Б. Стрелкова // Теория и методика профессионального образования: сб. науч. ст. / в редкол.: В. Н. Голубовский (председ.) [и др.]. – Минск: РИПО, 2022. – Вып. 9. – С. 225–234.

6. Стрелкова, И. Б. Интеллект-карты как средство визуализации учебной информации / И. Б. Стрелкова // Адукацыя і выхаванне. – 2020. – № 3. – С. 31–37.

7. Аксенчик, Н. В. Организационно-педагогические основы развития информационно-образовательной среды регионального университета 3.0: теоретико-методологические обобщения исследования / Н. В. Аксенчик // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2023. – № 2. – С. 45–52.

8. Аксенчик, Н. В. Экспериментальная апробация развития информационно-образовательной среды регионального университета модели 3.0 в условиях цифровой трансформации образования / Н. В. Аксенчик // Педагогическая наука и образование. – 2023. – № 4 (45). – С. 64–70.

9. Аксенчик, Н. В. Оценка эффективности функционирования и развития информационно-образовательной среды учреждения высшего образования / Н. В. Аксенчик // Адукацыя і выхаванне. – 2023. – № 10 (382). – С. 61–67.

References

1. Kasperovich, S. A. O sovershenstvovanii deyatel'nosti uchrezhdenii vysshego obrazovaniya na osnove modeli «Universitet 3.0» / S. A. Kasperovich // Vysheishaya shkola. – 2018. – № 2. – S. 5–7.

2. Zubrilina, I. V. Informatsionnaya obrazovatel'naya sreda kak sredstvo optimizatsii obrazovatel'nogo protsessa / I. V. Zubrilina // Informatsionno-obrazovatel'nyi potentsial innovatsionnogo razvitiya dopolnitel'nogo pedagogicheskogo

obrazovaniya : kollektiv. monogr.; pod red. N. N. Koshel'. – Minsk: Izd-vo APO, 2016. – S. 204–213.

3. Lozitskii, V. L. Didakticheskaya rol' elektronnoho uchebno-metodicheskogo kompleksa na vtoroi stupeni vysshego obrazovaniya (na primere uchebnoi distsipliny «Pedagogika i psikhologiya vysshei shkoly») / V. L. Lozitskii // Vysheishaya shkola. – 2016. – № 2. – S. 42–45.

4. Minich, O. A. Tsifrovaya sreda kak neot'emlemyi komponent pedagogicheskoi podgotovki v oblasti metodik elektronnoho obucheniya / O. A. Minich // Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk. – 2023. – № 1 (61). – S. 86–93.

5. Pereverzeva, Yu. A. Nauchno-metodicheskoe i informatsionnoe soprovozhdenie deyatelnosti pedagogov uchrezhdenii professional'no-tekhnicheskogo i srednego spetsial'nogo obrazovaniya v oblasti tsifrovyykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii / Yu. A. Pereverzeva, I. B. Strelkova // Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya: sb. nauch. st. / v redkol.: V. N. Golubovskii (predsed.) [i dr.]. – Minsk: RIPO, 2022. – Vyp. 9. – S. 225–234.

6. Strelkova, I. B. Intellect-karty kak sredstvo vizualizatsii uchebnoi informatsii / I. B. Strelkova // Adukatyya i vykhavanne. – 2020. – № 3. – S. 31–37.

7. Aksenchik, N. V. Organizatsionno-pedagogicheskie osnovy razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy regional'nogo universiteta 3.0: teoretiko-metodologicheskie obobshcheniya issledovaniya / N. V. Aksenchik // Vesnik Paleskaga dzyarzhaynaga ŷniversiteta. Seryya gramadskikh i gumanitarnykh navuk. – 2023. – № 2. – S. 45–52.

8. Aksenchik, N. V. Eksperimental'naya aprobatsiya razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy regional'nogo universiteta modeli 3.0 v usloviyakh tsifrovoi transformatsii obrazovaniya / N. V. Aksenchik // Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie. – 2023. – № 4 (45). – S. 64–70.

9. Aksenchik, N. V. Otsenivanie effektivnosti funktsionirovaniya i razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya / N. V. Aksenchik // Adukatyya i vykhavanne. – 2023. – № 10 (382). – S. 61–67.

PHILOLOGY
ФИЛОЛОГИЯ

UDC 882.6.035–3=8.2

Natalya Yakovenko,

Doctor of Sciences, Associate Professor;

National Academy of Sciences of Belarus

(Belarus)

n7755572@gmail.com

**NATIONAL AND CULTURAL ADAPTATION
OF A WORK OF FICTION IN TRANSLATION**

In this article, the question of the national and cultural adaptation of a foreign language work, is actual for the modern science of translation. The complexity and significance of fiction translation as an intercultural communicative phenomenon are shown. The author touches upon intractable philosophical issues, among which the concept of untranslatability of fiction plays an important role.

Keywords: fiction translation; national culture; literature; adaptation; untranslatability.

Наталья Яковенко,

доктор филологических наук, доцент;

Национальная академия наук Беларуси

(Беларусь)

n7755572@gmail.com

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

В статье раскрывается актуальный для современной науки о переводе вопрос национально-культурной адаптации иноязычного произведения. Показываются сложность и значимость художественного перевода как межкультурного коммуникативного явления. Затрагиваются трудноразрешимые вопросы философского порядка, среди которых немаловажную роль играет концепция непереводаемости художественной литературы.

Ключевые слова: художественный перевод; национальная культура; литература; адаптация; непереводаемость.

Художественный перевод представляет собой сложную форму межлитературной рецепции. Проблемы иноязычного переложения художественного произведения заключаются в его противоречиях: с одной стороны – необходимость соответствия перевода исходному тексту, а с другой – ряд внешних и внутренних факторов (исторические и социально-общественные условия, преобладающие литературно-эстетические концепции, языковая система литературы-реципиента, художественный вкус переводчика и т. д.), которые вынуждают отклоняться от авторского текста и зачастую делают невозможным желаемое соответствие между оригинальным и переведенным произведениями одного и того же автора. Поэтому и существует не менее противоречивая, чем сам процесс перевода, концепция неперевода художественной литературы, связанная с невозможностью точной передачи самобытности и неповторимости особенностей национальной литературы, заключенных, прежде всего, в языке ее классических произведений, сформулированная еще в XIX веке видным немецким филологом и философом Вильгельмом Гумбольдтом следующим образом: «Переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника» [цит. по: 6, с. 9].

Оригинальный авторский текст переосмысливается переводчиком и преобразуется в «новую версию», существующую отдельно от автора и его читателя и адресованную переводчиком исключительно своему читателю. Поэтому переведенный художественный текст может быть принят и понят как самостоятельное произведение только в культурном пространстве перевода. В этом особенность художественного перевода как «движения к истине, которая пребывает в своеобразной атопичности» [10, с. 159].

Современная переводчица с русского на французский, профессор Сорбонны Анн Кальдефи-Факар высказала следующее мнение: «Чем больше я работаю в этом направлении, тем больше убеждаюсь, что литература не поддается переводу. Почему? Потому что здесь важны не только слова, атмосфера, персонажи, действия, история, интрига, а существует целый комплекс, ансамбль разных вещей, которые другой человек не может воссоздать, особенно на другом языке <...> Это не значит, что нужно переводить литературу очень плохо. Наоборот. От того, что это невозможно, нужно стараться еще больше» [цит. по: 5].

С этими выводами можно согласиться за исключением мысли о том, что «литература не поддается переводу». Белорусский переводовед, представитель советской переводческой школы Давид Факторович говорил, что те, кто отрицает переводимость, «восстают против очевидных фактов тысячелетнего человеческого опыта <...> Им, если быть последовательными, должны казаться

непостижимыми и древние произведения отечественных литератур. Исторический опыт учит, что художественные литературы всех народов переводятся» [11, с. 30].

Вообще, советской школе перевода было свойственно безусловное признание переводимости, основанное, прежде всего, на мастерстве переводчика и его умении постигать и понимать оригинал. Корней Чуковский в книге «Высокое искусство» [12] приводил в пример поэтов-переводчиков М. Лозинского, С. Маршака, Б. Пастернака, чьи переводы являются показателем высокого мастерства и подтверждением переводимости.

Французский компаративист Даниель-Анри Пажо [14] считает художественный перевод довольно странным видом литературной деятельности, когда в результате прочтения чужого текста создается другой текст, дубликат первого, «закованный» между двумя потребностями: уважать оригинал и пересоздавать его, то есть создавать еще один, но уже иноязычный, текст. Исследователь называет перевод своеобразной утопией, которая совершенно не соответствует исходному тексту и совершенно не похожа на текст, непосредственно созданный на языке перевода. Эти обстоятельства дали Д.-А. Пажо основания утверждать, что переводческая деятельность приводит к трансформации переведенного текста в своеобразный интертекст. Компаративист прав, поскольку при переводе происходит диалогическое взаимодействие текстов, которое в той или иной степени трансформирует исходный смысл произведения, заложенный в него автором, и придает определенную смысловую новизну в переводимом тексте.

Идея диалога между текстами принадлежит известному русскому философу и теоретику литературы Михаилу Бахтину. «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом), – писал он. – Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [1, с. 384]. Диалог, сравнение и сопоставление – общие принципы культуры.

Теоретик постструктурализма, пропагандистка идей М. Бахтина Юлия Кристева [7] ввела в широкий научный обиход термин «интертекстуальность», определяющий общие свойства связанных между собой текстов или их частей. Интертекстуальные связи позволяют текстам определенным образом ссылаться друг на друга.

Несомненно, переведенное литературное произведение – это интертекст, находящийся в культурном диалоге с оригиналом. Известный итальянский писатель, философ, культуролог, переводчик и теоретик перевода Умберто Эко разработал концепцию интертекстуального диалога, суть которого заключается в феномене обнаружения и узнавания в новом тексте предыдущих текстов,

проявляющихся в цитировании, аллюзиях, подражаниях, пародиях, новых вариантах исходного текста и в плагиате. У. Эко так определил парадоксальный и феноменальный характер перевода: «И хотя порой я понимал, что перевод невозможен (правда, такие случаи всегда тем или иным образом разрешались), еще чаще я замечал возможности: иначе говоря, я замечал, как при соприкосновении с другим языком текст выказывал потенциалы истолкования, которые не были известны мне самому, и как подчас перевод мог улучшить оригинал (я говорю “улучшить” именно в отношении к тому намерению, которое сам текст внезапно проявлял, независимо от того исходного намерения, которое было у меня как у эмпирического автора)» [13, с. 14].

Однако У. Эко не отрицал непереводаемость, но не произведения в целом, а только отдельных его элементов. Он назвал эти нечастые случаи непереводаемости «абсолютными потерями». В большинстве других случаев имеют место «частичные потери», когда, казалось бы, непереводаемый элемент текста может быть заменен другим, аналогичным, а заменить – значит перевести.

Автор философской концепции диалога культур и создатель концепции Школы диалога культур Владимир Библер [3] рассматривал феномен культуры в цельности ее интеллектуальных, художественных и религиозных измерений как философское начало, которым определяется смысл бытия и идея разума. В свете философии В. Библера, современная культура представляется как одновременность прошлой, настоящей и возможной целостных культур бытия и мышления. Анализ переводной литературы позволяет понять ее именно как часть культуры бытия и мышления, «прислушаться» к философскому диалогу культур, раскрывающемуся через особенности восприятия произведения разными национальными литературами, исходной литературой, к которой принадлежит оригинал, и литературой-реципиентом, к которой принадлежит перевод.

Глобальное культурное развитие невозможно без переводной литературы, с помощью которой, так же, как и с помощью оригинала, происходит обмен духовными ценностями. Художественный перевод способствует «встречному движению» культур, помогает понять важные проблемы общечеловеческого, государственного и общественного строя, дает возможность приобщиться к чужим культурным ценностям, а значит, расширяет кругозор человеческого общества в целом. Образы мира, отраженные в национальных литературах, – фундамент коммуникации, «встречного движения» культур.

Автором теории «встречного движения» является российский литературовед, академик Александр Веселовский, который писал, что при объяснении сходства сюжетов в литературах разных народов исследователи обычно расходятся в двух противоположных направлениях: сходство объясняется либо исходя из общих оснований, к которым предполагается сводить подобные произведения, либо в

свете гипотезы о том, что одно из них заимствовало свое содержание у другого. По мнению А. Веселовского, ни одна из этих теорий не является универсальной, они адекватны лишь вместе, поскольку «заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии» [4, с. 28-29].

А. Веселовский не имел в виду перевод, но концепция «встречного движения» может быть использована при изучении теории и практики художественного перевода. В этом случае можно сказать, что влияние чужой культуры при переводе всегда внутренне соотнесено с уровнем культуры-реципиента: то, что слишком отличается от этого уровня, будет непринятым или понятым по-своему и «уравновесится» с общепринятым – так происходит адаптация. Поэтому самостоятельное развитие национального менталитета и объективного мышления под влиянием чужой культуры останется ненарушенным в главном – в «глубине», потому как влияние больше действует в «ширине» – дает много нового материала, но не идей.

Именно с «глубиной» связал свою концепцию переводимости художественных произведений немецкий философ, литературный критик и переводчик Вальтер Беньямин: «Перевод есть форма. Рассматривая его как таковую, мы необходимо возвращаемся к оригиналу. В нем заключен управляющий переводом закон: переводимость. <...> заключенный в оригинале глубинный смысл выражается в своей переводимости» [2]. Другими словами, перевод не может существовать без переводимости – это его сущность. Передать средствами иного языка «глубинный смысл» оригинала – значит перевести.

Говоря о национально-культурной адаптации оригинала посредством перевода, большинство исследователей сосредотачивают свое внимание на передаче этнокультурных реалий, что действительно вызывает определенные сложности, требует дополнительных объяснений и навыков. Переводоведение – прикладная наука, и такой подход необходим. Так, современный белорусский переводчик и теоретик художественного перевода Михаил Кенько дает ряд значимых практических рекомендаций по поводу того, как следует поступать переводчику, когда в оригинале встречаются слова и выражения, которым нет соответствий в языке перевода [8]. Но достаточно ли удачно перевести отдельные слова, чтобы передать тот самый «глубинный смысл» (В. Беньямин) инонационального произведения? Ограничивается ли национальная специфика художественного текста этнокультурными реалиями?

Ответ на эти вопросы мы находим в статье «Проблема национальной принадлежности художественного произведения и ее соотношение с “художественностью” текста в современном литературоведении» белорусского теоретика литературы Сергея Лебедева: «Сегодняшнее изучение “национального”

в искусстве затруднено тем, что в течение многих лет “национальное” отождествлялось с “народностью”. Об этом дискутировали еще в XIX в. Н. Добролюбов и А. Григорьев. Но все-таки на современном этапе развития гуманитарной мысли понятие “национального” более или менее определено. В самых общих чертах, говоря словами Н. Гоголя (заметим: здесь писатель говорил о “народности”), оно заключается “не в описании сарафана, но в самом духе народа”. <...> национальное начинает обладать истинно художественными достоинствами в произведении лишь тогда, когда сквозь него начинает четко “высвечиваться” общечеловеческое, когда выражение “национального” – не самоцель художника, а средство для выражения сквозь него чего-то большего. Настоящие шедевры любой национальной литературы становятся достоянием **мировой** литературы именно потому, что они, оставаясь предельно национальными, “попадают в резонанс” с носителями других ментальностей, когда духовные проблемы, затрагиваемые в таких произведениях, перестают быть локальными и одномоментными, а выражают всеобщее и вневременное» [9, с. 159-161]. Именно так и происходит «встречное движение» (А. Веселовский) культур посредством перевода. На это также обращает внимание Сергей Лебедев, говоря о том, что только когда произведение «“конвертируется” с одного языка в другой», оно «становится каплей национального культурного океана, оно в нем присутствует и оно является моментом его целостности» [9, с. 163]. И следует добавить, что очень часто в этом «моменте целостности» какие-то допущенные переводчиком неточности, даже ошибки, вызванные так называемой частичной непереводимостью, не имеют существенного значения.

Но зачем нужен инонациональный художественный перевод с распространенных языков? Дело в том, что наличие переводов классических произведений мировой литературы на национальный язык является показателем высокой развитости литературы и культуры в целом, одним из обязательных условий обогащения родного языка. Причем читателям, владеющим несколькими языками, полезно ознакомиться с разными переводами одного произведения, ведь так они получают возможность лучше понять оригинал. Например, одним из популярных в мире произведений является роман Джерома Дэвида Сэлинджера *The Catcher in the Rye* (1951). Жители постсоветского пространства знают его в русскоязычном переводе Риты Райт-Ковалевой под названием «Над пропастью во ржи» (1960). Существуют еще два перевода этого произведения на русский язык: «Обрыв на краю ржаного поля детства» (1998) Сергея Махрова и «Ловец на хлебном поле» (2008) Максима Немцова. В переводах на другие языки название произведения звучит так: по-французски – «Ловец сердец» («L’attrape-cœurs»); по-шведски – «Спаситель в кризисе» («Räddaren i nöden»); по-датски – «Проклятая юность» («Forbandede Ungdom»), по-белорусски – «Ловец во ржи» («Лавец у

жыще») или «Над пропастью во ржи» («Над прорвай у жыще») – согласно русскоязычному переводу 1960 года. Сколько разных смыслов только в заглавии одного произведения!

На современном непростом этапе мирового общественно-политического развития, когда мир потрясают социально-политические, религиозные, межэтнические конфликты, художественный перевод играет чрезвычайно важную роль в качестве средства межкультурной коммуникации. Так называемая книжная дипломатия, осуществляемая посредством художественного перевода, способствует укреплению международных связей и контактов.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 446 с.
2. Беньямин, В. Задача переводчика / В. Беньямин [Электронный ресурс]: Предисловие к переводу «Пражских картин» Бодлера. – Режим доступа: <https://kassandrion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm>. – Дата доступа: 05.11.2023.
3. Библиер и вокруг [Электронный ресурс]: Философское общество. – Режим доступа: <https://www.bibler.ru/index.php>. – Дата доступа: 15.06.2024.
4. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высш. школа, 1989. – 404 с.
5. Весялуха, М. 3 русской – на французскую / М. Весялуха // ЛіМ. – 11 крас. 2014. – С. 9.
6. Илюшкина, М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: уч. пособие / М. Ю. Илюшкина; [науч. ред. М. О. Гузикова]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т.. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 84 с.
7. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
8. Кенька, М. П. Неперакладаемое перакладаецца / М. П. Кенька // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай: матэрыялы IX Міжнар. навук. канф., прысвеч. 70-годдзю філал. фак-та БДУ, Мінск, 15–17 кастр. 2009 г.: у 2 ч. / пад рэд. В. П. Рагойшы. – Ч. 2. – Мінск: БДУ, 2010. – С. 43–47.
9. Лебедев, С. Ю. Проблема национальной принадлежности художественного произведения и ее соотношение с «художественностью» текста в современном литературоведении / С. Ю. Лебедев [Электронный ресурс]: Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна – № 2 (50). – 2017. – С. 159–164. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/191049>. – Дата доступа: 22.07.2024.

10. Николаенко, Н. А. К вопросу философии перевода прозаического текста как семиотического явления / Н. А. Николаенко // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307. – № 3. – С. 158–163.
11. Факторович, Д. Е. Основы теории художественного перевода / Д. Е. Факторович. – Минск: Книгабор, 2009. – 167 с.
12. Чуковский, К. Высокое искусство / К. Чуковский – М.: Сов. писатель, 1988. – 352 с.
13. Эко, У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 568 с.
14. Pageaux, D.-H. La littérature générale et compare / D.-H. Pageaux. – Paris: Colin, 1994. – 191 p.

References

1. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. – M.: Iskusstvo, 1986. – 446 s.
2. Ben'yamin, V. Zadacha perevodchika / V. Ben'yamin [Elektronnyi resurs]: Predislovie k perevodu «Prazhskikh kartin» Bodlera. – Rezhim dostupa: <https://kassandrion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm>. – Data dostupa: 05.11.2023.
3. Bibler i vokrug [Elektronnyi resurs]: Filosofskoe obshchestvo. – Rezhim dostupa: <https://www.bibler.ru/index.php>. – Data dostupa: 15.06.2024.
4. Veselovskii, A. N. Istoricheskaya poetika / A. N. Veselovskii. – M.: Vyssh. shkola, 1989. – 404 s.
5. Vesyalukha, M. Z ruskai – na frantsuzskuyu / M. Vesyalukha // LiM. – 11 kras. 2014. – S. 9.
6. Ilyushkina, M. Yu. Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy: uch. posobie / M. Yu. Ilyushkina; [nauch. red. M. O. Guzikova]; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Ural. feder. un-t.. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. – 84 s.
7. Kristeva, Yu. Izbrannye trudy: razrushenie poetiki / Yu. Kristeva. – M.: ROSSPEN, 2004. – 656 s.
8. Ken'ka, M. P. Neperakladaemae perakladaetsta / M. P. Ken'ka // Slavyanskiya litaratury ŷ kantekestse susvetnai: materyyaly IX Mizhnar. navuk. kanf., prysvech. 70-goddzyu filal. fak-ta BDU, Minsk, 15–17 kastr. 2009 g.: u 2 ch. / pad red. V. P. Ragoishy. – Ch. 2. – Minsk: BDU, 2010. – S. 43–47.
9. Lebedev, S. Yu. Problema natsional'noi prinallezhnosti khudozhestvennogo proizvedeniya i ee sootnoshenie s «khudozhestvennost'yu» teksta v sovremennom literaturovedenii / S. Yu. Lebedev [Elektronnyi resurs]: Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina – № 2 (50). – 2017. – S. 159–164. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/191049>. – Data dostupa: 22.07.2024.

10. Nikolaenko, N. A. K voprosu filosofii perevoda prozaicheskogo teksta kak semioticheskogo yavleniya / N. A. Nikolaenko // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. – 2004. – T. 307. – № 3. – S. 158–163.
11. Faktorovich, D. E. Osnovy teorii khudozhestvennogo perevoda / D. E. Faktorovich. – Minsk: Knigazbor, 2009. – 167 s.
12. Chukovskii, K. Vysokoe iskusstvo / K. Chukovskii – M.: Sov. pisatel', 1988. – 352 s.
13. Eko, U. Skazat' pochtu to zhe samoe: opyty o perevode / U. Eko. – SPb.: Simpozium, 2006. – 568 s.
14. Pageaux, D.-H. La littérature générale et compare / D.-H. Pageaux. – Paris: Colin, 1994. – 191 p.

UDC 821.161.1-3:221.3

Yuan Hao,
PhD; Jiangsu Normal University
(China)
yuanhao199307@126.com

Kassandra Shahab-Kastetskaya,
Magister; Tianjin Foreign Studies University
(China)
yuanfeifei2017@gmail.com

TAOIST PHILOSOPHY IN TOLSTOY'S «NON-DOING»

Lev Tolstoy was a thinker who greatly influenced world literature in the second half of the 19th – early 20th century and was one of the first Russian thinkers who spread Taoism. Taoist philosophy played an important role in shaping the writer's philosophical system. Lev Tolstoy wrote “Non-doing” in 1893, outlining his vision of the concept of “Wuwei” based on a comparison of the points of view of Emile Zola and Alexandre Dumas. The opinion of Lev Tolstoy has similarities with the Taoist view of “Wuwei”, but at the same time, there are differences between them, because the abstract nature of Taoist thought allowed Tolstoy to interpret it based on his understanding.

Keywords: Lev Tolstoy; Non-doing; Wuwei; Taoism; Emile Zola; Alexandre Dumas; Chinese philosophy.

Юань Хао,
кандидат филологических наук;
Цзянсуский педагогический университет
(Китай)
yuanhao199307@126.com

Кассандра Шахаб-Костецкая,
магистр педагогики;
Тяньцзиньский университет иностранных языков
(Китай)
yuanfeifei2017@gmail.com

ДАОССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В «НЕДЕЛАНИИ» ЛЬВА ТОЛСТОГО¹

Лев Толстой был мыслителем, оказавшим большое влияние на мировую литературу второй половины XIX – начала XX века, а также одним из первых русских мыслителей, распространивших даосизм. Даосская философия сыграла важную роль в формировании собственной философской системы писателя. Лев Толстой написал «Неделание» в 1893 году, изложив свое видение понятия «увэй» на основе сравнения точек зрения Эмиля Золя и Александра Дюма. Мнение Льва Толстого имеет сходство с даосским взглядом на «увэй», однако одновременно с этим между ними существуют различия, потому как абстрактный характер даосской мысли дал Толстому возможность интерпретировать ее, исходя из собственного понимания.

Ключевые слова: Лев Толстой; неделание; увэй; даосизм; Эмиль Золя; Александр Дюма; китайская философия.

Введение

Лев Николаевич Толстой был выдающимся писателем конца XIX – начала XX века, мыслителем, повлиявшим на мировую литературу. На протяжении всей жизни он исследовал широкий круг нравственно-этических проблем, сформировал философский взгляд на теорию нравственного самосовершенствования, а также выдвинул идею непротивления злу насилием. Толстой также был одним из первых русских мыслителей, переводивших даосскую классику и распространявших даосскую мысль. Даосизм сыграл важную роль в развитии и совершенствовании системы философской идеологии Льва Толстого. В данной статье мы рассмотрим трактовку и адаптацию писателем понятия «увэй» путем на основе анализа статьи «Неделание», написанной в 1893 году.

Принятие Львом Толстым даосской философии

В конце XIX века русское общество пребывало в состоянии бурных социальных изменений, острых социальных противоречий. Миропонимание Л. Н. Толстого в тот период также менялось, ему необходимо было найти своего рода концептуальную опору для своих убеждений. Именно в это время писатель соприкоснулся с китайской философией, в особенности с конфуцианством и даосизмом. В «Письме к китайцу» он писал: «Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью – книгами Конфуция, Ментце, Лаотце и комментариями на них» (Толстой, 1906: 1).

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского гранта для преподавателей с докторской степенью Цзянсуского педагогического университета 21XFRX004.

На формирование философско-идеологической системы Л. Н. Толстого оказали глубокое влияние два этических принципа Востока: индуистский принцип «ненасилие (ахимса)» и «увэй» в даосизме, поэтому писателя часто называли «русским махатмой» и «русским Лаоцзы» (Маслова, 2020: 105). Л. Н. Толстой был одним из первых русских писателей, начавших распространять учение Лаоцзы. В 1877 году он получил французский перевод «Дао дэ цзин» и начал его изучение. В 1884 году Толстой попытался перевести это труд, но не добился удовлетворительных результатов. Голод в России 1891–1892 годов глубоко потряс Толстого, он писал: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты» (Толстой, 1984: 160); в 1893 году он перечитал «Дао дэ цзин», что помогло ему глубже понять даосскую формулировку «увэй», Толстой искренне проникся мыслью о «маленьком государстве с небольшим населением», придуманным Лаоцзы. С 1894 по 1896 годы Л. Н. Толстой исправлял сделанный П. С. Поповым перевод «Дао дэ цзин», его одолевало беспокойство, что перевод не сможет в полной мере передать смысл оригинала, в связи с чем даже попросил владеющих китайским языком людей выполнить для него дословный перевод.

В процессе осмысления Толстым даосизма и под сильным влиянием даосской философии в 1893 году он написал эссе «Неделание» в 1893 году.

Суть «увэй»

«Неделание», в котором Л. Н. Толстой ссылается на мнения двух известных писателей, Эмиля Золя и Александра Дюма, написано по приглашению редактора парижского журнала «*Revue des revues*».

Статья начинается с приведения полного текста обращения Э. Золя к молодежи. Писатель считал, что среди современной молодежи происходит кризис веры и молодое поколение отрывается от старшего. Оно не надеется на науку и считает, что строить всё на науке – путь к кризису социальному и нравственному, поэтому решает вернуться к прошлому и построить свою собственную новую веру из фрагментов старой.

По мнению Э. Золя, кризис веры вызван «усталостью» и «гневом» конца эпохи, потому что люди надеялись всё узнать и объяснить с помощью науки. Однако это не принесло ожидаемых справедливости и счастья, поэтому в глазах некоторых людей наука потерпела неудачу. Э. Золя писал: «Вера не воскресает, и из мертвых религий можно делать только мифологии. Потому следующий век будет только утверждением нашего в том демократическом и научном порыве, который увлек нас и который продолжается» (Толстой, 1893: 7).

По мнению Золя, единственный смысл жизни и радость, которые можно получить, заключаются в чувстве постепенного удовлетворения, хотя вместе с тем он признавал, что людей разочаровывает невозможность знать всё. Чтобы помочь

молодежи выйти из затруднительного положения, Э. Золя предложил им новую веру, так называемую веру в «труд», так как «это единственный закон мира, тот регулятор, который влечет органическую материю к ее известной цели... мы все появляемся только для того, чтобы совершить нашу долю труда и исчезнуть» (Толстой, 1893: 8).

Э. Золя не верил в так называемый утопизм, он считал, что нет ничего хуже для нации, чем неопределенность. В его понимании любящие труд люди обладали настоящей силой, так как труд несет в себе мужество и веру. В конце писатель обращался к молодежи с призывом: «Юноши, молодые люди, беритесь же за дело... Как ни скромно бы было это дело, оно тем не менее будет полезно; в чем бы оно ни состояло, только бы оно поднимало вас... Человек, который работает, всегда бывает добр» (Толстой, 1893: 9).

Л. Н. Толстой был согласен с утверждением Э. Золя о том, что молодёжь не должна верить в иллюзорные вещи, однако одновременно он был против веры в неопределенные понятия, а именно в науку и труд. Толстой писал о науке следующее: «В наше время люди, освободившись от одних суеверий, не заметив еще этого, подпали под другие, не менее безосновательные и вредные, как и те, от которых они только что избавились. Избавившись от суеверий отживших религий, люди подпали под суеверия научные» (Толстой, 1893: 10). Писатель считал, что такое поведение схоже с верой древних евреев в «сотворение мира за шесть дней». Древние верующие обманывали мир, выдавая придуманное за истину, и самые первые последователи науки делали то же самое. Разница между религией и наукой в том, что ложь первой о древней мудрости давно была разоблачена, а сторонники второй всё еще оставались в неведении.

Относительно труда Л. Н. Толстой цитировал точку зрения Лаоцзы о том, что корень всех человеческих бедствий не в том, что они не делают того, что нужно делать, а в том, что они делают то, что им делать не нужно, а следуя принципу «увэй» («неделания»), люди смогут освободиться от всех личных и социальных страданий. Более того, писатель не возводил идею труда в статус добродетели: «Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание, но никак не добродетель. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель» (Толстой, 1893: 12).

Совершенно иную позицию выразил А. Дюма. Он заметил, что на протяжении тысячелетий люди пытались решить проблему причинно-следственной связи, некоторые молодые люди даже утверждали, что у них есть бесспорное ее решение, и критиковали тех, кто был с ними не согласен. Можно ли считать это признаком того, что общество вернулось к той темной религиозной эпохе? А. Дюма был склонен полагать, что это результат увлеченности молодежи.

По его мнению, те, кто верит в религию и верит в науку, пытаются доказать существование и отсутствие Бога, а в конце обнаружат, что сами знают не больше других, и чувство бессилия заставит их страдать. Рано или поздно они устанут бороться с реальностью и придут к тому, что, как бы сильно они ни придерживались своих убеждений, мир не изменится от их существования. В этой «битве» между религией и наукой нет правых и неправых – так считал А. Дюма. Столкнувшись с неизвестной истиной каждый имеет свое право на то, чтобы разобраться: «Человечество обращалось к религиям, которые ничего не доказали ему, потому что они были различны; обращалось к философиям, которые не более того разъяснили ему, потому что они были противоречивы; оно постарается теперь управиться одно со своим простым инстинктом и своим здравым смыслом, и так как оно живет на земле, не зная зачем и как, оно постарается быть настолько счастливым, насколько это возможно, теми средствами, которые предоставляет ему наша планета» (Толстой, 1893: 15).

Что касается совета для молодежи, который дал Э. Золя, то А. Дюма считал его недостаточным для решения существующих проблем: «Пусть работает человек своими мускулами или своим умом, всё-таки никогда не может быть его единственной заботой приобретение пищи, наживание состояния или приобретение славы. Все те, которые ограничивают себя этими целями, чувствуют и тогда, когда они достигли их, что им еще недостает чего-то: дело в том, что, что бы ни производил человек, что бы ни говорил, что бы ему ни говорил, он состоит не только из тела, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развивать, у него несомненно есть еще и душа, которая еще заявляет свои требования. Эта-то душа находится в не переставшем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине. До тех пор, пока она не получит весь свет и не завоюет свою истину, она будет мучить человека» (Толстой, 1893: 15). А. Дюма считал, что подобные «души» никогда прежде в истории не оказывали такого влияния на человечество, как в наше время. Существуют «души», жаждущие социального возрождения: они ищут его, призывая друг друга и сближаясь, постепенно формируя центр притяжения и привлекая к себе «души» со всего мира. Таким образом они создали коллективную «душу» и даже сблизили когда-то взаимно враждебно настроенные народы к единству и прогрессу.

Есть люди, настроенные на то, чтобы воспрепятствовать изменениям, что привело к созданию различного оружия, всевозможных угроз и преследований среди народов. Но если детально присмотреться, можно прийти к выводу, что всё это лишь внешняя оболочка: выглядит мощно, но по существу слабо. А. Дюма считал, что в определенное время наступит эра взаимопонимания, и произойдет это в недалеком будущем, мир тогда окажется полон «всеобъемлющей любви».

На пути к нему возможны кровавые недопонимания, но этот великий день обязательно наступит.

Высказывания французских писателей Л. Н. Толстой оценивал следующим образом: «Разница гласная в том, что речь Золя усыпляет людей, удерживая их на том пути, на котором они стоят, уверяя их в том, что то, что они знают, и есть то самое, что им нужно знать; письмо же Дюма будит людей, указывая им то, что жизнь из идет совсем не так, как она должна идти, и что они не знают того самого главного, что им нужно знать» (*Толстой, 1893: 17*).

Л. Н. Толстой был солидарен с мнением А. Дюма о возности мира «всеобъемлющей любви», в котором человеческие тяготы исчезнут. Однако реальность он оценивал так: с одной стороны, люди сегодня признают христианский закон великой любви и основанное на этом законе уважение к жизни, личности и правам человека, а с другой стороны, постоянно нарушают вышеизложенные принципы в реальной жизни. Чтобы все это изменить, Толстой предложил людям прекратить делать то, чем они занимаются, начать с попытки изменить свое мышление.

Трактовка «увэй» в даосизме и у Л. Н. Толстого

«Увэй» переводится как «неделание» в рассматриваемом эссе Л. Н. Толстого, словарное определение данного слова таково: невыполнение какой-либо работы; бездеятельность (ничего не делать, бездействовать) (*Толковый словарь Ефремовой, 2015*). Китайское слово «увэй» впервые появилось в «Книге песен» (VI век до н. э.). Конечно, и в даосизме, и у Толстого «увэй» («неделание», в современном русскоязычном дискурсе чаще используется слово «недеяние») рассматривается как философская категория, истинный смысл которой выходит далеко за рамки буквального значения.

Понятие «увэй» – это одна из основных идей «Дао дэ цзин». Даосизм оказал глубокое влияние на культурную трансформацию Китая на протяжении тысячелетий, формирование национального характера и ценностей китайской нации. Долгое время «увэй» неверно истолковывали как пассивное ожидание. Однако, оглядываясь на тысячелетнюю династическую историю древнего Китая, можно проследить значимую роль данной философской идеи в характере управления страной. «Неделание» («недеяние») отнюдь не является односторонним бездействием, а несет куда более глубокую смысловую нагрузку.

В «Неделании» Л. Н. Толстой специально описывал «Дао» и «увэй»: «Есть малоизвестный китайский философ Лаодзи. Сущность учения Лаодзи состоит в том, что высшее благо, как отдельных людей, так в особенности и совокупности людей, народов может быть приобретено через познание “Тао” – слово, которое

переводится “путем, добродетелью, истиной”, познание же “Тао” может быть приобретено только через неделание» (Толстой, 1893: 11-12).

Весь текст «Неделания» буквально отражает толстовскую трактовку «увэй». Однако действительно ли эта трактовка отражает истинное содержание данной даосской мысли?

Общее между «неделанием» Л. Н. Толстого и даосским «увэй». И «увэй», и толстовское «неделание» сходятся в вопросе взаимоотношений: человеку не стоит спорить с окружающими его людьми, а также стремиться к славе и материальным благам, строить против других козни. Напротив, следуя данным понятиям, человек обязан отбросить свои личные желания и устремления.

В третьей главе «Дао дэ цзин» Лаоцзы перечислил «три источника социального хаоса»: славу, выгоду и желания. Чтобы избежать беспорядков, он предложил: «Не возвышайте мудрых, и люди не будут соперничать; не цените вещи, и тогда люди не будут воровать; не выставляйте ценности на взор людской, и тогда люди будут спокойны» («Дао дэ цзин», глава 3) (Лаоцзы: 1), а истинный мудрец обязан быть как вода, так как «высшая добродетель подобна воде, она приносит пользу всему живому и ни с кем не соперничает, она стремится к Дао» («Дао дэ цзин», глава 8) (Лаоцзы: 1).

Толстой наставлял: «Нельзя не признать того, что если бы люди делали то, что им предписывали тысячи лет тому назад, не только Христос, но все мудрецы мира, т. е. хотя бы не только любили других, как себя, но не делали бы хоть другим того, чего не хотят, чтобы им делали, что если бы люди вместо эгоизма продались альтруизму, если бы склад жизни из индивидуалистического переменился в коллективистический, как на своем дурном жаргоне выражают ту же самую мысль люди науки, то жизнь людей, вместо того чтобы быть бедственной, стала бы счастливой» (Толстой, 1893: 17-18).

Разница между «увэй» и «неделанием». В первую очередь, отличается философская основа двух понятий. Идеологической основой даосского «увэй» является «учение о природе дао» (Бай Юнцзюнь, 2013: 13). Луо Аньсянь описывал отношения между «увэй» и «природой Дао» следующим образом: «Понятия “природа Дао” и “увэй” могут быть либо объединены, либо разделены. Если сложить их вместе, то получится, что природа Дао есть увэй, увэй – это природа Дао, поэтому называется естественным недеяннием (увэй). Если их разделить, то тогда природа Дао – это естество Дао (можно также назвать его сущностью); недеянние есть действие Дао, к чему люди должны стремиться» (Луо Аньсянь, 2016: 36).

Для полного понимания «увэй» необходимо сначала понять «дао». В книге «Дао дэ цзин» дано множество объяснений «дао». По мнению Лаоцзы, «Дао» возникло раньше всех вещей, ведь «оно возникло в хаосе, раньше небес и земли...

Мне неведомо его имя, но называется оно Дао» («Дао дэ цзин», глава 25) (*Лаоцзы: 3*), и в то же время «Дао» также является источником всех вещей, потому что «оно рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает всё насущное» («Дао дэ цзин», глава 42) (*Лаоцзы: 45*). Что должны делать люди, чтобы соответствовать требованиям «Дао»? Лаоцзы говорил: «Человек следует законам земли, земля – законам небом, небо – законам Дао, Дао же следует себе» («Дао дэ цзин», глава 25) (*Лаоцзы: 3*), где «природа» означает «естественное развитие вещей». Следовать этому необходимо согласно естественным законам тех самых вещей. Поэтому противоположностью «увэй» является не «действие», а в большей степени «влияние человека на изменение вещей».

Мысль о «неделании» Толстого вобрала в себя даосское понимание «слабого» и «сильного», но в основе ее лежало, скорее, христианское учение. Важным воплощением «неделания» в толстовском варианте являлся его протест против «борьбы со злом насилем». Писатель верил, что «люди, лишая жизни тех, кто тоже является народом божьим, делают это против божьей воли» (*Цай Цзюэминь, 2011: 13*). Толстой подробно описал это в другой своей статье – «Не убий». И фундаментальная причина победы «не бороться со злом насилем», основанной на «ничегонеделании», заключается в следующем: «Любовь вызывает любовь. И это не может быть иначе оттого, что Бог, проснувшись в тебе, пробуждает Себя и в другом человеке» (*Толстой, 2006: 43*). В эссе «Неделание» писатель также неоднократно цитировал положения христианства в поддержку своей точки зрения. Например, советуя людям того времени измениться, он писал о том, что Иисус ранее уже предупреждал людей и призывал их изменить свое понимание жизни, вести христианскую жизнь в надежде, что так снизойдет христианская любовь к людям (*Толстой, 1893: 18-21*).

Чтобы по-настоящему понять истинный смысл «увэй» в даосизме, необходимо обозначить единство противоположностей «небытие» и «бытие». Относительно этих двух состояний «Дао» в 14 главе «Дао дэ цзин» сказано: «Это состояние отсутствия формы, нематериальный образ, оно неуловимо и неясно. Идя навстречу, невозможно рассмотреть его лицо, идя позади – не увидеть его спины» (*Лаоцзы: 2*). В 21 главе добавляется следующая фраза: «В тумане его таятся образы и вещи. Оно мимолётно, внутри него – мельчайшие частицы. В них виднеются истина и достоверность» (*Лаоцзы: 3*). «Дао» невозможно ощутить с помощью органов чувств, оно как будто находится в состоянии «небытия», но, тем не менее, нельзя отрицать его существование лишь по этой причине. Согласно же другой точке зрения, если «бытие» относится к существованию самих вещей, то «небытие» – это состояние вещей до того, как они возникли. Поэтому оно не «пустое», а наоборот содержит в себе бесконечную силу и возможности. Лаоцзы отмечал: «Не нужно ничего делать, ведь всё уже итак сделано» («Дао дэ цзин»,

48 глава) (*Лаоцзы: 6*), что означает, что, живя одним целым с природой, не нужно делать того, чего от человека не требуется, а необходимо делать, что требует естественная логика.

Как важное воплощение толстовской мысли о «неделании», протест писателя в отношении применения насилия с целью искоренения зла был созвучен чувствам и мыслям множества людей по всему миру. Важной частью данной идеи является следующая мысль: «Не конкретный человек, а социальная система заставляет людей страдать от войны, поэтому убийство императора – это пустая трата усилий... Революционное насилие не может подчинить себе государственную власть. Власть не лучше насилия старого государства, потому что она тоже убивает и творит зло» (*Цзинь Кэси, 1997: 28-29*). Поэтому, «согласно концепции Толстого, когда угнетают слабых, достаточно промолчать» (*Цай Цзюэминь, 2011: 14*). Даосское понимание «слабости» и «силы» – вовсе не то, что подразумевал Толстой. Даосская концепция единства противоположностей содержит в себе очень глубокую диалектику. Отношения между «слабым» и «сильным» в даосизме подобны отношениям между «бездействием» и «действием» («Все живое рождается из бытия, а бытие рождается из небытия» («Дао дэ цзин», глава 40) (*Лаоцзы: 5*)). «Дао» в форме «бездействия» направляет развитие и изменение всего сущего с помощью своей, казалось бы, «слабой» силы, которую едва можно почувствовать. По этой причине даосский дискурс о «слабости» и «силе» нельзя понимать просто как утверждение, будто «слабый побеждает сильного». Даосское «увэй» изначально является метафизической идеей, когда «увэй» метафизически используется как идея государственного управления, оно является, скорее, требованием к правителю государства. А толстовское «неделание» действует, преимущественно, в отношении обычных людей.

Даосизм не отрицает государство, напротив, он предлагает ряд стратегий управления. В 75 главе «Дао дэ цзин» резюмируются причины неудач в государственном управлении: «Народ голодает, потому что высоки налоги. Народ тяжело поддается управлению, потому что правители слишком озабочены сбором средств. Люи больше не боятся умереть, потому что желания правителей необъятны» (*Лаоцзы: 9*). Даосская доктрина указывает правителям, что следовать надо пониманию «увэй» мудрецами, ранее управлявших страной: они уважали интересы народа, не навязывали никому свои личные желания, справедливо и беспристрастно относились к людям.

«Неделание» Толстого направлено против государства и отрицает цивилизацию. Мыслитель утверждал, что человек от рождения добр, ибо воля Бога в том, чтобы «любить людей». Л. Н. Толстой считал, что чиновники и солдаты, оказывающие на народ давление, изначально не были злыми – сделал их

озлобленными государственный строй, который вынуждает людей к битвам и ведет человечество к страшным катастрофам, которые уже очень близки (Толстой, 1893: 18). То, к чему Толстой стремился больше, было формой социальной организации, подобной древнерусской «деревенской общине», где не было государственного вмешательства и народ управлял собою сам. Поэтому, согласно идее Толстого о «неделании», государство не должно существовать, народ может противостоять эксплуатации и гнету, при этом не прибегая к насилию при борьбе со злом.

Выводы

Таким образом, взгляды Л. Н. Толстого на понятие «увэй» являются результатом избирательного принятия писателем данной даосской идеи. Ли Лин считает, что даосская мысль является «самой абстрактной среди ученых до эпохи Цинь, она как будто включает в себя всё и оставляет место для интерпретации с разных точек зрения» (Ли Лин, 1998: 284). Именно в силу указанной абстрактности у Л. Н. Толстого была возможность интерпретировать понятие «увэй» по-своему. Он предложил оригинальную трактовку понятия «неделания», которая вобрала в себя, наряду с некоторыми идеями его самобытной философии жизни, даосское понимание «слабого» и «сильного», переосмысленное в контексте христианских представлений о нравственности, добре, непротивлении злу насилием и т. д.

Список использованной литературы

1. Ефремова Т. Ф. Самый полный современный толковый словарь русского языка в 3-х томах [М]. Москва: АСТ, 2015.
2. Маслова А. В. Осмысление китайской философии русскими мыслителями XVIII, XIX и XX столетий [J]. Дискурс-Пи. 2020: 98-111.
3. Толстой Л. Н. О голоде [А]. 1891.
4. Толстой Л. Н. Неделание [А]. 1893.
5. Толстой Л. Н. Письмо к китайцу [А]. 1906.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах (Т. 17) [М]. Москва: Художественная литература, 1984.
7. 白永军. 老子“无为”思想研究 [D]. 河南大学, 2013. (Бай Юнцзюнь. Исследование мысли Лао-цзы о «неделании» [D]. Хэнаньский университет, 2013).
8. 蔡觉敏. 论托尔斯泰对老子“无为”思想的接受与变通 [J]. 太原师范学院学报 (社会科学版), 2011, 10 (01): 13-15. (Цай Цзюэминь. О принятии Толстым мысли Лао-цзы о «неделании» [J]. Журнал Тайюаньского педагогического университета (издание по общественным наукам), 2011, 10 (01): 13-15).

9. 金可溪. 列夫·托尔斯泰的人生哲学和非暴力抗恶伦理观[J]. 首都师范大学学报(社会科学版), 1997, (05): 23-29. (Цзинь Кэси. Жизненная философия Льва Толстого и этика ненасильственного сопротивления злу. Журнал Столичного педагогического университета (издание по социальным наукам)), 1997, (05): 23-29).

10. 李耳(老子). 道德经[M]. 约公元前5世纪. (Ли Эр (Лаоцзы). Дао дэ цзин [M]. Примерно 5 век до н. э.).

11. 李零. 李零自选集 [M]. 桂林: 广西师范大学出版社, 1998. (Ли Лин. Коллекция Ли Лина [M]. Гуйлинь: Издательство Гуансийского педагогического университета, 1998).

12. 列夫·托尔斯泰. 生活之路[M]. 王志耕, 译. 北京: 中国人民大学出版社, 2006. (Толстой Л. Н. Путь жизни [M]. Ван Чжигэн, переводчик. Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2006).

13. 罗安宪. 论老子哲学中的“自然”[J]. 学术月刊. 2016 (10). (Луо Аньсянь. О «природе» в философии Лао-цзы [J]. Академический ежемесячник. 2016 (10)).

14. 张春芳. 道家的首位俄罗斯信徒—列夫·托尔斯泰[J]. 时代文学(下半月), 2014(02): 168-169. (Чжан Чуньфан. Первый русский приверженец даосизма – Лев Толстой. Литература эпохи, 2014 (02): 168-169).

References

1. Efremova T. F. Samyi polnyi sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka v 3-kh tomakh [M]. Moskva: AST, 2015.
2. Maslova A. V. Osmyslenie kitaiskoj filosofii russkimi myslitelyami XVIII, XIX i XX stoletii [J]. Diskurs-Pi. 2020: 98-111.
3. Tolstoi L. N. O golode [A]. 1891.
4. Tolstoi L. N. Nedelanie [A]. 1893.
5. Tolstoi L. N. Pis'mo k kitaitsu [A]. 1906.
6. Tolstoi L. N. Sobranie sochinenii v 22 tomakh (T. 17) [M]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1984.
7. 白永军. 老子“无为”思想研究[D]. 河南大学, 2013. (Bai Yuntszyun'. Issledovanie mysli Lao-tszy o «nedelanii» [D]. Khenan'skii universitet, 2013).
8. 蔡觉敏. 论托尔斯泰对老子“无为”思想的接受与变通[J]. 太原师范学院学报(社会科学版), 2011, 10 (01): 13-15. (Tsai Tszyuemin'. O prinyatii Tolstym mysli Lao-tszy o «nedelanii» [J]. Zhurnal Taiyuan'skogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po obshchestvennym naukam)), 2011, 10 (01): 13-15).
9. 金可溪. 列夫·托尔斯泰的人生哲学和非暴力抗恶伦理观[J]. 首都师范大学学报(社会科学版), 1997, (05): 23-29. (Tszin' Kesi. Zhiznennaya filosofiya L'va

Tolstogo i etika nenasil'stvennogo soprotivleniya zlu. Zhurnal Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po sotsial'nym naukam)), 1997, (05): 23-29).

10. 李耳（老子）. 道德经[M]. 约公元前 5 世纪. (Li Er (Laotszy). Dao de tszin [M]. Primerno 5 vek do n. e.).

11. 李零. 李零自选集 [M]. 桂林：广西师范大学出版社, 1998. (Li Lin. Kolleksiya Li Lina [M]. Guilin': Izdatel'stvo Guansiiskogo pedagogicheskogo universiteta, 1998).

12. 列夫·托尔斯泰. 生活之路[M]. 王志耕, 译. 北京：中国人民大学出版社, 2006. (Tolstoi L. N. Put' zhizni [M]. Van Chzhigen, perevodchik. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo universiteta Zhen'min', 2006).

13. 罗安宪. 论老子哲学中的“自然”[J]. 学术月刊. 2016 (10). (Luo An'syan'. O «prirode» v filosofii Lao-tszy [J]. Akademicheskii ezheemesyachnik. 2016 (10)).

14. 张春芳. 道家的首位俄罗斯信徒—列夫·托尔斯泰[J]. 时代文学(下半月), 2014(02): 168-169. (Chzhan Chun'fan. Pervyi russkii priverzhenets daosizma – Lev Tolstoi. Literatura epokhi, 2014 (02): 168-169).

UDC 008+82-16

Mikhail Danilkovich,
Belarusian State University
(Belarus)
mikedanilkovich@gmail.com

COLOR AND FLOWER POETICS IN THE LYRICS OF ARTHUR RIMBAUD

The article examines the poetic legacy of the French symbolist Arthur Rimbaud. His poetry became the basis for forming such movements as symbolism, expressionism, surrealism, and futurism. The work of Arthur Rimbaud is a vivid protest against the perversions and diseases of the rotten bourgeois world, the search for new poetic possibilities, and a determined struggle against stereotypes of the past. The study aims to analyze the features of color-like poetics in the lyrics of Arthur Rimbaud.

Keywords: Arthur Rimbaud; symbolism; sonnet; poem; “Vowels”; “Drunken ship”; “What the poet is told about flowers”.

Михаил Данилкович,
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
mikedanilkovich@gmail.com

ЦВЕТООБРАЗНАЯ ПОЭТИКА В ЛИРИКЕ АРТЮРА РЕМБО

В работе рассматривается поэтическое наследие французского символиста Артюра Рембо. Его поэзия стала основой для формирования таких течений, как символизм, экспрессионизм, сюрреализм, футуризм. Творчество Артюра Рембо – яркий протест против извращений и болезней прогнившего буржуазного мира, поиск новых поэтических возможностей, решительная борьба со стереотипами прошлого. Целью исследования является анализ особенностей цветообразной поэтики в лирике Артюра Рембо.

Ключевые слова: Артюр Рембо; символизм; сонет; поэма; «Гласные»; «Пьяный корабль»; «Что говорят поэту о цветах».

Артюр Рембо (1854–1891), основоположник европейского символизма, в начале творчества отталкивается от установок романтизма: такие стихотворения как «Офелия», «Солнце и плоть», «Роман», «Буфет», «Голова фавна» были вдохновлены произведениями романтиков и парнасцев. Но однообразность и, порой, скудность парнасской поэзии со временем убедит поэта избрать свой путь – путь «ясновидения», с помощью которого станет возможным выражать невыразимое, неведомое. Подросток Рембо предсказал, пожалуй, все пути

развития искусства XX века. Его поэзия стала основой для формирования таких течений как символизм, экспрессионизм, сюрреализм, футуризм. Этот «гений молодости», стремившийся изобрести универсальный поэтический язык и найти соответствия между звуками и красками, ушел из литературы в возрасте девятнадцати лет, предварительно отказавшись от своих удивительных творческих открытий («Пора в аду» многими литературоведами воспринимается как признание неспособности поэта изменить мир). Именно *Le Voyant* (фр. ясновидец) был первым, кто смог описать суть декадентского мировоззрения («Письмо ясновидца»). Творчество Рембо – яркий протест против извращений и болезней старого, насквозь прогнившего буржуазного мира, поиск новых поэтических возможностей, решительная борьба со стереотипами прошлого. Переводчик Михаил Яснов в своем «Предчувствии грядущих парусов...» описывает Рембо следующим образом: «Он [Рембо] – юный, вздорный, почти школьник; его хочется приручить, пообломать, заставить поработать на себя. Ничего не получается. Мало того, что Рембо сотворил форменное безобразие с французской просодией (и мы до сих пор только приблизительно представляем себе, что со всем этим делать по-русски), но и, по сути, в его стихах немало того, что традиционно считается безобразным: он богохульствует, издевается над всем и вся, особенно над обывателями буржуазного толка и под стать им особями женского пола; он презирает «высокие порывы»; он ненавидит и сам институт церкви, и его служителей; он готов пародировать чуть ли не всю предшествующую, а особенно современную ему поэзию. Он измучен отроческими комплексами, тиранией матери, идиотизмом провинции и пьянством богемы. Он рвется к саморазрушению, которое называет «ясновидением» [8, с. 5].

Свободолюбивый Рембо не боится писать о том, что по определению считается низким, недостойным, непоэтическим. Венера для этого вздорного «ясновидца» становится символом уродства эпохи, а не вечной красоты – стоит ли говорить, что для романтиков такие эксперименты казались, мягко говоря, недопустимыми и шокирующими. По мнению Рембо, новое искусство должно удивлять читателя оригинальностью, новизной, современностью. Способен ли романтизм со своими устаревшими идеалами выражать нечто тайное, заведомо невыразимое? Кажется, юный поэт не верит в это.

Рембо стал одним из первых учеников Поля Верлена (1844–1896). Резонно полагать, что эта связь сохранилась до последних дней А. Рембо. Несмотря на годы разлуки, Верлен не утратил интереса к своему товарищу: были написаны «Проклятые поэты», Поль занимался популяризацией стихотворений Артюра (существуют свидетельства, которые сообщают, что Верлен отказался отдавать рукописи Рембо его сестре Изабель в надежде сохранить все наследие своего друга). Валерий Брюсов в своем очерке, посвященном П. Верлену, пишет, что

уверовавший в Бога католик Рембо незадолго до своей смерти в марсельском госпитале «повторял стихи Верлена из книги “Мудрость”» [4, с. 280].

О романтических корнях Рембо также пишет известный советский исследователь Леонид Андреев в своей статье «Феномен Рембо»: «Первоначально протест Рембо был романтическим, из романтизма выходила и его лирика. Да из чего иного мог выйти французский поэт, начинавший писать в 60-е годы?! Позиции романтизма в поэзии казались прочными, царил Гюго, его прижизненное величие олицетворяло собой авторитет, жизнеспособность романтического искусства. В мае 1870 года Рембо направил письмо Теодору де Банвилю, виднейшему поэту-парнасцу. Рембо признался ему в любви (“я люблю всех парнасцев”), заявил о своем желании стать парнасцем. Из этого письма следует, что Парнас олицетворял тогда для Рембо поэзию как таковую. Но олицетворял поэзию постольку, поскольку его приверженцы казались ему романтиками: “истинный поэт – истинный романтик” для Рембо, и парнасец Банвиль был в его восприятии романтиком» [1].

В своей «Книге масок» Реми де Гурмон говорит о Рембо с некоторой безразличностью, опаской, порожденными мифом об этом странном, непонятом высшим обществом поэте: «В его сборнике “Le Reliquaire” не найдется ни одного подлинного стихотворения, написанного позднее 1873, хотя он умер только в конце 1891. Его ранние стихи слабы, но уже с 17 лет он начинает проявлять оригинальность. Творения Рембо останутся в литературе как явление в высшей степени достопримечательное. Часто он неясен, странен и нелеп. Без следа искренности, с характером женщины, злой и жестокой от природы, Рембо одарен одним из тех талантов, которые не нравятся, но интересуют нас» [6]. Тем не менее, Гурмон все же признает гениальность этого «проклятого»: «Гений облагораживает даже гнусность. Это был поэт» [6]. Рембо бунтует против старых художественных норм и традиций. Стоит указать на очевидное влияние бодлеровского «Поэта современной жизни» – не было бы преувеличением заявить, что именно с этой книги начинаются искания Идеала современности не только шарлевильского поэта-сорванца, протестующего против несправедливости буржуазного общества, но и вполне самодостаточных богемных живописцев Э. Мане и Э. Дега, хотя еще совсем недавно Рембо писал Т. де Банвилю: «Если я посылаю вам некоторые из своих стихов, – через доброго издателя Альфонса Лемера, – то потому, что люблю всех поэтов, всех парнасцев, – ибо поэт, одержимый идеалом красоты, обитает на Парнасе; потому что в вас я со всем простодушием люблю потомка Ронсара, собрата наших мастеров 1830-х, истинного романтика, истинного поэта. Вот почему, – не правда ли, это глупо, но, в конце концов?.. Через два года, возможно через год, я буду в Париже. – Anch’io [и я – *ит.*], господа из газеты, я стану парнасцем! Я не знаю, что такое во мне...

что готово подняться... – Клянусь вам, дорогой мэтр, что буду всегда поклоняться двум богиням – Музе и Свободе» [2, с. 40]. В качестве прочих кумиров юного Рембо стоит отметить таких авторов, как Франсуа Вийон, Пьер де Ронсар, Андре Шенье, Виктор Гюго, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Алоизиус Бертран, Шарль Бодлер, Жозеф Альбер Александр Глатиньи, Александр Дюма-сын, Марселина Деборд-Вальмор, Оноре де Бальзак, Жерар де Нерваль и др.

Однако Рембо слишком оригинален для того, чтобы подчиняться сложившимся стереотипам. Он пытается обрести в поэзии свободу, позволяющую художнику открывать новые смыслы. Желание отказаться от заблуждений прошлого для того, чтобы посредством «ясновидения» узреть неземное, – вот что заставляет Рембо оставить романтизм и создать свою уникальную художественную систему. Символизм в том виде, в котором он появляется и живет у этого «алхимика» от мира поэзии, во многом формируется на бодлеровской почве – на почве «Цветов зла». И хотя Рембо критикует своего предшественника за чрезмерную привязанность к традиции и форме, за нежелание отказаться от них ради поиска других, пока еще неизвестных инструментов поэтической выразительности, он все же считает Ш. Бодлера (1821–1867) «царем поэтов», последним истинным гением. По мнению Рембо, «ясновидение» – невероятно мучительный процесс, в ходе которого «ясновидящий» отравляет свои тело и душу всеми существующими ядами ради достижения неведомого. Поэт посредством этого мистического таинства обретает силу и знание, неподвластные обыденному человеческому существу: «Словом, поэт – настоящий похититель огня. Он уполномочен всем человечеством, даже животными; он должен дать почувствовать, потрогать, послушать то, что он открыл; если то, что он вынес оттуда, имеет форму, он передает ее; если оно бесформенно, то он передает бесформенность. Найти язык» [2, с. 70].

Развитие Рембо-поэта – вероятно, самый удивительный парадокс в истории мировой литературы. Уже в 17 лет этот «гений молодости» создает свои первые символистские стихотворения – «Гласные» и «Сестры милосердия». В сонете «Гласные» А. Рембо устанавливает соответствия между цветами и звуками. Позже в «Поре в аду» поэт напишет по этому поводу: «Я изобрел цвета гласных! А – черный, Е – белый, И – красный, О – синий, У – зеленый. – Я учредил особое написание и произношение каждой согласной и, движимый подспудными ритмами, воображал, что изобрел глагол поэзии, который когда-нибудь станет внятен сразу всем нашим чувствам. И оставлял за собой право на его толкование» [8, с. 204]. Важным обстоятельством является тот факт, что Рембо был знаком с «Соответствиями» из сборника «Цветы зла» – это бодлеровское стихотворение по праву может считаться прообразом «Гласных». Однако также существует немало свидетельств, согласно которым сонет «Гласные» является плодом увлечения

юного поэта алхимией и оккультными практиками. Биограф Рембо Жан Батист Баронян в своем «Rimbaud» делится с нами еще одной версией написания этого стихотворения. По мнению Бароняна, поэт написал «Гласные» под впечатлением от эксперимента Эрнеста Кабанера, завсегдатая «Кружка чертыхателей»: «В тот вечер, когда Артюр появился в кружке, Кабанер как раз сидел за пианино и что-то импровизировал. В этом он считался настоящим мастером и вызывал всеобщее восхищение. Они обменялись несколькими фразами, после чего Кабанер показал Артюру небольшой текст, который сочинил и положил на музыку: «Сонет о семи числах». Он был убежден, что существует очевидная связь между звуковой и цветовой гаммами. Якобы нота «до» соответствует белому, «ре» – синему, «ми» – розовому, «фа» – черному, «соль» – зеленому, «си» – оранжевому. И предложил Артюру тоже написать сонет, в котором бы определялось соответствие не между цветами и нотами, а между цветами и гласными звуками» [2, с. 87].

Еще одним значительным творением А. Рембо является «Что говорят поэту о цветах» – символистская поэма, полная неожиданных образов и иронии над старыми художественными предрассудками. Важными элементами произведения являются флоросимволы, через которые Рембо выражает свое отношение к романтическим идеалам и даже высмеивает их. Например, лилия, воспринимавшаяся романтиками как величественный, царственный цветок, символ красоты и благородства, высмеивается шарлевильским поэтом как «клистир восторга». Рембо, подобно Нервалю, очаровывается незабудкой – цветком бедняков. Незабудке противопоставляются воспетые романтиками сирень и фиалка:

Когда же сойдешь поутру,
Белея рубахою потной,
Наполнит ее на ветру
Душок Незабудки болотной.
Но стих твой одной лишь открыт
Сирени – о вымысел жалкий! –
Да сладким плевкам Альсеид,
Духмяным соцветьям Фиалки!..
[8, с. 95]

Рембо решительно протестует против засилья стереотипов в искусстве. Практически каждая строфа в «Что говорят поэту о цветах» является отсылкой к какому-либо произведению французской литературы. Например, говоря о «пунцовых яйцах бутонов» А. Рембо намекает на сонет «Огневой цветок» Хосе Мария де Эредиа (похожее произведение есть и у Леконта де Лиля), а призыв «посвятить свой стих болезни картофеля» есть ни что иное как возвращение к традициям «Цветов зла». Поэма посвящена Т. де Банвилю – кумиру парижской

современной Рембо богемы. Юноша бросает вызов мэтру, позволяет себе насмехаться над его нашумевшими «Сталактитами». С. Г. Горбовская отмечает в статье «Загадки флоросимволизма в поэме А. Рембо “Что говорят поэту о цветах”»: «Поэма Рембо, без сомнения, запутанный лабиринт символизма, Страна Чудес, по которой интерпретатор путешествует с не меньшим изумлением, чем героиня сказки Л. Кэрролла. Символы здесь многозначны и сложны для интерпретирования. Но в том и весь смысл предложенных Рембо “розы”, “лилии”, “ашоки” или “цветка картофеля”: они настолько многозначны, насколько хватает фантазии исследователя или переводчика. Однако нужно признать, что для неподготовленного читателя, открывшего томик поэзии Рембо в надежде найти там что-нибудь похожее на более-менее доступные широкой публике стихи В. Гюго или А. де Ламартина, доступ к интерпретации произведения закрыт, и без комментариев оно останется для него лишь туманным дискурсом, ничего не значащим набором загадочных и недоступных слов» [5]. Таким образом, мы можем заключить, что в поэме «Что говорят поэту о цветах» А. Рембо противостоит однообразности вырождающейся романтической традиции, спорит с современниками, использует аллюзии на их произведения, призывает своих собратьев по перу не следовать слепо за привычными установками, но искать свои оригинальные пути самовыражения.

Однако самым ярким творением А. Рембо считается «Пьяный корабль» – поэма о бриге, полностью отдавшемся стихии, воле бурных волн. Очевидно, что описание странствий пьяного корабля – это рассказ поэта о самом себе, исповедь гения, возжаждавшего новых горизонтов. Удивительным кажется и тот факт, что на момент написания поэмы Рембо ни разу в своей жизни не видел моря. Богатое воображение и энциклопедические познания – единственное, на что опирается «маленький Шекспир» (выражение В. Гюго) из Шарлевиля при написании «Пьяного корабля».

Известно, что Рембо на момент написания «Пьяного корабля» было 16 лет. Находясь под влиянием романов Жюль Верна, «Старого отшельника» Леона Дьеркса, «Плавания» Ш. Бодлера и «Ветра с моря» Стефана Малларме, А. Рембо решает отправиться в свое поэтическое путешествие по неизведанным морям и океанам. Рассказ об этом путешествии ведется от лица самого пьяного корабля – его хозяева были убиты индейцами. Полуразрушенное судно, наполненное фламандским зерном и английским коленкором, отправляется на свободный простор, где его ждут встречи с утопленниками, гниющим в глухих бродилищах Левиафаном, эскортом морских коньков и многое другое. Бурное напористое описание морского странствия вызывает у читателя чувство опьяняющей свободы. Однако конец путешествия вряд ли будет счастливым – познавший все

пьяный корабль желает потонуть в пучине. Вернуться к пристаням Европы он не хочет и не может, а продолжать плавание сил больше нет.

Но – я исплакался! Невыносимы зори,
Мне солнце шлет тоску, луна сулит беду;
Острейшая любовь нещадно множит горе.
Ломайся, ветхий киль, – и я ко дну пойду.
Европу вижу я лишь лужей захолустной,
Где отражаются под вечер облака
И над которою стоит ребенок грустный,
Пуская лодочку, что хрупче мотылька.

[8, с. 111]

«Пьяный корабль» стал культовым произведением для символизма и импрессионизма, а также повлиял на развитие экспрессионизма и сюрреализма. Яркие, врезающиеся в память впечатления моментально сменяют друг друга – каждая следующая строчка несет в себе что-то новое, удивительное, незабываемое. Поэт как будто описывает галлюцинации, увиденные в дни своего бесконечного плаванья, пугающего и завораживающего одновременно. Желание обрести безграничную свободу – вот, что движет этим хилым, готовым в любой момент развалиться кораблем. И он обретает ее, но, кажется, что эта безграничная свобода не способна избавить от скуки. Изнемогший, но прочувствовавший всё пьяный корабль А. Рембо надеется погибнуть – ему больше нечего постигать на этой планете, ведь он видел «то, что никому не явлено вовек».

Будучи максималистом, Рембо искренне верил в то, что мир можно изменить посредством поэзии, искусства. Ради достижения этой сокровенной цели поэт не жалел себя, рисковал своим здоровьем, благополучием, отказывался от комфорта. «Ясновидение» казалось юному гению тем самым средством, которое позволит дотянуться до неизведанного, неземного, сверхчеловеческого. Но уже довольно скоро Рембо приходит к выводу, что этим мечтаниям не суждено сбыться. Уже в стихотворении «Песня из самой высокой башни» из цикла «Празднества терпения» поэт намекает на возможное самоотречение:

Отрешен от всего я,
Что хлебнул молодым;
Все страданье былое
Растворилось, как дым.
Но от жажды тлетворной
Стала кровь моя черной.

[8, с. 123]

В другом стихотворении из этого же цикла Рембо утверждает, что ему открылась Вечность:

Обретена
Вечность!.. Она –
Это волна,
Слитая с солнцем.
[8, с. 124]

«Пора в аду» является ключом к пониманию жизни и творчества Рембо. В ней поэт рассказывает о себе, своих стремлениях, мечтаниях, разочарованиях. Здесь же «ясновидец» признает ошибочность своей теории: «Меня обуял ужас. На много дней я провалился в сон, а пробудившись, продолжал видеть наяву печальнейшие сны. Я созрел для кончины, и слабость моя опасными тропами вела меня на край света и Киммерии, родины мглы и водоворотов. Мне пришлось пуститься в странствия, чтобы рассеять чары, завладевшие моим рассудком. На море, которое я полюбил так, будто оно должно было смыть с меня всю мою скверну, я видел восход утешительного креста. Я был проклят радугой. Счастье стало моим роком, укором, червем, гложущим мое сердце; жизнь чересчур огромна, чтобы посвящать ее силе и красоте» [8, с. 209].

Рембо не жалеет критики в свой адрес. Он признается, что в определенный момент начал верить в то, что все сущее обречено на счастье, и «от радости напустил на себя донельзя шутовской и дурашливый вид». Поэт чувствует, что потерпел неудачу. А ведь еще совсем недавно Рембо помышлял изменить всю мировую поэзию, низвергнуть идиологов, обновить литературные традиции – одним словом, он помышлял на практике реализовать принцип «ясновидения». Но новые времена оказались жестокими по отношению к гению «Пьяного корабля» – изможденный физически и душевно, Рембо болезненно переживает заключение Верлена, крушение всех своих поэтических идеалов и принципов, невозможность достичь неведомого. Зимой 1875 года 20-летний Рембо завершает редактирование «Озарений» и навсегда уходит из литературы.

Несмотря на то, что наследие поэта А. Рембо невелико по размеру, его влияние на развитие всей мировой культуры невозможно переоценить. Рембо по праву считается основоположником символизма, предтечей сюрреализма и экспрессионизма, также он был близок к французскому литературному импрессионизму, основу которого заложил П. Верлен. Можно заключить, что вся мировая литература XX века чувствует свою связь с творчеством А. Рембо. В «Манифесте сюрреализма» Андре Бретон заявляет: «Рембо – сюрреалист в жизненной практике и во многом» [3]. В своих поисках к поэзии гения из Арденн часто обращаются немецкоязычные экспрессионисты. Например, Георг Гейм под впечатлением от «Офелии» Рембо создает свою «Офелию», а Георг Тракль называет французского поэта своим «звездным братом». Под влиянием «Пьяного

корабля» Николай Гумилев сочиняет свое самое загадочное стихотворение «Заблудившийся трамвай».

В своем «Бунтующем человеке» об А. Рембо размышляет французский писатель и философ Альбер Камю. По его мнению, Рембо не смог «до конца выстрадать свой гений», а оттого уход из литературы не добродетель, а ошибка, достойная порицания, слабость. Тем не менее, Камю не может не восхищаться своим соотечественником: «Величие Рембо не в его крикливых детских стихах шарлевильского периода и не в его харарских торговых операциях. Оно чувствуется лишь там, где поэт, находя для бунта на редкость точный язык, выражает одновременно свое торжество и свою тоску, говорит о жизни, отсутствующей в мире, и о неизбежности общения с миром, взывает к недостижимому и силится объять суровую реальность, отвергает мораль и повествует о неодолимой тяге к нравственному долгу. В минуты, когда, неся в себе самом ад и озарение, глумясь над красотой и восхищаясь ею, он превращает неустранимое противоречие в песнь, где смыслы двоятся и чередуются, в такие минуты Рембо – величайший поэт бунта» [7].

А. Рембо – одна из наиболее значительных фигур в истории литературы. Его решительный протест против прежнего искусства, обезображенного устаревшими нормами и установками, в корне изменил всю мировую культуру. А. Рембо по праву считается самым удивительным поэтическим гением Франции, его жизнь и творчество уже давно стали частью мифа о юном бунтаре, который не испугался бросить вызов ни буржуазному обществу, ни парижскому бомонду, ни своей судьбе, полной пугающих потрясений и болезненных разочарований. Именно поэтому Рембо воспринимается нами как «гений молодости», как, вероятно, самый свободный, самый непокорный поэт из всех когда-либо живших на этой планете.

Список использованных источников

1. Андреев, Л. Феномен Рембо / Л. Андреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/POEZIQ/REMBO/rembaud_andreev.txt. – Дата доступа: 12.04.2024.
2. Баронян, Ж. Б. Артюр Рембо / Ж. Б. Баронян. – М.: Молодая гвардия, 2019. – 272 с.
3. Бретон, А. Манифест сюрреализма / А. Бретон [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest_syurrealizma.html#81920 – Дата доступа: 11.04.2024.
4. Верлен, П. Замкнутый рай / П. Верлен. – М.: Звонница-МГ, 2017. – 294 с.
5. Горбовская, С. Загадки флоросимволизма в поэме А. Рембо «Что говорят поэту о цветах» / С. Горбовская [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zagadki-florosimvolizma-v-poeme-a-rembo-chto-govoryat-poetu-o-tsvetah/viewer>. – Дата доступа: 12.04.2024.

6. Гурмон, Р. Книга масок / Р. Гурмон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/557691-2-remi-gurmon-kniga-masok.html#book>. – Дата доступа: 13.04.2024.

7. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dostoevskiyfyodor.ru/camus/tvorchestvo/buntuyushhij-chelovek/pagen/10/>. – Дата доступа: 13.04.2024.

8. Рембо, А. Пьяный корабль / А. Рембо. – СПб.: Азбука, 2019. – 224 с.

References

1. Andreev, L. Fenomen Rembo / L. Andreev [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://lib.ru/POEZIQ/REMBO/rembaud_andreev.txt. – Data dostupa: 12.04.2024.

2. Baronyan, Zh. B. Artyur Rembo / Zh. B. Baronyan. – М.: Molodaya gvardiya, 2019. – 272 s.

3. Breton, A. Manifest syurrealizma / A. Breton [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest_syurrealizma.html#81920 – Data dostupa: 11.04.2024.

4. Verlen, P. Zamknutyi rai / P. Verlen. – М.: Zvonitsa-MG, 2017. – 294 s.

5. Gorbovskaya, S. Zagadki florosimvolizma v poeme A. Rembo «Chto govoryat poetu o tsvetakh» / S. Gorbovskaya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagadki-florosimvolizma-v-poeme-a-rembo-chto-govoryat-poetu-o-tsvetah/viewer>. – Data dostupa: 12.04.2024.

6. Gurmon, R. Kniga masok / R. Gurmon [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/557691-2-remi-gurmon-kniga-masok.html#book>. – Data dostupa: 13.04.2024.

7. Kamyu, A. Buntuyushchii chelovek / A. Kamyu [Elektronnyi resurs] . – Rezhim dostupa: <https://dostoevskiyfyodor.ru/camus/tvorchestvo/buntuyushhij-chelovek/pagen/10/>. – Data dostupa: 13.04.2024.

8. Rembo, A. P'yanyi korabl' / A. Rembo. – SPb.: Azbuka, 2019. – 224 s.

UDC 821.161.1

Natallia Sivakova,
PhD, Associate Professor;
Francisk Skorina Gomel State University
(Belarus)
sivakovan@mail.ru

SPATIAL AND TEMPORAL ORGANIZATION OF ZAKHAR PRILEPIN'S SHORT STORY COLLECTION "DOGS AND OTHER PEOPLE"

The article addresses the spatial and temporal framework of the artistic world shown in Zakhar Prilepin's short story collection "Dogs and Other People". The chronotope is determined to serve as an organizing element that arranges the non-spatial (value) characteristics of the artistic reality being created. The revealed spatial opposition "nature – civilization" is further accentuated by the writer's description of "open-closed", "dangerous-safe", "divine-human", "male-female", and "immortal-mortal".

Keywords: artistic space; artistic time; artistic reality; opposition; event; value structure.

Наталья Сивакова,
кандидат филологических наук, доцент;
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
(Беларусь)
sivakovan@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «СОБАКИ И ДРУГИЕ ЛЮДИ»

В статье рассматривается пространственно-временная модель художественного мира сборника рассказов Захара Прилепина «Собаки и другие люди». Делается вывод о том, что хронотоп является организующим элементом, вокруг которого выстраиваются и непространственные (ценностные) характеристики создаваемой художественной реальности. Выявленная пространственная оппозиция «природа – цивилизация» дополнительно маркируется такими авторскими характеристиками, как «открытый – закрытый», «опасный – безопасный», «божественный – человеческий», «мужской – женский», «бессмертный – смертный».

Ключевые слова: художественное пространство; художественное время; художественная реальность; оппозиция; событие; ценностная структура.

Формы изображения пространства и времени в художественном произведении обычно отражают разные варианты моделирования событий, способы передачи обстоятельств действия, а главное, значимые перемены во внутреннем мире персонажей и в описании окружающей обстановки. Важную роль в этом изображении имеет авторская оценка всех потенциальных вариантов изменений и авторский отбор необходимых деталей и значимых характеристик при воссоздании художественной реальности и действующих в ней персонажей. Цель нашего исследования – выявить ценностную структуру художественного мира, воссозданного в сборнике рассказов Захара Прилепина «Собаки и другие люди» (2024), в частности, структуру хронотопа, и определить художественные функции изображённого пространства и времени в рассказах.

Методологическую основу нашего исследования составили идеи М. М. Бахтина и Н. Д. Тмарченко. По мнению Бахтина, каждый человек неповторимо сопричастен бытию, каждый имеет в бытии единственное «место», в котором «время и пространство индивидуализуются», что неизбежно влечет за собой ценностное осмысление мира [1, с. 117]. Идея Бахтина о «ценностном топосе», центральной фигурой которого выступает человек, получает развитие в теоретических работах Н. Д. Тмарченко, который полагал, что отбор и «создание единой пространственно-временной структуры мира героя имеют своей целью воплотить или передать определённую систему ценностей» [2, с. 180]. Данные утверждения позволяют нам сформулировать вывод о том, что пространственно-временная модель художественного мира является организующим элементом, вокруг которого выстраиваются и непространственные (ценностные) характеристики создаваемой художественной реальности и действующих персонажей, а также система отношений между ними и их вовлеченность в происходящие события.

Сборник рассказов «Собаки и другие люди» З. Прилепина составлен из тринадцати рассказов, лишенных строгой хронологической последовательности, представляющих собой ретроспективное повествование личного повествователя, совмещающего функции рассказчика и персонажа, о жизни обитателей своего дома и деревни. Составленные в одну книгу рассказы объединены не только личностью повествователя. Главные герои книги – семь собак разных пород (сенбернар Шмель, русская борзая Кай, мастино наполетано Нигга, бассеты Золька и Толька, тибетский мастифф Кержак), рыжий кот и попугай Хьюи являются сквозными действующими персонажами, события из их жизни пересекаются во многих эпизодах, соединяя различные сюжетные линии в единое целое. Наблюдая за жизнью своих питомцев, познающих любовь, боль и страх, автор размышляет над сложными вопросами, которые касаются глубинных основ

бытия. Таким образом, в качестве критериев, позволяющих нам рассматривать пространственно-временную организацию всех рассказов, включенных в сборник «Собаки и другие люди», как единый хронотоп, характеризующий художественный мир в целом, можно выделить следующие: единство авторской концепции, интегрирующее повествование на содержательном уровне, единое место действия, временная последовательность, объединяющие отдельные события в сюжетную схему, наличие системы персонажей, стилевая целостность авторского текста.

Название сборника представляет собой переосмысленную метафорическую схему: «человек – это собака», компоненты которой воплощают более универсальную концептуальную модель «человек – животное (зверь)». Однако идейный замысел книги З. Прилепина предполагает осмысление мира животных (собак) посредством понятийной сферы мира человека, что повлекло перестановку компонентов в заглавии: «Собаки и другие люди»

Сюжетная основа каждого рассказа базируется на обозначенной в заглавии антитезе «звери – люди», которую можно интерпретировать как универсальную оппозицию «природа – цивилизация». Принадлежность зверей (собак) к миру природы противопоставляется миру цивилизации, созданной людьми. В тексте рассказов пространство «цивилизации» представлено образом деревни, состоящей из изолированных друг от друга немногочисленных домов, а «природное» пространство формируют образы леса и реки, которые одновременно выступают и в качестве границы, отделяющей мир затерянной цивилизации от большого мира. Однако «мир людей» и «мир природы» не имеют четких грани, ни внешней, ни внутренней. Так, при описании внешнего пространства неоднократно подчеркивается условность и проницаемость границ: «Мы были уверены, что живем на краю заповедника. В свою очередь, звери могли думать, что обитатели заповедника – это мы» [3, с. 13]. До тех пор, пока человек воспринимает себя как часть природы, он не нуждается в отграничении «своего» пространства от «чужого»: дом, лес, река воспринимаются как единое место обитания и сфера перемещения. Однако дом другого человека четко квалифицируется как «чужой» и отгораживается забором. В целом, деревня как пространство цивилизации характеризуется как «малолюдная, затерянная в глухих лесах местность», при этом жители практически не общаются друг с другом, не испытывая при этом дискомфорта. Окружающая эту «затерянную» цивилизацию природа божественна и совершенна, а места обитания человека изолированы и предстают в виде покосившихся ветхих строений, вокруг которых упорно возводятся нерушимые стены.

Предметом изображения в рассказах является обычный человек и его повседневная жизнь с тревогами и заботами, поэтому мельчайшие детали

окружающего быта наполняют изображаемый художественный мир, центральное место в котором занимает дом, окруженный от внешнего мира забором. Появление в семье главного героя первого щенка (сенбернара Шмеля) совпадает по времени с переездом в деревню, где уже имелся «двухэтажный, насуспенный, скрипучий домик на покосившемся фундаменте» [3, с. 8]. Жизненным центром этого геометрически непропорционального пространства является «настоящая печь» – домашний очаг, хранительницей которого выступает женщина. Дом – это женская территория, тут таится сила ожидания и прощения, а в финале рассказа «Дебрь» оказывается, что дом наполнен и силой знания правильного пути. Однако внутреннее пространство дома, выстроенного вокруг добротного деревянного сруба, имеет четкое деление: нижняя часть дома считается «женской», а второй достроенный этаж – «мужским». Эта оппозиция основана на функциональном зонировании: зона совместного отдыха, чаепития, приготовления еды наполнена материнским теплом и заботой и является центром притяжения для всей семьи, а рабочий кабинет отца – зона творчества и созидания – несколько изолирован, но не менее привлекателен: дети очень любят играть там в его отсутствие. В целом, созданный руками человека дом в моделируемой Прилепиным художественной реальности оценивается как безопасный и выполняет защитную функцию не только от внешних угроз, но и от внутренних тревог. Таким образом, традиционное деление пространства на внутреннее и внешнее, замкнутое и незамкнутое, близкое и далекое, нижнее и верхнее дополняется в тексте рассказов индивидуально-авторскими значениями: женское – мужское, безопасное – опасное.

С момента переезда обычному (биографическому) времени начинает противопоставляться время добровольной изоляции, для которого характерны цикличность, определяемая сменой сезонов, и событийность, связанная с «испытаниями», то есть с переходами за пределы обжитого пространства. Движение по горизонтали, пересечение границ дома каждый раз сопряжено с познанием собственных внутренних пределов героев.

Внешнее пространство «большого мира», находящееся за пределами деревни, обозначено пунктирно, метафорически связано с освоением природных ландшафтов и представлено, в основном, в воспоминаниях главного героя, который «пересек несколько самых горячих и самых холодных морей, перелетал океаны, а после купался в них, спускался на ледяных сквозняках к отдающим вековой студеной силой рекам, бросал камни в заброшенные пруды неслыханных глухоманей» [3, с. 19]. Таким образом, свободное передвижение в рамках воссозданной художественной реальности сопряжено с переживанием опасности и является привилегией мужчин.

Пространство, окружающее деревню, представлено «природными» образами леса и реки и также связано с чувством потенциальной угрозы со стороны внешнего мира. А отношение героев к пересечению внутренних границ дома и их поведение на открытом пространстве выступает важной портретной характеристикой. Первая прогулка в лес с хозяином – как обряд инициации для всех собак, поскольку знакомство с мирозданием открывает новые возможности для реализации скрытого потенциала. Так, центральное событие в рассказе «Дебрь» – это поиски в лесу затерянного озера, которые закончились бесцельным блужданием и попаданием в плен непроходимой чащи. И в этой трудной ситуации сопровождавший героя пес Кай не утратил веры в своего хозяина. Воплощение природной красоты и грации, Кай был создан для простора и полета и тяготился блужданием среди непролазной глуши, однако бесконечно доверял своему хозяину и держался рядом. В душе главного героя поиски обратной дороги домой сопровождались сменой противоречивых чувств: упрямая убежденность переросла в порывистую ярость, а затем трансформировалась в остервенелое отчаяние, к которому в конечном итоге присоединилось подавляющее чувство стыда. Передвижение по лесу в безрезультатных поисках озера, а затем обратной дороги домой является метафорическими поисками правильного пути в жизни. Автор подводит читателей к мысли, что заблудиться в пространстве не так опасно, как принять неправильное решение в течение жизни, поскольку исключена возможность вернуться назад во времени и исправить ошибку. Таким образом, природное пространство динамично, связано с движением и представляет сферу познания как внутренних возможностей, так и тайн внешнего окружающего мира.

Повествование о разнохарактерных четвероногих обитателях дома – это не описание беззаботной жизни собак вместе с хозяевами. Основу развития сюжета каждого рассказа составляет испытание, которое проверяет (и / или меняет) характер пса или открывает ему новые знания о себе и мире. Такими значимыми событиями в жизни героев стали состоявшееся отцовство Шмеля, блуждание по лесу Кая, болезнь Кержака. Однако «черному богатырю» Нигге пришлось проходить испытание дважды: ему грозила возможная гибель в весенней полынье и подстроенная руками соседа смерть от крысиного яда. Автор постепенно подводит своих питомцев к пониманию собственной конечности и смертности.

В начале повествования (рассказ «Вчерашний костер на снегу») чужая смерть, неожиданная и случайная, не вызывает у собак никаких эмоций, поскольку нет знаний и опыта: «...я вдруг понял по непуганой беспутной суеде, производимой ими, что питомцы мои не знают ни человеческой, ни чьей-либо еще смерти, и запах ее не страшит их» [3, с. 74]. Связь с природой, ощущение ее величия и мощной энергии позволяет человеку и животным не задумываться над собственной незначительностью и смертностью. Однако именно наблюдение за

процессами гибели деревьев, тела которых каждый год весной уносит река, заставляет главного героя прийти к пониманию, что без корней нет жизни. Так «бессмертная» природа открывает тайну смертности всего живого.

В процессе дальнейшего повествования собаки приближаются к почти человеческому осознанию к ограниченности собственной жизни. Знак избранности на груди Нигги (рассказы «Звериная ночь», «Нигга», «Холодные лапы»), его таинственное происхождение («сын африканского отца и неведомой матери, подарившей ему белую звезду на грудь. Быть может, она была керженской русалкой. Быть может, февральской кометой» [3, с. 91]) делает его существом потусторонним, дважды побеждавшим смерть. Черный цвет объединяет Ниггу с природой: осенью он сливается с окружающим пейзажем, как бы растворяясь в нем, и эта воплощенная чернота позволяет хозяину не так остро чувствовать свое одиночество, заживляет душевные раны. С человеком его роднит способность испытывать страх и желание поделиться пугающими его эмоциями с окружающими, при этом он издает осмысленные звуки, напоминающие речь. Когда спасенный из полыньи пес делился ужасным знанием, автор вербализировал мысли собаки, делясь результатами собственного познания: «Он заглянул во тьму – и тьма эта хуже, чем тьма самого темного леса. Хуже, чем тьма самого темного коридора. Хуже, чем тьма старого подвала в брошенном доме. Там нет ничего, кроме ночи. Там пахнет только льдом» [3, с. 80]. Описание последних недель жизни Нигги после постановки смертельного диагноза пронизано осмысленным пониманием того, что именно с ним происходит. Собачья старость Нигги напоминает человеческую: меняется внешность, слабеют мышцы, выветривается терпкий собачий дух, но самое главное – это ощущение прорастающей ненависти к возможному будущему для других, но не для себя. Осознание конечности собственной жизни и достойное принятие этого факта очеловечивает животного, стирая границы между «природой» и «человеком».

В доме главного героя зачастую могли проживать одновременно несколько собак, которые по-разному взаимодействовали, делили территорию и завоевывали внимание хозяев. Однако черный мастино наполетано Нигга и тибетский мастиф Кержак сосуществовали бок о бок, «как валуны посреди степи». Природное начало нашло воплощение в имени мастифа: «Чернотой и рыжестью он был похож на осенний керженский лес, посреди которого стоял наш дом, посему тут же получил свое законное имя – Кержак» [3, с. 121]. В возрасте одного года Кержак тяжело заболел: его кости начали рассыпаться и не могли больше носить собачье тело по земле. Вынесенный приговор: надо усыпить – заставил собаку проявить «нечеловеческое» мужество в борьбе за жизнь. Нигга по-мужски поддерживал друга во время болезни, еще не зная о том, что ему придется уйти первым.

Кержак почти по-человечески понимает собственную изолированность и конечность. Отстаивая свою добычу или защищая членов семьи, Кержак издает пугающий всех вокруг звук древнего человека: «Его рык раздавался будто из-под земли. Из того позапрошлого мира, где не знали Христа. В том мире люди еще не научились складывать понятия в слова, но уже запомнили наверняка, что они стремительно смертны» [3, с.129]. Однако параллельно с первобытной природой в этом существе, похожем на медвежонка, уживается удивительное чувство внутренней упорядоченности и четкое соблюдение установленных им традиций. Пес Кержак оказался единственным, кому было позволено жить во дворе, а не в вольере. «Дремучие» правила, которым Кержак неукоснительно подчинялся, заключались в следующем: пить только чистую воду из реки и есть только то, что дают хозяева. Испытывая особый скепсис ко всему телесному, Кержак сторонился падали в лесу и не обнюхивал встречных собак. Зато его «дремучая душа» не только нуждалась в осязаемой связи с хозяином, но и испытывала потребность чувствовать себя сопричастным восприятию прекрасного. Он, подражая хозяину, любил умиротворенно созерцать реку, сидя на высоком берегу возле старой часовни. Перенесенные операции изменили внешность: железные ноги и его хромота пугали окружающих и казались признаком «потусторонней силы». Вернувшийся с того света, Кержак приобрел способность видеть два мира: «Ему, зависшему между мирами, хватало зрения на половину этого мира и на половину того. С этого берега он лаял на тот. С того берега смотрел сюда сквозь дождь, заливающий глаза» [3, с. 180]. Таким образом, принадлежность зверей (собак) к миру природы противопоставляется миру цивилизации, созданной людьми. Однако «мир людей» и «мир природы» не имеют четкой ни внешней, ни внутренней границы. Внутреннее пространство героев, где человеческие и природные черты проявлены в тесной взаимосвязи, также характеризуется амбивалентностью, и эта двойственность становится устойчивой сравнительной характеристикой в индивидуально авторской картине мира З. Прилепина.

Пространство и время являются основными параметрами художественной реальности и конституируются в рассказах способами называния физических объектов, их границ и характеристик и временными интервалами между указанными объектами или между значимыми эмоциональными состояниями героев.

Индивидуально авторская картина мира, которая является единой во всех рассказах, построена на логической взаимосвязи «животное – это часть природы», которая трансформируется автором в утверждение: «собака – это совершенное воплощение природы». Человек нуждается в общении с природой, только ощущая свою связь с циклическими ритмами, он способен в этой упорядоченности

почувствовать движение жизни. Закономерная смена сезонов, гибель деревьев, лишенных корней, примиряют человека с собственной смертностью.

Всестороннее изучение особенностей пространственно-временных параметров создаваемой единой художественной реальности в сборнике рассказов «Собаки и другие люди» позволило выявить пространственную оппозицию «природа – цивилизация», которая дополнительно маркируется такими авторскими характеристиками, как «открытый – закрытый», «опасный – безопасный», «божественный – человеческий», «мужской – женский», «бессмертный – смертный». А это значит, что на сверхтекстовом уровне, на уровне аксиологического моделирования язык пространственных отношений становится одним из основных средств осмысления и оценки действительности. Таким образом, пространственная модель мироустройства становится организующим элементом, вокруг которого выстраиваются и непространственные характеристики.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9–226.
2. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тamarченко. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М.: Академия, 2007. – 512 с.
3. Прилепин, З. Собаки и другие люди / З. Прилепин. – М.: Изд-во АСТ: Neoclassic, 2024. – 251 с.

References

1. Bakhtin, M. M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti / M. M. Bakhtin // Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. – SPb.: Azbuka, 2000. – S. 9–226.
2. Teoriya literatury: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii: v 2 t. / pod red. N. D. Tamarchenko. – T. 1: Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika / N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. – M.: Akademiya, 2007. – 512 s.
3. Prilepin, Z. Sobaki i drugie lyudi / Z. Prilepin. – M.: Izd-vo AST: Neoclassic, 2024. – 251 s.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ НОМЕРА

Aksenchyk Natallia is the Head of the International Relations Department and a teacher at the Department of Marketing and International Management of Polessky State University (Belarus). She is the author of several publications in collections of scientific articles and conference materials published in Belarus, Russia, and Ukraine. The sphere of scientific interests encompasses the usage of innovative educational technologies, modern approaches to the development of education in the conditions of digitalization, etc.

Аксенчик Наталья – начальник отдела международных связей, преподаватель кафедры маркетинга и международного менеджмента Полесского государственного университета (Беларусь). Автор нескольких публикаций в сборниках научных статей и материалов конференций, которые издавались в Беларуси, России, Украине. Сфера научных интересов включает применение инновационных образовательных технологий, современные подходы к развитию образования в условиях цифровизации и др.

Danilovich Mikhail is a Master's student at the Faculty of Socio-Cultural Communications of the Belarusian State University, writing a master's thesis under the supervision of Tatyana Suprankova, senior lecturer at the Department of Cultural Studies (Belarus). His research interests encompass the history of culture and arts, the history of world literature, and history of French literature.

Данилович Михаил обучается в магистратуре факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, пишет магистерскую диссертацию под руководством Татьяны Супранковой, старшего преподавателя кафедры культурологии (Беларусь). Научные интересы: история культуры и искусств, история мировой литературы, история французской литературы.

Gorbunova Maria is PhD (in Pedagogy), Associate Professor; Head of the Center for Educational Quality Assessment of the Academy of Education (Belarus). One of the leading areas of her activity is the study of the formation of functional literacy among students and its qualified assessment; she participated in the development of the methodology, the basics of organizing, and conducting a national study of the quality of education. Her research interests also include problems of social and personal development of the younger generation, the developing potential of the research approach in teaching, artistic and aesthetic education of students.

Горбунова Мария – кандидат педагогических наук, доцент; начальник Центра оценки качества образования государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Одним из ведущих направлений ее деятельности является изучение вопросов формирования у учащихся функциональной грамотности и ее квалифицированной оценки; участвовала в разработке методологии, основ организации и проведения национального исследования качества образования. В сферу научных интересов входят также: проблемы социального и личностного развития подрастающего поколения; развивающий потенциал исследовательского подхода в обучении; художественно-эстетическое воспитание учащихся.

Guzenkova Tamara is a Doctor of Historical Sciences, Professor. She teaches a series of disciplines related to international relations at the Russian State University for the Humanities (Russia). She is the author of more than 160 publications in scientific publications in Russia.

Гузенкова Тамара – доктор исторических наук, профессор; преподает в Российском государственном гуманитарном университете (Россия) цикл дисциплин, связанных с международными отношениями. Автор более 160 публикаций в научных изданиях России.

Lozitsky Vyacheslav is PhD (in Pedagogy), Associate Professor; Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Polesky State University; a doctoral student of the State Educational Institution “Academy of Education” (Belarus). He is the author of 200 scientific publications, including 4 monographs, and 19 educational publications for school and university students. His research interests encompass problems of testology, information and communication technologies in education, the development and introduction of electronic educational resources into educational practice, formation and development of personal information culture.

Лозицкий Вячеслав – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полесского государственного университета; докторант государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Автор 200 научных публикаций, в том числе 4 монографий, 19 учебных изданий для студентов и школьников. Сфера научных интересов: проблематика тестологии; информационно-коммуникационные технологии в образовании; разработка и внедрение в образовательную практику электронных образовательных ресурсов; формирование и развитие информационной культуры личности.

Ma Chenglei is a PhD student at the Belarusian State University of Culture and Arts (Belarus), studying in the specialty “Theory and history of art”. Her research interests cover the history of musical theatre, the study of color symbolism, and the traditional culture of China and Belarus.

Ма Чэнлэй – аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь), обучается по специальности «Теория и история искусства». Сфера ее научных интересов охватывает историю музыкального театра, изучение символики цвета, традиционной культуры Китая и Беларуси.

Razhnova Anna is a senior researcher of the Laboratory of Personality Education Problems at the Academy of Education (Belarus). She is a specialist in the field of education, career guidance, formation of socio-emotional skills of students in the modern educational environment. She researches the problems of formation and development of functional literacy of students, mechanisms and tools for assessing functional literacy and its components.

Ражнова Анна – старший научный сотрудник лаборатории проблем воспитания личности государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Специалист в области воспитания, профориентации, формирования социально-эмоциональных навыков учащихся в условиях современной образовательной среды. Исследует проблемы формирования и развития функциональной грамотности обучающихся, механизмы и инструменты оценки функциональной грамотности и ее составляющих.

Shahab Olga is PhD (in Pedagogy), Associate Professor. She has taught at various humanitarian and technical universities in Belarus. She has been working at Tianjin Foreign Studies University (TFSU) permanently since 2017, including from 2018 to 2021 as a visiting professor; Director of the Yakub Kolas Center at TFSU. Olga Shahab is the author and co-author of a collective monograph on the theory and methods of teaching Belarusian as a foreign language, 6 textbooks, and more than 60 scientific articles published in Belarus, Poland, and China, the compiler and editor of several collections of international conferences. She has participated in the implementation of high-level scientific topics in Belarus and China. Her research interests include the theory and methods of teaching the Belarusian language, syntax and stylistics of the Belarusian language, translation studies, and gender studies.

Шахаб Ольга – кандидат педагогических наук, доцент. Более 25 лет преподавала в различных гуманитарных и технических вузах Беларуси, занимала руководящие должности. Работает в Тяньцзиньском университете иностранных языков на постоянной основе с 2017 года, в том числе с 2018 по 2021 годы в должности приглашенного профессора; директор Центра Якуба Коласа

Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР). Автор и соавтор коллективной монографии по теории и методике преподавания белорусского языка как иностранного, 6 учебных пособий и более 60 научных статей, опубликованных в Беларуси, Польше и Китае. Составитель и редактор нескольких сборников международных конференций. Участвовала в выполнении научных тем высокого уровня в Беларуси и Китае. Сфера научных интересов включает теорию и методику обучения белорусскому языку, синтаксис и стилистику белорусского языка, переводоведение, гендерные исследования.

Shahab-Kastetskaya Kassandra is a Master (in Pedagogy; teaching Chinese to speakers of other languages), a PhD student at Tianjin Foreign Studies University, majoring in “Foreign Language and Literature”, an assistant at the Belarusian language department (China). She is the author of articles related to Chinese-Russian translation and Chinese language teaching methods, co-author of 3 educational publications, and interpreter of 6 popular science publications.

Шахаб-Костецкая Кассандра – магистр педагогики (специализация «Преподавание китайского языка как иностранного»), аспирант Тяньцзиньского университета иностранных языков (специальность «Зарубежная филология»), ассистент кафедры белорусского языка указанного университета (Китай). Автор статей, посвященных проблемам китайско-русского перевода и методики преподавания китайского языка. Соавтор 3 учебных изданий, переводчик 6 научно-популярных изданий.

Shauliakova-Barzenka Iryna is PhD (in Philology), Associate Professor; expert at the Multicultural Research Center of Huzhou University (China); a participant in several international research projects. She is the author of more than 300 scientific and methodological works, published four collections of literary articles and literary-critical reviews. Her articles were translated into English, German, Polish, Turkish, and Ukrainian, and were published in Belarus, Austria, Azerbaijan, Hungary, China, Moldova, Poland, Russia, Turkey, and Ukraine. Research interests encompass conceptual and methodological foundations of the design and development of modern educational systems, assessment of the quality of education, modeling and implementation of cross-cultural educational process, scientific and methodological support of continuous literary education, types of literary creativity in the dynamics of artistic eras, transformations of artistic identity in the context of national self-identification processes, etc.

Шевлякова-Борзенко Ирина – кандидат филологических наук, доцент; эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу (Китай); участник ряда международных научно-исследовательских проектов. Автор более 300 научных и методических работ, издала четыре сборника

литературоведческих статей и литературно-критических рецензий. Статьи были переведены на английский, немецкий, польский, турецкий, украинский языки, печатались в Беларуси, Австрии, Азербайджане, Венгрии, Китае, Молдове, Польше, России, Турции, Украине. Сфера научных интересов: концептуально-методологические основы проектирования, реализации и развития современных образовательных систем; оценка качества образования; моделирование и реализация кросс-культурного образовательного процесса; научно-методическое обеспечение непрерывного литературного образования; типы литературного творчества в динамике художественных эпох; трансформации художественной идентичности в контексте процессов национальной самоидентификации и др.

Sivakova Natallia is PhD (in Philology), Associate Professor; Head of the Department of Intercultural Communications and International Tourism of Francisk Skorina Gomel State University (Belarus). She is the author of 55 scientific publications and 3 practical manuals for international students. Her research interests encompass problems of literary theory, non-fiction, narratology, theory, and methodology of teaching Russian as a foreign language.

Сивакова Наталья – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций и международного туризма Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Беларусь). Автор 55 научных публикаций, 3 практических пособий для иностранных студентов. Сфера научных интересов: проблематика теории литературы, non-fiction, нарратология, теория и методика преподавания русского языка как иностранного.

Wu Jing is a doctoral student at the University of Chinese Academy of Social Sciences, majoring in “Political Science Theory” (China). Her research interests cover grassroots government governance, interaction between government and the public, political culture, and other fields.

У Цзин – докторант Университета Китайской академии социальных наук по специальности «Теория политических наук» (Китай). Ее научные интересы охватывают государственное управление на низовом уровне, взаимодействие между правительством и общественностью, политическую культуру и др.

Xu Haiyan is a Doctor of Law and a third-level researcher at the Institute of Political Science, Chinese Academy of Social Sciences (China). She is a professor and doctoral supervisor at the University of Chinese Academy of Social Sciences. She is also a member of the 10th Council of the Chinese Association of Political Science, a special invited researcher at the World Socialism Research Center and the Center for Socialist

Democracy Studies of the Chinese Academy of Social Sciences, a special invited expert at the Chinese Academy of Social Sciences Evaluation Studies (CASSES), a special invited expert at the Department of Degree Management & Postgraduate Education of the Ministry of Education, and an expert in the achievement appraisal of the National Social Science Fund project of China. Xu Haiyan mainly engages in grassroots governance and comparative political research in China. She has published over 130 academic research articles in academic journals such as “CASS Journal of Political Science”, “Academics”, “Studies on the Socialism with Chinese Characteristics”, “Red Flag Manuscript”, and “Social Sciences Abroad”. She has also participated in leading multiple national and Sino-foreign cooperation projects and has won several awards for excellent decision-making information at the provincial and ministerial levels.

Сюй Хайянь – доктор юридических наук и исследователь третьего уровня в Институте политических наук Китайской академии социальных наук (Китай). Она является профессором и научным руководителем докторантуры в Университете Китайской академии социальных наук, членом 10-го совета Китайской ассоциации политических наук, специально приглашенным научным сотрудником Всемирного центра исследований социализма и Центра изучения социалистической демократии Китайской академии общественных наук, специально приглашенным экспертом Китайской академии оценочных исследований социальных наук, а также специально приглашенным экспертом Департамента управления дипломами и последипломного образования Министерства образования. Эксперт по оценке достижений в рамках проекта Национального фонда социальных наук Китая. Сюй Хайянь в основном занимается вопросами государственного управления на низовом уровне и сравнительными политическими исследованиями в Китае. Опубликовала более 130 научных статей в академических журналах «CASS Journal of Political Science», «Academics», «Studies on the Socialism with Chinese Characteristics», «Red Flag Manuscript», «Social Sciences Abroad». Принимала участие в руководстве многочисленными национальными и китайско-зарубежными проектами; получила несколько наград за информационно-исследовательское сопровождение управленческой деятельности на провинциальном и министерском уровнях.

Yakovenko Natalya is a Doctor of Sciences (in Philology), Associate Professor; she works at the Centre for Studies of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus. She is the author of more than 100 works published in scientific journals of Belarus, Russia, Ukraine, and Poland, as well as two monographs on the problems of literary translation from related languages. Her research interests include literary translation, literary comparativism, literary theory, textology, history of Belarusian and Russian literature of the 20–21st centuries.

Яковенко Наталья – доктор филологических наук, доцент; работает в Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Автор более 100 работ, опубликованных в научных журналах Беларуси, России, Украины и Польши, а также двух монографий по проблемам художественного перевода с родственных языков. Научные интересы: художественный перевод, литературная компаративистика, теория литературы, текстология, история белорусской и русской литератур XX–XXI веков.

Yuan Hao is a PhD (in Arts), and a senior lecturer; he teaches a series of disciplines related to regional studies, translation studies, and intercultural communication at Jiangsu Normal University (China). He is the author of several scientific articles in Chinese and international scientific publications and co-author of several textbooks. He has been the first interpreter of several scientific works. He is also an interpreter of several major national events in China and projects of Chinese ministries. His scientific interests include translation studies, regional studies, and intercultural communication.

Юань Хао – кандидат филологических наук, преподает в качестве старшего преподавателя в Цзянсуском педагогическом университете (Китай) цикл дисциплин, связанных со страноведением, переводоведением и межкультурной коммуникацией. Автор нескольких научных статей китайских и международных научных изданий. Соавтор ряда учебников. Первый переводчик нескольких научных работ. Переводчик ряда крупных национальных мероприятий в Китае и проектов китайских министерств. Сфера научных интересов: переводоведение, страноведение, межкультурная коммуникация.

Zinovich Olga is a PhD student at the Department of Psychology and Pedagogical Excellence of the State Educational Institution “Republican Institute of Higher Education”, a foreign language teacher at the Department of Marketing and International Management of Polesky State University (Belarus). She is the author of several publications in collections of scientific articles and conference materials, which were published in Belarus, Russia, and Ukraine. Her research interests include modern approaches to the development of education in the context of digitalization, current teaching methods using information and communication technologies, etc.

Зинович Ольга – аспирант кафедры психологии и педагогического мастерства государственного учреждения образования «Республиканский институт высшей школы», преподаватель иностранного языка кафедры маркетинга и международного менеджмента Полесского государственного университета (Беларусь). Автор нескольких публикаций в сборниках научных статей и материалов конференций, которые издавались в Беларуси, России, Украине. Сфера научных интересов включает современные подходы к развитию

образования в условиях цифровизации, актуальные методики обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий и др.

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语国家，逐渐辐射至沿线其他俄语国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所在各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十三五”规划“六重”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询服务，推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济共同发展。

跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语国家为重点，配合学校相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校100年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走出国门。积极开展“一带一路”重点俄语国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4个研究部”+“2个展示馆”+“1个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育学院、乌克兰教育学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方的共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

